Анастасия Елагина

ДУХОВО ПЛЕМЯ

ЧАСТЬ I

НАСЛЕДНИК

Анастасия Елагина

Духово племя

Часть I. Наследник

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84-445
Е47

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Елагина Анастасия
Е47 Духово племя : Часть I. Наследник / Анастасия Елагина. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 302 с.
ISBN 978-5-0050-4761-8 (т. 1)
ISBN 978-5-0050-4762-5

Жители королевства Йельмер верят в духов стихий и каждый год празднуют срединную ночь лета. Это веселое, но опасное время, ведь духи свободно бродят по земле и могут заманить в свой мир любого. Все сказки и легенды предупреждают людей о коварстве духов, но иногда искушение побеждает здравый смысл. Королева Мелезия, устав от дел, оставляет мужа и ребенка спокойно спать под охраной и отправляется на праздник. Чем закончится для нее и королевства желание потанцевать у костров в срединную ночь лета?

УДК 82-3
ББК 84-445

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-4761-8
ISBN 978-5-0050-4762-5

© Анастасия Елагина, 2021

1

Темные верхушки Вельского леса пиками торчали над густой массой стволов и веток, прорезая небо тут и там. Лес был настолько древним, что люди клялись, будто порой видят лица духов в старых толстых стволах деревьев. Старый лес всегда был естественной границей между соседними странами — Йельмером и Кессом. Неширокая дорога, проложенная через густые дебри так давно, что никто уже не мог вспомнить, когда именно это произошло, столетиями исправно служила для торговых караванов и путешественников, предпочитавших пересекать Вельский лес небольшими группами. Ходили слухи, что духи, обитавшие в древнем лесу, иногда заманивали к себе людей, выбирая пеших путников, отважившихся пройти через лес в одиночку. Однако несмотря на страшные истории о Вельском лесе, которые так любили рассказывать местные жители, торговля между двумя странами шла бойко, а по дороге постоянно курсировали караваны, к которым то и дело прибивались люди, боявшиеся пересекать это мрачное место без сопровождающих.

Расширить дорогу через Вельский лес не решался никто, ведь для этого пришлось бы срубить огромные старые деревья, и правители Йельмера и Кесса, повинуясь какому-то суеверному страху перед древними великанами, простиравшими свои ветви над дорогой, отказывались брать на себя ответственность за подобное кощунство. Возможно это и было одной из основных причин, гарантировавших мир между двумя странами. Вести войска лишь одной дорогой, где едва могли разъехаться две повозки, либо через густые лесные дебри было довольно глупо и попросту невозможно, поэтому со стороны леса никто из правителей нападения не боялся. Оставалось еще морское побережье, но такой вариант представлялся более хлопотным, поэтому короли обоих государств старались придерживаться дружеских

отношений и время от времени укреплять их с помощью торговых договоров и брачных союзов.

Йельмер находился севернее Кесса, и такое положение одарило его более суровой природой, ледяными озерами с чистейшей прозрачной водой, лугами, прекрасно подходившими для выпаса скота, и густыми лесами, полными дичи. Страна не испытывала недостатка в мясе, молоке, кожах, а все остальное: пшеницу, сушеные и свежие фрукты или овощи, всегда можно было закупить у Кесса, где всего этого было в избытке из-за более теплого климата. Впрочем, в южных провинциях Йельмера, где климат уже больше походил на кесский, пшеничные поля встречались нередко, хоть и не могли обеспечить зерном все королевство.

Мелезия, нынешняя королева и единственная дочь покойного короля Реймарта, была еще молода, замуж ее выдали довольно рано, за третьего сына йельмерского герцога. Брак этот считался матрилинейным, и все потомки принадлежали к роду покойного Реймарта и его дочери. Юная королева, казалось, приняла свое замужество как данность. Не было похоже, что она и Оин влюблены друг в друга, но более подходящую партию сложно было найти, и королева, воспитанная в традициях знати и долга перед своей страной, без возражений согласилась выйти за него замуж.

Они казались довольно странной парой, когда стояли перед духовым камнем под высокими сводами большого деревянного святилища. Оин был всего на пару лет старше Мелезии. Парня все считали слегка вздорным, но веселым и не лишенным обаяния. Молодой Оин слыл любителем охоты и празднеств, и многие в королевском замке надеялись, что он сумеет хотя бы немного растормошить излишне серьезную для своих лет юную королеву. Даже его внешность, казалось, располагала к себе людей. Он был рыжеволос и кареглаз, и лицо его, густо усыпанное веснушками, просто лучилось юностью и задором. Стоявшая рядом с ним молодая королева, выглядела более спокойной и полной какого-то зрелого достоинства. Она была очень хороша

в своем темно-зеленом, обшитом золотыми нитями платье, подчеркивавшем ее изумрудные глаза, черные волосы девушки, по традиции распущенные для свадебного обряда, украшала маленькая золотая корона.

Несмотря на сомнения советников молодой королевы, при дворе говорили, что они вполне ужились друг с другом, хотя Оину и не нравилось, что жена больше внимания уделяет государственным делам, чем ему и застольям. Когда недовольство мужа достигло предела и уже грозило перерасти в серьезную размолвку, в дело вмешался придворный маг Лотиус. Он посоветовал Мелезии дать Оину должность придворного распорядителя, чтобы он мог применить свой веселый нрав для устройства празднеств, приемов важных гостей и прочих развлечений, к чему у молодого супруга королевы были явные способности. Мелезия так и сделала, дав мужу возможность занять себя чем-то полезным и избавив себя от его дурного настроения и постоянных попыток отвлечь ее от дел.

Несмотря на регулярные слухи о том, что супруг королевы часто обращает свое внимание на служанок и даже некоторых знатных дам, этот брак спустя два года подарил Йельмеру наследницу — принцессу Киану. Королева Мелезия либо не знала, либо делала вид, что не знает о похождениях своего мужа. Говорили также, что она больше интересуется политикой и воспитанием ребенка, чем исполнением обязанностей жены в спальне. Возможно это и послужило причиной тому, что когда принцессе Киане исполнилось шесть лет, то ни братьев, ни сестер у нее так и не появилось. Тогда, дабы обезопасить будущее Йельмера, было решено начать переговоры с соседним Кессом о матрилинейной помолвке с племянником нынешнего кесского короля. Это должно было помочь закрепить мир между странами и обеспечить сохранность королевской линии йельмерского правящего дома. После формальных договоренностей королевская семья Йельмера отправилась в Кесс для знакомства с будущим женихом маленькой принцессы, обсуждения деталей помолвки, продления торговых со-

глашений и прочих дел, которые удобно было бы уладить лично.

Ночь застала королевский кортеж на подступах к Вельскому лесу, и Мелезия с Оином решили заночевать в ближайшей деревушке, а утром продолжить путь. То была ночь середины лета, священное время, когда люди плясали вокруг костров, и по преданиям духи озер, лесов и гор могли выходить и танцевать среди них, принимая облик человеческих юношей и дев. Говорили, что если неосторожно согласиться провести ночь с подобным духом, притворившимся человеком, то он навсегда заберет тебя в свою стихию — лесной заманит в леса, водный затянет в ледяные глубины озера, горный заведет в тайную дверцу, скрытую в земле, и сгинет человек навсегда в неуютных, холодных горах Бельта, огромной зубастой грядой возвышающихся на самом севере страны. Лишь духи огня не пытались приближаться к людям, и, казалось, вполне довольствовались разведенными в их честь кострами. Как и у любого народа, у йельмерцев было полно сказок, чтобы с их помощью в достаточной мере напугать детей и научить их не доверять незнакомым, особенно в такое опасное время, как срединная ночь. Королева Мелезия лежала без сна и вспоминала, как нянька давным-давно рассказывала ей историю о крестьянском парне из здешних мест, который угодил в плен к каменной деве гор.

Кейвин был сыном кузнеца, но с детства больше любил слушать страшные истории про тех, из другого мира (так простолюдины предпочитали называть духов), а не помогать отцу, учась кузнечному делу. Однако парень все же рос старательным, послушным и кое-как отцу удавалось понемногу привлекать его к работе. Когда Кейвину минуло пятнадцать лет, его впервые отпустили на гуляния в честь срединной ночи лета, как взрослого. Юный кузнец чувствовал себя неловко и долго стоял в стороне, не решаясь принять участие в веселье, хотя глаз не мог отвести от танцоров — смеющихся девушек и решительных парней, пригубивших травянки (водка на травах). Тут одна из девушек отделилась от толпы, быстро подошла

к нему и, хитро улыбаясь, затянула Кейвина в хоровод. Девушка была ему незнакома и Кейвин решил, что она, приехала на праздник к родичам из соседней деревни. Юный кузнец взял ее за руку. Она была гладкой, слишком гладкой для простой крестьянки, он посмотрел на профиль девушки, ярко очерченный светом костра, и подумал, что она похожа на чудесное изваяние, будто ожившее под рукой неведомого мастера. Ему бы встревожиться и вспомнить старые сказки о духах, заманивающих людей в свои сети, но парень был так очарован, что забыл про все, кроме прохладных пальцев незнакомки, покоившихся в его руке. Когда время перевалило далеко за полночь, и парочки начали потихоньку расходиться, Кейвин осознал, что она повела его не в сторону леса, на юг, а к северу, туда, где на окраине Йельмера высились горы Бельта, и по телу его прошла холодная дрожь.

–Куда ты ведешь меня?

Видимо в голосе его прозвучал испуг, потому что девушка остановилась, ласково взяла его лицо в свои холодные гладкие ладони, посмотрела в глаза кузнецу и тихо спросила:

–Ах, Кейвин, разве не хочешь ты пойти и разделить со мной ложе в эту чудесную ночь? Я отведу тебя к себе, туда, где я живу.

«Но ведь до соседней деревни идти целый день» — подумал Кейвин и тут же забыл о своих страхах, когда девушка нежно провела пальцем по его щеке.

–Пойдешь ли ты со мной, Кейвин, сын кузнеца? — спросила она снова.

–Пойду, — ответил он, боясь оторвать от нее взгляд.

–Так тому и быть! — хохотнула девушка и топнула ногой.

Тут же раскрылся в земле глубокий темный проход, и каменная дева гор увела в него Кейвина. Говорят, что ход этот вел к самим горам Бельта, в самое их нутро, к миру горных духов, и после этого Кейвина уже никто не видел. Так горная дева забрала сына кузнеца. Люди, которые волею судеб оказывались в Бельтовых горах, говорили, что иногда слышали тоскливые голоса пленников в гуляющем через перевалы ветре, а порой

и различали в скрежете падающих камней далекий стук, очень похожий на удары молота по наковальне.

Мелезия думала о бедном Кейвине, о горной деве и представляла далекие отблески костра в ночи и силуэты пляшущих у огня людей. В детстве она часто ходила на праздник срединной ночи и танцевала у костра, как обычная йельмерская девочка. Отец ее не чурался народных обычаев и хотел, чтобы дочь лучше знала своих людей и королевство. Однако после замужества все изменилось. Оин не одобрял ее участия в народных гуляниях, считая, что это роняет престиж королевского дома, в отличие от пиров и охоты, на которые он всякий раз пытался заманить свою вечно занятую супругу.

Молодая королева никогда не испытывала особо глубоких чувств к своему мужу, порой она сомневалась, что вообще способна на подобное. Вся ее юность прошла за занятиями и получением всевозможных знаний, призванных помочь ей управлять королевством. Родители и младший брат Мелезии, которому когда-то предназначалась корона, внезапно скончались от лихорадки, и перед советниками встала задача наверстать упущенное время, сделав из девочки королеву вместо умершего принца. До того как маленькая принцесса осталась сиротой, с шести лет ее образованием занимался в основном придворный маг Лотиус. Старик относился к девочке, как к собственной дочери, и Мелезия всецело доверяла его советам и решениям. Именно он предложил ей выбрать Оина в качестве будущего мужа. Тогда, будучи совсем юной и совершенно не зная жизни, Мелезия согласилась, тем более, с детства ей твердили, что рано или поздно ее ждет договорной брак. При первой встрече Оин показался ей довольно милым, хоть и немного шумным, и спустя три месяца они стали мужем и женой у духова камня.

Сейчас, спустя восемь лет после свадьбы, став матерью и повзрослев, Мелезия решила, что Оин и впрямь оказался не самым плохим выбором. Да, он отличался излишней эмоциональностью и был довольно поверхностным, ходили также слухи о том, что он соблазнил нескольких служанок, но в то же время он всегда

тепло относился к ней и очень любил ребенка. Да и о разводе не могло быть и речи, такого позора в королевской семье не бывало уже очень давно, пожалуй, со времен любвеобильного короля Ленсила.

Поток мыслей королевы нарушили донесшиеся с улицы отголоски веселых песен. Вся деревенька гуляла и радовалась празднику. Сегодня была беззаботная ночь, ночь радости и почитания духов. Простые крестьяне сейчас пляшут вокруг костров, поют и наслаждаются жизнью. Мелезия увидела перед мысленным взором огненные языки и хохочущих девушек в венках из полевых цветов. Сердце королевы сжалось, какие-то смутные чувства пробудились в нем, поднимаясь из глубины души. Обида за проведенную за книгами юность, за те простые радости, которых лишал ее королевский венец, много лет подспудно терзала сидела внутри нее, точно острая заноза, а сегодня хлынула вдруг наружу, не давая уснуть под звуки праздничной музыки. Ей мучительно захотелось сбежать из этого дома, присоединиться к танцующим и распевающим песни крестьянам, захотелось ощутить себя простой и свободной, пусть на несколько часов, но забыть обо всем.

–Духи, что со мной сегодня творится? — прошептала женщина, и, не в силах больше ворочаться в постели без сна, встала и подошла к приоткрытому окну.

Из-за ставни она увидела клюющих носом стражников, а где-то вдали, возле самой кромки леса, сверкали костры и мелькали едва уловимые тени движущихся людей. Сердце снова тоскливо заныло, и королева приняла решение. Она накинула простое дорожное платье, с трудом закрепив вырез булавками (одеваться в темноте было совсем не с руки), подхватила легкие туфельки и, тихо ступая, вышла из дома. Всполошившимся было стражникам королева велела оставаться на своих местах.

–Кто-то из наших ушел на праздник? — спросила она перед тем, как покинуть двор.

–Четверо парней из отряда и три служанки, ваше величество, — тихо ответил мужчина.

Он знал, что королева не станет гневаться и попрекать своих слуг за желание приятно провести самую важную ночь лета. Все-таки это большой праздник. Однако он побаивался, что проснется король-консорт, тогда-то уж точно будет не избежать криков и брани.

–Хорошо. Оставайтесь здесь. Если мой муж проснется, скажите, что я на празднике, — велела Мелезия и пошла к пылающим вдали кострам.

По пути она сняла с бельевой веревки простой плащ, принадлежавший хозяйке дома, закуталась в грубую материю и, наспех надев туфли, вышла за изгородь. Идти пришлось довольно долго, до самой окраины деревни. Время от времени по дороге Мелезии попадались люди, перебравшие травянки, либо просто гуляющие, нередко встречались и смущенные парочки, которые боясь быть узнанными, с хихиканьем прятались в тени домов.

Подойдя к огням, королева была так рада увидеть веселые, несмотря на тяжелые будни крестьянской жизни, лица людей, что и сама не заметила, как губы ее растянулись в улыбке. «Сегодня и я буду частью этого праздника, и пусть Оин и советники ворчат потом хоть весь год» — подумала Мелезия, чувствуя, как легко становится у нее на сердце. Она обвела глазами поляну, где люди перемешивались в шумном хороводе, двигаясь от одного костра к другому, и улыбка ее стала еще шире.

–Да подарит срединная ночь тебе всех благ! — раздался откуда-то сзади тихий, чистый голос, произнесший традиционное праздничное приветствие.

Мелезия вздрогнула, обернулась и ответила привычным: «Да услышат твои слова духи и исполнят их», прежде чем успела подумать. Взгляду ее предстал незнакомый мужчина. Он был высок, строен и довольно красив, а его зеленые глаза ярко сверкали, отражая блики пламени. «Они будто светятся изнутри» — с тревогой подумала Мелезия. Мужчина поклонился и галантно подал ей руку, приглашая присоединиться к танцующим. Какое-то мгновение королева колебалась, вспомнив о муже и маленькой дочери, спящих в домике приютившей их крестьянской семьи, но потом,

будто повинуясь неодолимому порыву, решительно взяла незнакомца за руку. Как только пальцы их соприкоснулись, сердце королевы сбилось на секунду со своего ритма, и она, не заботясь уже ни о чем, последовала вместе с ним к кострам.

Какие-то девушки подали им венки из желтоглазых ромашек, в которые были вплетены длинные гибкие колоски. Мелезия вновь улыбнулась, поглядела на незнакомца и надела свой венок. Уже давно она не чувствовала себя так легко и хорошо. Огонь и кружащиеся возле него люди приковывали к себе ее взгляд, а незатейливая мелодия призывала стать частью срединной ночи, растворившись в толпе танцующих. Теплая сухая рука незнакомца потянула молодую женщину за собой, и они тут же затерялись среди праздничной суеты, где никому не было дела до того, кто пляшет рядом сейчас, обычный нищий или сама королева. Срединная ночь примиряла и уравнивала всех.

***

Едва первые лучи солнца начали пробиваться сквозь щели в оконных ставнях, в домике, где ночевала семья королевы, скрипнула дверь, и в нее вошел глава королевской стражи. Убедившись, что его госпожи нет в постели, он принялся будить короля-консорта, бесцеремонно тряся его за плечо и что-то тревожно шепча. Оин с раздражением отпихнул руку стражника и перевернулся на другой бок, но тут шепот стал громче и до короля-консорта наконец дошел смысл торопливых слов, пробудивших его ото сна.

–Ваше величество, проснитесь же, королева пропала!

–Какого духа ты несешь, Родмер? — Оин потер глаза, не веря тому, что он только что услышал от главы королевской стражи.

Король-консорт сел в постели и хмуро посмотрел по сторонам. В углу, на застеленной периной лавке, мирно спала его дочь. Рядом лежала одежда девочки и его собственная, но платья жены, в котором она была накануне там не было, как и самой Мелезии. Он перевел взгляд на бледного испуганного стражника.

–Позови няньку, пусть присмотрит за Кианой, сейчас я выйду, — проворчал Оин и начал быстро одеваться, однако в голове все еще не укладывалось, как могла его жена куда-то пропасть, если их всех день и ночь охраняли. Наверное встала рано и ушла к каким-нибудь крестьянам посмотреть на новорожденного или проведать какого-нибудь больного. Оин не понимал, к чему такое внимание к простолюдинам. Всех не вылечишь, не накормишь, уж лучше устроить пир попышнее для кесского или номийского посла, а такие мелочи, как новые телята или крестьянские младенцы, правителя волновать не должны.

Спустя несколько минут маленькую принцессу разбудили громкие крики ее рассерженного отца, девочка вздрогнула и открыла глаза. Она увидела няню, сидевшую подле нее с тревожным видом. Женщина не сводила глаз с двери и явно прислушивалась к тому, как Оин отчитывает стражников.

–Это преступление, Родмер! Куда смотрели твои идиоты, когда она уходила? Какого духа они отпустили ее одну среди ночи?! Это же королева, тупоголовые вы бараны! — доносились крики короля-консорта, совершенно заглушавшие бубнящего оправдания Родмера.

–Вемма, что случилось? — испуганно спросила девочка, взяв сидящую рядом женщину за руку. Нянька встрепенулась и повернулась к принцессе.

–Все хорошо, моя милая, давайте-ка я помогу вам одеться, а потом мы поедим и выйдем погулять, — ответила женщина, натянуто улыбаясь принцессе.

Отвлекая девочку сказками, Вемма причесала ее, надела на Киану дорожное платьице и обувь. К этому времени король-консорт уже отошел от дома, и до них перестал доноситься его гневный крик.

Когда они доели простой завтрак, состоящий из хлеба, сыра и ветчины, Киана выбежала во двор и пошла по улице, надеясь найти отца или мать. Нянька последовала за ней, крепко ухватив ребенка за руку. Девочка чувствовала — что-то не так, хотя Вемма снова пыталась отвлечь ее, на этот раз историями из сво-

его собственного детства. Однако Киану не так-то легко было провести, девочка упорно шла вперед, таща за собой няньку. Она собиралась отыскать родителей и узнать, почему отец так злился. Попадавшиеся по пути люди смотрели на принцессу с жалостью и сочувствием, а потом тут же отводили глаза, но девочка не замечала этого, в отличие от Веммы.

Наконец, возле коновязи принцесса увидела своего отца, он был мрачен и явно готовился уезжать куда-то. Киана вырвала свои пальцы из руки Веммы и побежала к нему, не понимая, что происходит.

–Папа, папа! Куда ты едешь? Я с тобой!

Высокий детский голос резко зазвучал, перекрывая слова стражников, мычание бредущих на пастбище коров и лай встревоженных всей этой суетой деревенских собак.

Увидев дочь, король-консорт смягчился, подхватил ее на руки и начал что-то терпеливо объяснять, но девочка недовольная тем, что ее все бросают и не говорят, куда ушла ее мать, начала капризничать. Ни уговоры няни, ни строгие интонации в голосе отца не могли убедить ее вернуться в дом. Спустя десять минут бесполезных увещеваний, Оин сдался, у него не было ни желания, ни времени на споры с маленькой упрямицей. Велев стражникам следовать за ним, король-консорт поскакал в сторону леса, а Киана, довольная тем, что добилась своего, сидела в седле впереди него и весело махала няньке на прощание.

–Зря он взял с собой девочку. Негоже ей по лесам ездить, недетское это дело, ох, недетское. Балует он ее сильно, — проворчала Вемма, с укоризной качая головой и провожая встревоженным взглядом удаляющиеся фигуры всадников.

–Одно дитё, чего уж там, конечно балует, — ответила ей стоявшая рядом крестьянка, с пустым ведром в руке. Она шла к колодцу и остановилась, чтобы поглядеть на уезжающих, — Одно верно говоришь, сестра, не дело ребенка по лесам таскать. Только срединную ночь лета справили, время это темное, не стоит пока туда соваться.

Вемма согласилась и спросила, где ей найти хозяйку, которая уступила свой дом королеве и ее семье. Женщина вызвалась проводить ее, оказалось, что хозяйка с детьми и мужем ночевала через три дома, у своей сестры.

–А что же правда королева-то пропала? — наконец задала она не дававший ей покоя вопрос, и, услышав утвердительный ответ няньки, добавила, — Дурная то ночь, дурная, не иначе духи умыкнули нашу королеву в свой мир. Жаль ее, такая еще молодая, да и принцесса-то совсем мала еще, чтоб без матери расти.

Вемма не нашла, что на это возразить, ее саму терзали те же мысли. Все знали о том, что иногда люди пропадают, духи любят морочить им головы и уводить с собой. Случалось, пропавшие возвращались, но чаще всего этого все-таки не происходило. Нянька принцессы была сама из крестьянской семьи и хорошо знала сказки и рассказы, которыми с детства пугали детей. А еще она прекрасно помнила, как ее собственный отец однажды отправился проверить сети в озерце недалеко от деревни, да так и исчез. Не нашли ни тела, ни одежды, ничего вообще, как в воду канул. И было это накануне праздника урожая, дня, когда духов благодарили за собранную пшеницу, плоды, орехи и прочие дары земли и леса, оставляя на духовом камне всего понемногу. Говорила ему мать, что не стоит рыбачить в такой день, не надо брать у земли, воды и лесов ничего в дни почитания духов, нужно только подносить и давать, но тот не послушал совета и пропал.

Крестьянка указала Вемме на нужный дом, и причитая удалилась прочь. Нянька принцессы с беспокойством оглянулась на темную стену леса, в холодном свете утра, казавшуюся как никогда неприступной и мрачной, коснулась оберега из цветных камешков на шее и с тихим вздохом постучала в дверь. Над верхушками Вельского леса стелился густой белесый туман, предвещая ясный солнечный день.

2

Белый как молоко туман тяжелыми облаками зависал вокруг, когда они шли через лес. Да и лес ли это был? Мелезия уже не понимала, где оказалась, она словно находилась во сне, и только сухие теплые пальцы, крепко державшие ее руку, уверяли королеву в том, что происходящее реально. Дышать становилось все тяжелее, и Мелезии казалось, что туман забирается ей прямо в горло и душит изнутри. Еще шаг, другой, и когда молодой женщине уже почудилось, что сознание покидает ее, туман внезапно закончился. Мелезия и ее спутник вышли на пустую поляну, плотно окруженную темными стволами деревьев, уходивших вверх так высоко, что невозможно было разглядеть, где они заканчиваются. Кроны деревьев терялись в белой пелене, накрывавшей поляну сверху, подобно крыше. Мелезия увидела остренькие девичьи личики, с любопытством выглядывавшие из-за кустов и ветвей деревьев. Заметив ее удивленный взгляд, странные создания тихонько смеялись и исчезали, растворяясь среди зелени.

–Кто это? — спросила она у своего проводника.

–Мои подданные, если судить по понятиям людей. Вы зовете их дриадами.

–Они очень красивы, — прошептала молодая женщина.

–Это так, но любая красота приедается, если ты видишь ее с начала времен. Иногда приятно ради разнообразия развлечься в обществе человека, — рассмеялся мужчина.

Мелезия ничего не ответила, его чары заглушили в ней всякую подозрительность и страхи, она все еще пыталась разглядеть в темной зелени острые лица дриад.

–Помни, что ты сама согласилась пойти со мной, маленькая королева, и в моем мире ты должна подчиняться мне, — голос его звучал здесь как-то странно, будто бы обрел большую глубину и некоторую неестественность.

Мелезия послушно кивнула, и мужчина повел ее к небольшому просвету между стволами. Завороженная, она покорно шла за ним, и глаза ее уже едва замечали непривычный пейзаж. Мужчина вывел ее на другую поляну, разительно отличавшуюся от первой. Здесь тумана не было совсем, и над головами у них ярко светило солнце, подсвечивая золотом нежную зелень листвы, жизнерадостно шелестевшей на ветру. Под ногами мягким ковром стелились блеклые серебристые травы, покорно пригибаясь к земле, когда королева и ее проводник ступали по ним. Спутник Мелезии подошел к ближайшему дереву, запустил руку прямо вглубь ствола и вытащил легкий деревянный кубок, на гладкой поверхности которого была вырезана переливающаяся золотом спираль. Рисунок искрился в лучах солнца, невольно притягивая к себе взгляд.

–Выпей, человеческая женщина, — приказал Мелезии незнакомец.

Он коснулся пальцем внутренней части кубка, и он сам собой наполнился прозрачной жидкостью. Мужчина протянул кубок зачарованной королеве. Она взяла его и послушно выпила жидкость, напомнившую ей простую подслащенную воду. Затем спутник королевы забрал кубок, погрузил его обратно в дерево, вернулся к молодой женщине и коснулся пальцем ее лба.

–Теперь забудь о людском племени, забудь о прежней жизни, все забудь, — спокойно велел он и пальцем провел на ее лице невидимую линию, тянувшуюся со лба до подбородка.

Глаза молодой женщины подернулись на мгновение светлой пеленой, затем их обычный зеленоватый цвет вернулся, но она уже не могла вспомнить, кто она и как оказалась в этом месте. Все, что осталось в ее памяти — встреча с незнакомцем у горящих костров и желание приблизиться к нему, коснуться, убедиться, что он не снится ей.

–Кто ты? Лесной господин? Дух? — спросила она взволнованно.

–Ты забавляешь меня, женщина людского племени, и я отвечу на твой вопрос. Можешь называть меня и так. Я дух леса, дух

природы, ее божество. У людей много имен для такого как я, ведь я существую рядом с вами с самого начала времен. Когда вашего племени еще не было на свете, я уже правил этим миром, — он снисходительно посмотрел на молодую женщину, слегка склонив голову.

Глаза его недобро сверкнули, и лесной господин поманил ее к себе. Мелезия подошла и коснулась его лица, пытаясь убедиться, что он не исчезнет, как ночное сновидение поутру.

–Это ведь не твой истинный облик? Я бы хотела увидеть тебя настоящего, — проговорила она, немного робея, но не убирая пальцев от его щеки.

Он засмеялся, и отзывчивое эхо тут же разнеслось по поляне переливчатым тихим смехом. Зеленые глаза смотрели проказливо и холодно. Сквозь маску человеческой личины, казалось, проглядывает другая, являя миру чужие черты, более острые, напоминавшие королеве увиденных на поляне дриад. Это пугало, но в то же время Мелезия не могла оторвать глаз от его лица, так оно было красиво.

–Не испугает ли это тебя? Не стану ли я нравиться тебе меньше? Захочешь ли ты поцеловать мое настоящее лицо? — он все еще посмеивался, забавлялся, играя с одурманенной женщиной.

–Нет, я хочу увидеть тебя настоящего, я не испугаюсь, прошу тебя, — зачарованно произнесла Мелезия, не сводя с него глаз.

Тогда Лесной господин отошел на несколько шагов, чтобы она могла видеть его целиком, и коснулся пальцем своей щеки. Легкая рябь побежала по всему его телу, а под ней начало быстро вырисовываться другое обличье. Кожа побелела и цветом стала походить на кору березы, на голове появились темные отростки в локоть длиной, напоминавшие одновременно и оленьи рога, и изогнутые ветви дерева. Мелезия заметила такие же отростки-ветви на концах его пальцев, только эти были хваткими, живыми, угольно-черными и походили на гибкие лозы. Черты лица мужчины заострились, лицо стало неестественно узким по сравнению с человеческим, сузились и глаза, приобретя хит-

рый прищур, лишь зеленое сияние в их глубине осталось прежним. Лесной господин принял свой настоящий облик.

–Как легко вы, люди, поддаетесь соблазну и иллюзиям. Ваш век недолог, и красота ваша мимолетна. То, что для вас сотня лет, то для меня лишь мгновение между вдохом и выдохом. Однако ты довольно мила для человеческой женщины, и я могу избавить тебя от участи смертной на долгий срок, если ты будешь послушной, Мелезия.

Лесной дух вновь приблизился к молодой женщине, взял ее прохладные пальцы в свою ладонь и повел к беседке, образованной растущими по кругу деревьями. Она безвольно пошла следом, не сводя с него восхищенного, затуманенного магией взора.

Кроны деревьев склонялись друг к другу в вышине, создавая подобие ярко-зеленой крыши. Внутри беседки находилось деревянное ложе с мягкой периной из какой-то странной ткани, какой Мелезии еще не доводилось встречать. Она потянулась к круглым застежкам, удерживавшим платье, а затем его длинные ветвистые пальцы обхватили обнаженное тело женщины и прижали к постели, скользя по нему и лаская. Холодные глаза смотрели на Мелезию, и в них сквозило наслаждение, упоение своей властью над плененным человеком. Лесной господин улыбнулся зачарованной королеве и поцеловал ее. После этого, словно повинуясь молчаливому приказу духа, живые столбы беседки выпустили тонкие ветви, на концах которых раскрылось множество молодых листочков. Они повисли плотной зеленой завесой, скрывая любовников от любопытных глаз дриад, чьи лица проступали тут и там в очертаниях стволов огромных старых деревьев, окружавших поляну.

***

В мир духов пришел новый день, и приветливое солнце разбудило Мелезию. Спальней ей служил большой шатер из живых деревьев, очень похожий на беседку, куда ее привел в первый день лесной господин. Большой, круглый, набитый мягкими травами матрас возвышался над землей на добрый фут и занимал

большую часть шатра. У изголовья женщина обнаружила кубок с прозрачным соком, заменявшим ей пищу и питье. Он был легким, питательным и имел приятный сладковатый привкус. Мелезия выпила его и смахнула прозрачную капельку с уголка рта. Ее не покидало неприятное ощущение, будто голову окутал вязкий густой туман, а питье почему-то вызвало ощущение легкой тошноты.

Одевшись, молодая женщина решила отправиться к теплому чистому озеру, служившему ей купальней. Она мельком глянула на свое отражение в воде, и ей померещилось, что черты лица у нее заострились, а глаза как-то странно блестят. Это встревожило Мелезию, и она поспешно принялась на мытье. Привычным движением женщина откинула мокрые волосы за спину и начала мыться мягкой мшистой губкой, источавшей легкую пену с ароматом хвои. Странное, подзабытое ощущение тяжести и боли возникло вдруг, когда губка коснулась груди, и к горлу королевы снова подкатила тошнота. Такое уже было с ней когда-то, только когда? Последние дни она ощущала какую-то неясную тревогу, словно забыла что-то важное и никак не могла вспомнить. А теперь боль вдруг прояснила ее ум, далекие образы начали просачиваться в мысли. Замок, флаг, серый камень, старик в балахоне, рыжеволосый мужчина и маленькая девочка — все они чередой промчались перед ее мысленным взором, и тогда она вспомнила. «О, духи, моя дочь… у меня есть дочь!» — пробормотала она озадаченно, все еще сжимая мокрую губку и чувствуя, как по телу идет озноб, несмотря на теплую воду, в которой она стояла.

Воспоминания, поначалу проникавшие в голову будто через узкую щель, вскоре потекли бурным потоком, как будто прорвало невидимую плотину. Некоторое время Мелезия все также стояла без движения, и на лице ее отражались ужас и недоверие.

–Что же я натворила… — пробормотала она, выбираясь на берег и кутаясь в тонкую легкую материю.

Воспоминания все лились, и мысли безостановочно крутились в голове королевы. Она провела здесь несколько месяцев,

не меньше, она вспомнила праздник срединной ночи лета и танцы, вспомнила, как шла через лес сюда, в мир лесных духов. Несколько месяцев! Перед глазами королевы пронеслись бесчисленные дни и ночи, проведенные с лесным господином в маленьком шатре, и краска прилила к ее бледным щекам. Неужели это она, королева Йельмера, так запросто поддалась чарам духа и так бесстыдно наслаждалась его ласками все это время, совершенно забыв о собственном королевстве, о дочери и муже?

–Я должна вернуться домой, — вдруг произнесла Мелезия, это казалось самым логичным решением, но когда слова были произнесены, то в ней проснулся страх. — Он не отпустит меня просто так, но я должна хотя бы попытаться.

***

По тропе шла женщина в темно-зеленом платье, украшенном тонкими витками вышивки в виде цветов колокольчика. Подол был испачкан пылью и местами порван, лицо ее блестело от пота, а нежные тонкие руки, были покрыты мелкими царапинами. Черная коса давно растрепалась, и волосы в беспорядке висели, змеясь длинными прядями вдоль ее спины.

«Куда же ты уходишь, милая моя? Мелезия, деревья не пропустят тебя, лес вернет тебя ко мне! Ты будешь блуждать по кругу, пока не лишишься разума, но не выйдешь отсюда. Разве тебе не было со мной хорошо? Разве не по доброй воле ты пошла со мной той ночью?» — насмешливым напевом звучал в ее голове голос лесного господина.

Мелезия в отчаянии прижала к вискам пальцы, желая выдавить, вытравить этот пьянящий ядовитый шепот из своей головы, но это не помогало. Сколько она уже прошла? Как долго была в пути? Молодая женщина не могла разобрать, какое сейчас время дня, вокруг она видела лишь серый свет, который тускло освещал деревья и тропинки. Свет этот, похожий на туманный морок, путал ее, заставлял плутать, и Мелезия уже начала терять надежду. В конце концов она присела возле ближайшего дерева, и, обхватив колени руками, тихо заплакала.

–Отпусти меня! — в отчаянии закричала она и тут же испугалась звука собственного голоса, разрезавшего тишину окружавшего ее леса.

–Ты знаешь, маленькая королева, что духи могут навсегда забирать к себе тех, кто пошел с ними по своей воле и разделил ложе, — раздался совсем рядом с ней голос лесного господина.

Молодая женщина вздрогнула, осознав, что он сам появился перед ней.

— Однако я могу предложить тебе сделку, человек.

–Ты обманул меня тогда, зачаровал, я бы не пошла с тобой по своей воле! Я никогда не бросила бы своего ребенка! — набросилась на духа Мелезия, боль и бессилие звучали в ее голосе.

–Я всего лишь слегка направил твой ум в нужном направлении. Я видел, что тебе опротивело все это: жизнь в замке, человеческий муж, ребенок, слишком похожий на своего отца. А ведь ты надеялась, что девочка унаследует твой характер, больше подходящий для управления королевством. Я увидел все это в твоих глазах, маленькая королева. Я всего лишь дал тебе другую жизнь, свободу от всего этого. Я исполнил твое желание, и вот она благодарность. Однако довольно игр. Раз уж тебе не по душе долгая и беззаботная жизнь здесь со мной, то ты вольна уйти, если согласишься на мои условия.

Улыбка его превратилась в хищный оскал. Всегда можно найти другую человеческую женщину, когда наскучат дриады, но он не мог отказать себе в удовольствии обхитрить эту, которая считалась королевой в мире людей.

Мелезия подняла голову и снова увидела его глубокие зеленые глаза, в которых, как ей всегда чудилось, сияла сама вечность. Королеве послышалась насмешка в его голосе, но упоминание о сделке породило в ней надежду. Муж и дочь ждут ее, она не может просто так сгинуть в этих лесах, оставаясь безвольной игрушкой в руках лесного духа, пока не надоест ему.

–Чего ты хочешь? — ей было тяжело и говорить, и думать, когда он был рядом. Мир начинал расплываться и колыхаться,

как в жаркий летний день, а его голос усыплял, очаровывал и плел свои сети в ее уме.

–О, самую малость, маленькая королева, самую малую плату за то, чтобы ты снова могла вернуться в свою королевскую темницу, к опостылевшему мужу и избалованному ребенку, который в будущем возможно попросту погубит твой дорогой Йельмер своим самодурством, — лесной господин все еще посмеивался.

«Скольких людей он загубил за всю свою долгую жизнь? Скольких обманул, заманил и измучил? Неважно, теперь я должна вернуться к дочери» — подумала Мелезия, пропуская его слова мимо ушей и чувствуя, как путаются ее мысли.

–Я скажу. Вижу, что ты совсем ослабела. Люди так хрупки, тела их так ненадежны, впрочем также, как сердца и умы. А уж как легко вы очаровываетесь и даете себя соблазнить, как легко забываете о прошлой жизни. Однако нечасто я вижу тех, кто пытается что-то вспомнить и вернуться. Поэтому я предлагаю тебе, маленькая королева, вот что: пообещай отдать мне навеки то, что было тобой утеряно последним. Пообещай мне это, и я отпущу тебя доживать твою короткую жизнь в унылом человеческом мире.

Мелезия устала, она хотела вернуться в свой мир, к своему ребенку. Голова тяжелела с каждой минутой, и ей все труднее было думать. Она попыталась найти какой-то подвох, какую-то хитрость в его словах, но не сумела. В отчаянии королева уже готова была согласиться на его предложение. Что она недавно потеряла? Что последним пропало у нее? В голове мелькнуло воспоминание о кольце матери, старинном, грубой работы, с вправленным в него желтым жилистым янтарем. Но чего стоит кольцо, пусть даже столь ценное, по сравнению с человеческой жизнью и свободой? Или быть может она потеряла саму себя в этом лесу, с ним? Но тогда его предложение лишено смысла. Она так устала, так запуталась, что уже готова была отдать ему хоть половину Йельмера за возможность вернуться домой.

–Я согласна. Обещаю тебе то, что потеряла последним, — голос плохо слушался ее, и она перешла на шепот.

–Я принимаю твое обещание, маленькая королева, — лицо лесного духа вновь расцвело злой ехидной улыбкой, хитрые искорки полыхнули в древних глазах. –Я забираю обещанное. И хочу, чтобы ты запомнила вот что — никогда не пытайся вернуть отданное мне, иначе твое королевство запомнит твое правление, как самые черные дни в истории.

Он присел рядом и, взяв ее за подбородок, заставил смотреть себе в глаза. Мелезия почувствовала, что ей становится легче, и усталость понемногу отступает. Снова эта его магия, но с чего бы ему давать ей силу? Он не такой; за время, проведенное в его мире, она успела понять, что лесной господин не бывает добрым без причины, по мимолетной прихоти, а тем более к людям.

–Запомни еще вот что, маленькая королева: ты пришла в наш мир сама и отдалась мне в моем жилище, ты знаешь, что я жесток, но я также щедр к тем, кто подчиняется мне. Никогда не сможешь ты забыть ни мой мир, ни меня, ни ночи, что мы провели вместе. Жизнь твоя уже не будет прежней. Я мог бы подарить тебе забвение, но не стану этого делать. Я хочу, чтобы ты помнила каждый день, пока живешь на свете, что больше тебе не испытать ничего подобного, что ни один смертный мужчина не будет тебе мил после меня, и что ты сама отказалась от моих даров. Возвращайся же в свой тоскливый мир, к этим жалким людям, чей век для нас, вечно живущих, пролетает как одно мгновение. Ты могла бы провести долгие годы, гораздо более долгие, чем человеческая жизнь, здесь, без забот, если бы подчинилась мне, но ты предпочла уйти. Что ж, иди, Мелезия. Лес отпускает тебя, и я отпускаю. Я принимаю твое обещание.

Он замолчал. Мелезия устало прикрыла глаза, а когда снова открыла, то рядом уже никого не было. Серый призрачный свет сменило яркое солнце, чьи лучи едва проникали сквозь густые кроны деревьев, и у молодой женщины возникло странное чувство, будто она только что проснулась. Неужели ей удалось все-таки вернуться домой? Сколько же времени прошло? Она огляделась: лес и трава зеленели по-летнему, тут и там виднелись

фиолетовые головки колокольчиков и густо сидящие на стеблях цветы тысячелистника, от которых исходил горький, терпкий аромат. Мелезия обратила внимание на то, что деревья здесь выглядят вполне обычно, время не успело скрутить их и придать им жуткие очертания. Это означало, что она находится неподалеку от тропы и окраины леса, а не в его глубине.

Королева поднялась и наугад пошла вперед, огибая небольшую полянку. Какое-то время спустя она услышала журчание, а потом увидела небольшой чистый ручеек, пробивавший себе путь среди смешанного леса. Мелезия поспешила умыться и долго пила, набирая воду в ладони. Только сейчас она заметила, что пальцы ее стали как будто бы тоньше, а кожа, и раньше довольно светлая, теперь и вовсе казалась полупрозрачной.

Вдоволь напившись, женщина решила следовать вдоль ручья, полагая, что он может привести ее к водоему, а значит, с большой вероятностью, и к людям. «Надо торопиться» — билась в голове настойчивая мысль. Что подумал Оин, когда утром ее не смогли найти? Что подумали люди? Киана наверняка перепугалась. Сколько времени она провела в мире духов? Может быть прошел год или два, а может быть один день. Там время текло иначе, но ей самой казалось, что отсутствовала она никак не меньше нескольких месяцев. Возможно ее никто уже не ждет, дочь забыла ее лицо, муж женился на другой, может и люди не признают в ней королеву и решат, что дух хочет обмануть их. Неизвестность одновременно пугала ее и гнала вперед.

Через пару часов королеве показалось, что за деревьями виднеется тропа. Мелезия тотчас же направилась в ту сторону, запинаясь об изогнутые торчащие из земли корни и не обращая внимания ни на ветки кустарников, цеплявшие ее за платье, ни на впивающихся в голую шею докучливых мошек.

Тропа оказалась узкой, но нахоженной, и королева пошла по ней, чувствуя, как ноют натертые туфлями ступни. Вскоре Мелезия увидела слева от тропы полянку с черными кострищами, и сразу вспомнила это место. Той ночью она и лесной господин проходили здесь. Это значит, что скоро лес закончится, и она

снова окажется в деревушке, где оставила свою семью и слуг. Мелезия очень устала, но упорно продолжала идти. «Думай о дочери, думай только о ней» — говорила она себе, чтобы не упасть от усталости, провалившись в сон прямо в лесу. Однако вместо голоса маленькой Кианы в ее голове звучал другой — прохладный, глубокий голос лесного господина, соблазнивший ее, сбивший с пути в ту памятную ночь середины лета. И глаза, его проклятые глаза, полные темной зелени и насмешки, но такие завораживающие, будто бы все еще следили за ней. Мелезии казалось, что если она обернется, то снова увидит духа, презрительно смеющегося над ней и всем людским родом. И она не обернулась ни разу за весь свой путь через звенящий от птичьих голосов лес. Дорога наконец вывела королеву из Вельского леса прямиком к полю, на котором в ночь ее встречи с лесным духом проходил праздник. Сейчас здесь тоже было много людей. Стражники и деревенские жители бросились к ней сразу со всех сторон, как только заметили.

–Ваше величество! — доносилось отовсюду, — Она нашлась! Вернулась!

Ближайший стражник осторожно подхватил измученную женщину на руки и отнес к стоявшей неподалеку телеге. Она узнала перепуганное лицо Родмара, главы королевской стражи, когда он заботливо укладывал ее на застеленную плащом солому. Мелезия так устала, что даже не нашла в себе сил поблагодарить его и, как только телега тронулась, почти сразу же уснула. Она уже не видела, что за ней последовал лишь сам Родмар и трое стражников, а в лесу по-прежнему продолжаются какие-то поиски.

***

Когда придворного мага впервые привели к королеве после ее возвращения из леса, он поначалу едва узнал ее. Синева под безучастными потухшими глазами выдавала ее усталость и говорила о бессоннице. Служанка рассказала, что королева отказывается от еды и просто лежит, глядя в пустоту. На другой день после того, как Мелезия вернулась, на опушке Вельского леса

обнаружили кровавые следы, обрывки ткани с плаща Оина, ленту принцессы и мертвых стражников, разодранных дикими зверями. Не оставалось никаких сомнений, что король-консорт и его дочь погибли, хоть тела их и не нашли. Вся страна была потрясена новостями о смерти принцессы и ее отца, люди сочувствовали молодой королеве, а она заперлась у себя в покоях, отказываясь принимать кого-либо, кроме старого мага. Лотиус вместе со служанкой проводил у постели Мелезии дни и ночи, однако казалось, что лучше ей не становится.

–Лотиус, это моя вина, я погубила свою дочь! — прошептала королева, когда маг зашел к ней в один из вечеров, и глаза ее наполнились слезами. Она начала говорить и уже не могла остановиться. Мелезия рассказала ему все, что произошло с ней с той праздничной ночи. Старик терпеливо слушал королеву, и сердце его болело за молодую женщину, слишком много потерь было на ее пути. Дважды лишиться семьи — тяжелое испытание, какого не пожелаешь и врагу. Когда она закончила свой сбивчивый рассказ, придворный маг без лишних слов обнял ее, утешая как ребенка.

–Вы не виноваты, ваше величество. Духи коварны и хитры, он обманул вас. Бросьте эти мысли сейчас, вы уже ничего не можете сделать для Оина и Кианы. Вы можете только жить дальше. Выпейте этот настой, прошу вас, сейчас вам нужно поспать и отдохнуть.

Старик аккуратно напоил Мелезию травяным отваром, укрыл одеялом и, тяжело вздохнув, сел рядом, дожидаясь, пока она уснет. Ему было о чем подумать в эту ночь.

***

Лишь пару месяцев спустя королева начала возвращаться к своим обязанностям. На каждой встрече членов королевского совета, взявших на себя в это время управление страной, придворный маг рассказывал обеспокоенным советникам, как обстоят дела у Мелезии, а те лишь сокрушенно качали головами в ответ. Теперь прямых наследников не было, и, если королева, упаси духи, умрет, это может спровоцировать смуту среди по-

бочных линий семьи, привести страну к гражданской войне или того хуже — Кесс, как уже однажды случалось, может заявить о своих правах на Йельмер. Кесские и йельмерские правители довольно часто заключали браки между своими семьями, что могло дать королю Холиссу повод претендовать на трон соседнего королевства.

Давно уже Йельмер не сталкивался с проблемой отсутствия наследников. Королевская семья всегда была довольно плодовитой, лишь с правления короля Ритгарда Доброго, деда Мелезии, для королевского рода началась полоса неудач. У самого короля не было братьев, только две сестры. Жена родила одного за другим четверых детей, но до взрослого возраста дожил лишь один — Реймарт, отец Мелезии. Когда супруга короля Ритгарда скончалась от лихорадки, он очень долго горевал, и, вопреки уговорам советников, так и не женился. Король посвятил свои дни управлению страной, воспитанию выжившего сына и улучшению жизни простых людей, за что и заслужил свое прозвище. По его приказу на территории Йельмера было построено множество сиротских домов, дороги и мостовые поддерживались в хорошем состоянии, процветала торговля, росли города.

Именно при Ритгарде Добром в страну проникло новое верование — поклонение Единым богам. Дед Мелезии искал утешения в религии, но традиционная вера в духов никак не отвечала его потребностям, и потому он охотно принял миссионеров с Белых островов, находившихся по другую сторону Длинного моря. Религия эта, в отличие от культа духов, помимо почитания природы, уделяла большое внимание людям. Над людьми и всем миром по представлениям последователей Единых, стояли равные друг другу бог и богиня. Они воплощали собой отца и мать, приветствовали заботу о ближних и почитали природу священной. Эта вера оказалась королю Ритгарду по душе, ведь он и сам стремился найти успокоение в добрых делах. И, хоть во время его правления никакого храма построить для Единых не успели, их символ, солнце с заключенным в него полумесяцем, вскоре стал нередко встречаться среди городских жителей.

Единственный сын Ритгарда Доброго, Реймарт, к религии относился довольно равнодушно. Однако же любил принимать участие в народных гуляньях, посвященных духам, к чему привлекал и своих детей, говоря, что нельзя узнать свою страну и людей, если все время сидеть в замке. Пожалуй, дети и народные праздники были для Реймарта единственной отдушиной, ведь брак его оказался несчастливым. Его отношения с женой так ухудшились со временем, что они не только перестали делить ложе, но порой и вовсе не разговаривали. Однако до того, как брак Реймарта окончательно потерпел крах, жена родила ему двоих детей, сына Микара и дочь Мелезию. Микар, сам король и королева умерли во время поветрия от тяжелой лихорадки, и Мелезия, которой тогда едва исполнилось тринадцать, осталась единственной прямой наследницей.

Если раньше советники переживали о том, что у самой Мелезии в браке родился лишь один ребенок, то теперь, потеряв единственную наследницу, принцессу Киану, и видя нынешнее состояние королевы, они всерьез начали задумываться о будущем страны. Никто открыто не признавался в крамольных мыслях по поводу возможных претендентов на трон, но думал об этом теперь каждый, мысленно перебирая в голове родовое древо йельмерских королей.

Старик Лотиус сразу подметил всеобщий тревожный настрой, и счел, что королеве пойдет на пользу, если она начнет возвращаться к своим прямым обязанностям. Он рассудил, что это успокоит советников и народ, да и самой Мелезии даст возможность отвлечься от горя и поможет прийти в себя. Понемногу члены совета начали являться к королеве с докладами о положении дел в стране, но делалось это все аккуратно и осторожно, под чутким руководством придворного мага.

Мелезия возвращалась к обычной жизни и делам очень медленно, у нее часто кружилась голова, и она совсем потеряла аппетит. Королева похудела, глаза запали, а в один из вечеров, когда придворный маг принес ей травяной настой, он застал ее

беспокойно ходящей по комнате. Во взгляде ее сквозили беспомощность и страх.

–Лотиус, мне кажется, я в положении, — с отчаянием в голосе проговорила молодая женщина, нервно меряя шагами комнату. –Скажи, может ли такое быть, что ребенок был зачат в том мире, от духа?

–Я слышал и читал, что такое бывало раньше и гораздо чаще, чем теперь, но живых свидетельств не видел, моя королева. Однако ведь ребенок может быть и покойного Оина?

Старик понимал, к чему она клонит, и тут же ему на ум пришло, что это дитя могло бы обезопасить будущее Йельмера, и быть может смогло бы вытащить Мелезию из пучины отчаяния, которая поглотила ее после смерти Оина и Кианы.

–Может быть и так, а если нет? Я не хочу, я не хочу иметь ребенка от… от него. Что если он родится уродливым? Если он унаследует жестокость и презрение к людям от своего отца? Разве я могу обречь свою страну и подданных на страдания? Лотиус, что же мне делать? Помоги мне от него избавиться, прошу тебя, — Мелезия в страхе схватила старика за руки и сжала их своими тонкими пальцами.

Лотиус усадил королеву на скамью, и, не выпуская ее рук из своих, начал говорить:

–Послушайте меня, моя королева. То, о чем вы меня просите, очень опасно, есть вероятность, что вы потом никогда не сможете зачать и выносить дитя. Йельмер останется без наследника, начнутся войны за право усадить на престол кого-то из второстепенных линий, страна погрязнет в крови. Я хочу сказать, что этот ребенок может стать спасением и для страны, и для вас самой. У вас будет наследник и кто-то, о ком вы сможете заботится, кого сможете любить. Поверьте, вам это нужно больше, чем вы сами понимаете. Все будут думать, что отец — покойный король-консорт, и мы не станем их разубеждать, ведь возможно так оно и есть. Когда ребенок родится, мы убедимся, что он не похож на духов, и тогда сообщим о благополучном рождении наследника или наследницы. А если он окажется дру-

гим, то я лично приму меры, чтобы все считали, что маленький принц или принцесса родились уже мертвыми, — быстро проговорил придворный маг, пытаясь донести свои доводы до расстроенной женщины.

–Лотиус, ты говоришь так складно, но смогу ли я вообще полюбить этого ребенка? Смогу жить каждый день в страхе, глядя как он или она растет, боясь разглядеть в нем черты того создания? Я всю жизнь делала то, что мне было предписано, всегда долг, долг, долг… Лишь раз я захотела побыть свободной, и вот к чему это привело. Я потеряла семью, я ношу в себе, возможно, духово отродье. Мне нужно подумать, Лотиус. Завтра, да, завтра если я велю тебе изготовить зелье, ты его сделаешь. Теперь я хочу остаться одна. Ступай.

3

Мальчик родился в первой декаде марта. В тот день с самого утра шел снег, он крутился в неровных порывах весеннего ветра и устилал улицы пушистым ковром, перекрывая старый снежный наст, уже подтаявший в первых теплых лучах весеннего солнца. Когда глашатай объявил на городской площади о рождении маленького принца, люди ликовали. Все понимали — это большая удача, что король-консорт успел оставить после себя ребенка. Если есть наследник и сын, значит никаких распрей за престол не будет, а кесский король, в чьих жилах текло достаточно крови йельмерских правителей, чтобы он мог претендовать на трон, не позарится на их страну.

Однако не все разделяли эту радость. По стране ходили тревожные слухи о том, что отцом ребенка был вовсе не покойный Оин, а какой-то дух, умыкнувший королеву в лес в то памятное лето. Городские жители были менее суеверны, чем крестьяне, но и они прислушивались к тихим шепоткам на фоне всеобщего ликования. Вскоре, правда, эти разговоры поутихли, когда советники, которым показали ребенка сразу после рождения, обнаружили у мальчика на шее точно такое же родимое пятно, какое было у его отца. Новость эта разнеслась довольно быстро, заставив злопыхателей прикусить языки, и дурные слухи вскоре улеглись.

Никто и не подозревал, что незадолго до родов старый маг предложил королеве, с помощью магии поставить на шею ребенку такую же метку, какая была у покойного мужа Мелезии. Он решил, что если сплетни об отце ребенка начались еще до его рождения, то нужно пресечь их, чтобы у подданных не осталось никаких сомнений в отцовстве короля-консорта. Лотиус долго думал, как это сделать, а затем вспомнил о родимом пятне.

Мелезия согласилась, сама она мечтала лишь об одном, чтобы этот ребенок был похож на человека. Как бы хотелось ей быть уверенной, что отцом был Оин, но увы, что-то подсказывало ей, что понесла она все же не от мужа. Когда ребенок начал шевелиться внутри нее, к королеве начали приходить странные сны. Это были сны, в которых она видела холодные глаза лесного господина и плясавших вокруг него дриад с хищными острыми лицами. Лесные девы хохотали и хватали ее за руки, втягивая в свой хоровод, гладили живот, что-то шептали нерожденному еще младенцу, а ребенок в ответ начинал так пинаться, что Мелезия тотчас просыпалась, а потом долго лежала, боясь уснуть и снова увидеть вокруг себя этих пугающе-красивых созданий.

Как только мальчик родился, придворный маг, присутствовавший при родах по просьбе королевы, тут же взял маленького принца на руки и принялся сам обтирать его. Незаметно шепча слова заклинания, старик коснулся пальцем шеи ребенка, и тот жалобно заплакал. Лотиус тут же подошел к королеве и показал младенца ослабевшей женщине.

–Благодарю тебя за помощь, Лотиус. Оно и правда похоже. Покажи его советникам, — прошептала королева, разглядывая ребенка, которого держал на руках придворный маг. Она ужасно устала, но должна была убедиться, что мальчик не похож на лесного господина. Теперь же, когда ей показали обычного человеческого младенца, она вздохнула спокойно, ласково погладила сына по щеке и закрыла глаза. Ее самые большие тревоги не оправдались, в мальчике не было ничего от духов, по крайней мере пока.

–Как вы назовете его, моя королева? — спросил старик уже в дверях, повернувшись к измученной женщине.

–Ритгард, в честь моего деда, — пробормотала она, проваливаясь в сон.

***

Ритгард рос обычным ребенком и внешне очень походил на свою мать. У него были черные волосы, зеленые глаза

и такая же светлая кожа, как у нее. Однако придворный маг, назначенный наставником маленькому принцу, никак не мог уловить в его чертах хоть что-то, напоминавшее о покойном короле-консорте. Мальчик обладал открытым, дружелюбным характером, и, как любой ребенок, любил шалости: таскать с кухни пирожные, играть в лошадки и слушать страшные сказки. Больше всего маленькому принцу нравилась история о Верене-охотнике.

–Расскажи, расскажи про охотника! — просил он порой мать, няню или самого Лотиуса, и зеленые глаза его начинали гореть восторгом и ожиданием.

Сказка эта была старой, настолько старой, что Лотиус даже предположить не мог, сколько поколений йельмерских детей выросло, слушая ее. О Верене-охотнике ходило множество легенд и историй, некоторые даже верили, что он и впрямь когда-то жил среди йельмерцев. Однако самой известной была сказка о том, как Верен обманул лесного короля, украл его дриаду и обменял ее потом на волшебный лук и колчан, поутру заполнявшийся новыми стрелами. Волшебные стрелы, выпущенные из этого лука всегда попадали точно в цель, даже если стрелять в темноте или вовсе не целиться.

Однажды, когда королева пришла проведать сына перед сном и в очередной раз рассказала ему эту историю, мальчик сел в своей кровати, обхватил руками согнутые колени и, серьезно посмотрев на мать, заявил:

–Когда я вырасту, то стану как Верен-охотник! Я пойду в Вельский лес и выловлю дриаду, а потом лесной дух даст мне волшебный лук, такой же, как у Верена.

Мелезия тогда побелела как полотно и с тревогой взглянула на сына.

–Ритгард, когда ты вырастешь, то станешь королем и будешь править долго, мудро и справедливо, а история про лук и Верена — это просто сказка. К тому же, — она заколебалась. — к тому же, нет никаких духов, это все выдумки.

–А вот и есть! Я знаю, что есть, а быть королем скучно.

Мелезия поцеловала сына, встала и пошла к выходу из комнаты. На пороге она оглянулась и, постаравшись скрыть свой страх за улыбкой, сказала сыну:

–Быть королем — не всегда скучно, милый. Когда ты подрастешь, то поймешь это лучше. И не забивай себе голову сказками и духами. Почему ты думаешь, что они есть, если никто никогда их не видел?

С этими словами Мелезия вышла, тихо затворив дверь, а Ритгард подумал, глядя туда, где только что стояла мать: «Потому что я видел их, мама, они приходили ко мне во сне».

Ритгарду тогда было пять лет, он никому не говорил о своих сновидениях, потому что считал, что такие сны видят все вокруг. С ним никто никогда не беседовал о странных снах, и мальчик решил, что ничего необычного с ним не происходит. Однако тем же летом, после поездки с матерью в соседнюю провинцию, сны эти стали тревожнее, очертания, которые раньше были призрачными (он почему-то был уверен, что это были духи) и просто танцевали в темноте вокруг костров, пели завораживающие песни и смеялись, вдруг стали смотреть прямо на мальчика, тянуть к себе в хоровод, а глаза их обрели жуткий блеск и глубину в свете пламени.

Ритгард начал бояться засыпать, под глазами залегли тени, он стал вялым и тихим. Королева перепугалась, начались расспросы, и, когда сын рассказал ей про кошмары, сразу вызвала придворного мага.

В тот вечер, когда Лотиус пришел в спальню принца, она сидела возле постели мальчика очень бледная, встревоженная, и не выпускала руку ребенка из своей. Ритгард был рад, что мать рядом с ним, она обещала просидеть с ним всю ночь, чтобы духи не смогли утащить его в лес.

–Мастер Лотиус, вы можете что-то сделать? Может быть оберег или что-то еще? — обратилась она к старику.

–Посмотрим-посмотрим, — прокряхтел тот, подходя ближе к ребенку. –Ну-ка, ваше высочество, глядите на меня. Хорошо. Глаза чистые. Я могу прочитать защитное заклинание, моя коро-

лева, но для этого нужно время, и мне понадобятся ваши волосы и волосы принца, по маленькому локону.

–Что угодно, Лотиус, что угодно. А сейчас можно что-то сделать, чтобы эти сны ушли хотя бы на время? — спросила королева, в голосе ее уже явно звучало облегчение.

–О, есть одно заклинаньице, простое, но на пару ночей хватить должно.

–А это больно? — спросил встревоженный Ритгард.

–Что вы, мой принц, вовсе нет, скорее даже щекотно. Дайте-ка вашу ладонь, — посмеиваясь ответил старик и протянул к мальчику руку.

Когда маленькие пальцы Ритгарда легли на сухую теплую ладонь придворного мага, тот что-то зашептал, а потом достал из кармана голубой камень и прижал его к ладошке принца. Старик продолжал бормотать заклинание, и Ритгард почувствовал в руке приятное тепло, и впрямь напоминавшее щекотку. Ощущение покоя постепенно наполняло душу мальчика, и он сам и не заметил, как задремал. В эту ночь дурные сны обходили маленького принца стороной.

***

Придворный маг в потертой, местами залатанной рабочей мантии бережно водил указательным пальцем над двумя прядками волос, лежащими крест-накрест на гладком серебряном блюде. Он напевал старое как мир заклинание, призванное защитить от неприятностей и злого зова судьбы дитя проклятой матери.

Королеве не стоит знать, какое именно заклинание он использовал, но, пожалуй, оно подходит лучше всего, учитывая, что отцом мальчика скорее всего был лесной дух, а над Мелезией с того дня, как она пропала почти семь лет назад висела какая-то тень, похожая на смутную дымку. Сны мальчика еще больше утвердили старика в его догадке насчет духа, ведь те вполне могут зачать ребенка со смертной женщиной, как и смертные мужчины, по слухам, могут зачать дитя с духом женского пола.

С тех самых пор, когда молодая королева вышла из леса бледная и с затуманенными глазами, а позже оказалось, что она в положении, старик углубился в древние трактаты, чтобы узнать, как оградить ее и ребенка от беды. Как ни крути, но это невинное дитя да и наследник трона к тому же, вероятно единственный, потому что королева более не высказывала желания выйти замуж, несмотря на уговоры советников.

Лотиус читал и читал, пробовал разные травы и заклинания, пока не наткнулся на защитный отвод, который он применил к королеве, заговорив серебряное кольцо. Кольцо это старый маг велел ей носить постоянно и ни в коем случае не снимать, оно должно было помочь закрыть ее ум и сны от той связи, которая установилась между ней и лесным духом. Немного погодя, в недрах замковой библиотеки, маг нашел подходящее заклинание и для маленького Ритгарда. «Защитить дитя безвинное, кое зачато было во тьме и взятой духами матерью рождено. Дабы духов зов не слышало, снов злых не видело и на дорогу кривую не свернуло. Духово уберет, человечье взрастит. Огонь разожги, накрест уложи две пряди волос, у матери и дитя взятые, на чистое блюдо серебряное. Длань над ними вознеси, перстом укажи и слова скажи семь раз три ночи кряду: темный дух, духова ночь, поди мимо, поди прочь, прочь поди — злые сны уводи, прочь поди — духов глас отведи. Дух людской, дитя возьми, мрак и злое обмани. В последнюю ночь волосы сожги» — заклинание было написано еще на старом языке, слова почти выцвели, но разобрать их было вполне возможно.

Старый маг закончил произносить слова, которые должны были оградить маленького принца от злых лесных духов, сжег локоны, бросив их в камин, и тяжело опустился на стул. Завтра он скажет королеве, что все закончено, и, наверное пора уже просить себе помощника и ученика, слишком уж он затянул с этим, а ведь годы неумолимо мчались вперед. Разве не только вчера он, еще безусый юноша, вприпрыжку бежал по каменной лестнице, спеша к своему учителю за новыми знаниями, не за-

думываясь о высоте и количестве ступеней и сквозняках, бродивших по старому замку?

«Куда это все ушло? Ничто не несется быстрее самой жизни» — подумал Лотиус, тяжело вздохнул, встал и прошаркал к своей постели, где его ждали лишь подушка, перина да потертая книга на столике у кровати. Старик улегся, взял книгу, открыл, почти тут же закрыл, положил обратно, задул свечу и долго еще лежал, разглядывая темный полог кровати.

4

Довольно молодой еще мужчина, лет тридцати пяти на вид, в слегка потрепанной, но добротной одежде вошел в городские ворота Кайтерна, столицы Йельмера. Он вел под уздцы белого жеребца, нагруженного привязанными к нему мечом и вещевым мешком. Две недели, проведенные в дороге, утомили его, но он старался внимательно приглядываться к улицам и людям. Любопытно было вернуться сюда после долгого отсутствия.

Прошло уже почти двенадцать лет, с тех пор как Энарин, сын Рольфуса, нанялся на службу к кесскому купцу охранять караваны на торговых путях и покинул родной Йельмер. Двенадцать лет провел он в ночевках под крышами подозрительных таверн, под открытым небом, или вовсе сидя в седле и не имея возможности хоть ненадолго закрыть глаза и подремать. Купец платил хорошо, но и работа была не из легких, хотя он в общем-то привык к кочевой жизни настолько, что чистая постель и крыша над головой уже стали для него непривычной роскошью. Услышав, что королева Мелезия ищет для своего сына наставника для изучения боя на мечах, Энарин подумал, что ему стоит попытать удачи. Практического опыта у него было предостаточно, ведь где караваны, там и разбойники, и нельзя сказать, что ему часто выпадали легкие путешествия.

Двенадцать лет — довольно долгий срок, и Энарин вовсе не собирался до седых волос рисковать своей жизнью ради чужого добра. Потому, получив положительный ответ на просьбу поучаствовать в отборе, он тотчас собрал пожитки, попросил у хозяина письмо с рекомендациями и на следующий же день отправился в путь.

«Что ж, — подумал бывший охранник. — Мать будет рада. Возможно я даже остепенюсь, куплю домик подальше от городской площади и женюсь на милой крестьянской девушке

с золотой косой и веснушчатыми щеками. Ну и обзаведусь кучкой орущей детворы, как она всегда и хотела. Хватит с меня приключений. Пора уж подумать о старости наперед».

Столица изменилась, он видел это в разных мелочах, уже привычных взору горожан, но ярко бросающихся в глаза приезжему. У «Пьяного шмеля» сменилась вывеска, теперь деревянная доска возле таверны сверкала свежим лаком и кружкой, наполненной золотистым пенным сидром, над которой завис огромный полосатый шмель, на страже у ворот теперь стояло не четверо солдат, а восемь, и вооружены они были куда лучше, на главной площади выросло несколько новых лавок, а в Старом квартале недавно поменяли видавшую виды и уже подгнившую деревянную мостовую на новую.

Энарин с любопытством крутил головой, впитывая подзабытые звуки и запахи Кайтерна. «По крайней мере девчонки тут столь же хороши, что и раньше» — заметил он, подойдя к лавке булочника. Через открытое окно ее струился сладкий запах свежей выпечки, и девица за прилавком, наверное дочка или племянница хозяина, круглощекая и румяная от жара печки и беготни по лавке, успевала бросать лукавые улыбки покупателям. Энарин подумал, что должно быть ее задорный чистый смех привлекал сюда не меньше людей, чем ароматы только что вынутого из печи хлеба. Мужчина глубоко вдохнул воздух, пропитанный запахами свежей сдобы, и учуял в нем и другие знакомые с детских лет нотки — влажной после ночного дождя деревянной мостовой, конского навоза и медуницы, сидевшей в горшках почти на каждом подоконнике. Мужчина улыбнулся сам себе и направился вглубь Старого квартала, туда, где в маленьком домике с резной дверью, его ждала старушка-мать.

***

На рассвете следующего дня Энарин отправился в королевский замок, прихватив с собой письмо с рекомендациями. Замок стоял, как водится, в сердце города, в петле крепких высоких стен из угрюмого серого камня, воздвигнутых столетия назад, и грубые очертания бойниц резко выделялись на фоне чистого

голубого неба. Белое знамя с эмблемой королевского правящего дома, золотой короной, перевитой листьями плюща, лениво колыхалось, подгоняемое легким ветерком. Строения и башни замка располагались на небольшом холме и выглядывали из-за высоких стен, напоминая Энарину наседку в гнезде, вытягивающую голову в поисках возможных опасностей для своих птенцов. И сами стены, и замок были построены почти в одном стиле, хотя первых правителей этого жилища больше заботила безопасность и толщина этих самых стен, нежели их красота. Однако любой, кто хоть немного разбирается в человеческой природе, рано или поздно приходит к пониманию того, что жилище правителя должно производить определенное впечатление.

Каждый новый владелец привносил что-то свое в интерьеры старого замка, и постепенно он обзавелся собственным стилем. В просторных полутемных помещениях было полно плотных вышитых гобеленов, создающих уют и помогающих уменьшить сквозняки. Старые простые полки из сосны были со временем заменены полками из более дорогих пород дерева, появились кованые каминные решетки, добавлявшие некоторую утонченность интерьеру, а также тяжелые портьеры из дорогих тканей, служившие, как и гобелены, не только для красоты, но и для сохранения тепла в помещениях. Владельцы замка также мало-помалу добавляли, в зависимости от вкуса, возможностей и нужд массивные серебряные канделябры, тяжелую угловатую мебель, квадратные, казавшиеся неподъемными, кресла с резными рисунками на спинках. Шкафы в трапезной заполнялись серебряными и глиняными сервизами, вазами, небольшими статуэтками, а на стенах в главной галерее росла череда портретов королей, королев и их наследников. В конце концов портретов стало так много, что полвека назад новые стали размещать в большом длинном зале, примыкавшем к библиотеке.

В самой же библиотеке, которой королевский дом по праву гордился, в надежных дубовых шкафах хранились книги, карты, пергаменты, хроники, отчеты об урожаях и погоде за прошедшие годы и прочие полезные заметки разного рода. Это

было длинное прямоугольное помещение с большим камином, над которым висели в ряд небольшие, в локоть высотой, деревянные щиты. По традиции каждая невеста, входившая в королевскую семью Йельмера, привозила с собой щит с гербом своего дома, и после свадьбы его торжественно вешали на стену. Чаще всего среди щитов встречался герб кесских королей — орлиная голова с высунутым, раздвоенным, как у змеи, языком, что символизировало дальновидность, смелость и опасность для врагов. Встречались также гербы местных герцогов, а среди самых ранних затесался даже герб уже свергнутого ныне королевского дома Номии — цветок кувшинки в водах реки.

Помимо тронного зала, библиотека была единственным помещением в замке, где в узких длинных окнах теснились вплетенные в небольшие ячейки круглые, толстые и не слишком ровные кусочки желтоватого стекла. Производство стекла было для Йельмера делом новым и очень дорогостоящим, поэтому позволить себе подобную роскошь могли лишь самые богатые представители знати или члены королевского дома. Энарин не раз слышал, как люди, которым довелось увидеть библиотеку или тронный зал, когда солнечные лучи проникают сквозь переплет стеклянных окон, говорили, что свет вокруг становится теплым и словно бы наполняется волшебством. И, хотя ему были чужды подобные поэтические описания, Энарину всегда было любопытно посмотреть на это самому. Правда, вряд ли его и других претендентов будут принимать в тронном зале, да и в библиотеку не пустят, а вот если ему посчастливится стать наставником принца, тогда другое дело. Живя в замке рано или поздно он побывает там и увидит все своими глазами.

Уже подходя к воротам Энарин задумался, каково это — жить в таком месте? Возможно ему доведется узнать об этом самому, но он подозревал, что вряд ли это чем-то отличается от жизни слуг в доме Варта, его бывшего теперь уже хозяина, разве что масштабы побольше.

Размышления его были прерваны королевскими стражниками, несшими караул у главных замковых ворот. Энарин подошел, объяснил им, по какому делу явился, и они отправили мальчишку, чтобы тот проводил его в зал, где уже ожидали несколько человек. По пути мужчина не удержался и поискал глазами те самые застекленные окна. На третьем этаже тянулась вереница высоких узеньких окошек; сверкающие на солнце стекляшки в переплете сразу привлекали к себе его внимание, и Энарин усмехнулся про себя. Ничего волшебного он в этих стеклах не увидел, подумаешь блестят, так и вода в пруду в солнечный день блестит не хуже.

Тем временем мальчик завел его в какую-то дверь и сказал, что всем претендентам велено ожидать здесь. Энарин вошел и хотел было осмотреться, но пришлось дать глазам время привыкнуть к полумраку, царившему в помещении. Наконец, спустя пару минут, он сумел разглядеть присутствующих. «Пара явного вида наемников, старик, еще крепкий, но совсем уж седой, зеленый парнишка, и еще трое взрослых мужчин» — перечислил он про себя, попытавшись заранее прикинуть шансы. Затем мужчина отошел к стене и начал изучать гобелен, до того затертый и темный от копоти, что с трудом можно было различить цветочный узор по краям. Наверное в этом помещении, не предназначенном для приема важных гостей, не так часто наводили порядок. Окон в нем не было, и весь свет шел от двух толстых свечей в грубых подсвечниках, прибитых по обе стороны от входной двери. «Поставить бы над здешней прислугой матушку, здесь бы все сверкало» — с ухмылкой подумал он, представляя, как будет причитать мать, когда он расскажет ей, что при дворе у ее любимой королевы висят прокопченные гобелены и жалеют света для простых людей.

Тут дверь на противоположном конце комнаты приоткрылась, из нее вышел слуга, записал имена и звания всех претендентов, и снова скрылся, сказав напоследок, что придворный маг и торговый советник Балвин примут присутствующих по одному, чтобы побеседовать с каждым лично и составить

собственное представление о желающих обучать маленького принца.

Претендентов вызывал тот же слуга, он высовывался из-за двери ровно настолько, чтобы громко и надменно выкрикнуть очередное имя. Энарину даже показалось, что излишне громко, будто парень очень старался произвести впечатление на простолюдинов. «Тоже мне фокусы» — подумал он, вспоминая не в меру горделивого управителя купца Варта в Кариндейле (столице Кесса), который считал себя выше всех остальных слуг, но зато при хозяине вел себя как шелковый. Энарин постоянно замечал неодобрительные взгляды управителя, если Варт, будучи в хорошем настроении от удачной сделки или поездки с караваном, приглашал Энарина и его напарника Гвендольта поужинать вместе с ним. Как правило в такие вечера хозяйка отсутствовала, оставшись ночевать в гостях у друзей или родственников вместе со старшей дочкой Варта двумя сыновьями-погодками.

«Неплохой он мужик, наш хозяин, хоть и малость прижимист насчет денег. Впрочем купчина он и есть купчина, иначе не наторговал бы не шиша» — так всегда говорил Гвендольт, и Энарин соглашался с ним. Какой толк лезть в купцы, даже если у тебя есть какой-никакой капитал, не умея придержать при себе деньги?

Вспоминая жизнь в Кессе, он наблюдал, как прошли через беседу с магом и торговым советником уже трое — старик и двое мужчин среднего возраста. Все они молча и спокойно уходили, а провожал их тот же мальчишка, который провел сюда самого Энарина.

–Энарин, сын Рольфуса! — раздался из-за приотворившейся двери резкий голос, и Энарин прошел в комнату, едва не сбив с ног незадачливого глашатая, замешкавшегося у дверей.

Комната была не слишком большой, но под самым потолком в ней имелось три узких, длинных зарешеченных окна. Оконца давали какой-никакой свет и здесь явно было светлее и уютнее, чем в той полутемной келье, где дожидались претенденты на место наставника. В центре помещения стоял простой, гру-

бый прямоугольный стол с тремя подсвечниками на две свечи каждый. По длинным сторонам стола тянулись такие же простые лавки. Стены были голые, беленые известью, с проглядывавшей кое-где каменной кладкой, а пол, выложенный серым неровным булыжником, стершимся от времени, чтобы сохранить тепло и избежать грязи, был забросан охапками свежей золотистой соломы.

Двое мужчин, сидевших друг напротив друга за столом, выглядели на фоне столь простой, даже суровой обстановки немного нелепо. Придворный маг Лотиус, которого Энарин узнал по серой мантии, обшитой по краям каким-то странным белым узором, был седым, коротко стриженным, с аккуратной небольшой бородой, глаза его, цвета лесного ореха, ласково, по-отечески смотрели на Энарина. Вторым оказался торговый советник Балвин, это был светловолосый мужчина средних лет, суетливый и пухлый. Как большинство полных людей, он был склонен к потливости и не выпускал из рук белый платок, которым то и дело проходился по лбу и шее.

–Где это видано, чтобы принца обучал простолюдин? Все как один из крестьян вылезли, что ж ты будешь делать! — возмущенно пропыхтел Балвин, презрительно сощурив глаза и скривив губы, когда Энарин объявил свое имя, происхождение и подал письмо с рекомендацией из Кесса.

–Господин Балвин, я попросил бы вас не распугивать претендентов, иначе учить его высочество бою на мечах придется нам с вами. И, боюсь, что ни вы, ни я на это совершенно не годимся, — мягко осадил советника придворный маг, и в глазах его мелькнула веселая искорка.

Он слегка склонил на бок свою седую голову и пытливо, но дружелюбно посмотрел на Энарина, сохранявшего невозмутимый вид и лишь слегка приподнявшего правую бровь при реплике заливавшегося потом торгового советника.

–Тут говорится, что вы двенадцать лет служили у Варта, купца-тканника из Кесса в качестве охранника его караванов на юго-восточном торговом пути. Так-так… — маг снова обратил-

ся к пергаменту, пробежался глазами по бумаге, и продолжил читать. — «Зарекомендовал себя как честный и терпеливый солдат, умелый воин и заслуживает хороших отзывов...»

Торговый советник почти беззвучно фыркнул и нервно затеребил в руках золотую цепь с пластиной, украшенной духовыми камнями, словно надеялся, что этот оберег защитит его от вида потрепанного рыцаря, подвизавшегося на стезе стражника купеческих повозок.

Энарин сразу узнал оберег, он видел такие не раз, поскольку в Йельмере основная часть населения, кроме пришлых, поклонялась духам стихий, но позволить себе подобные амулеты из золота и с настоящими драгоценными камнями мог только богач. У бедняков вместо цепочек была плетеный шнурок, на который весили либо камешки, крашеные эмалью, либо вообще пять гладких простых деревянных палочек, которые должны были символизировать пять стихий — огонь, воду, воздух, землю или камни, и дерево. И, если простолюдинам приходилось довольствоваться весьма скромными символами, то у знати и людей среднего достатка было больше возможностей. Они покупали обереги в виде отдельных кулонов, либо в виде пластин, в которые встраивались камни по цветам каждой стихии. Так, воду мог символизировать любой камень синего или голубого цветов, огонь — камни любых оттенков красного, воздух — прозрачные камни, землю или камни — коричневые, серые или черные, а дерево — зеленые, по цвету листвы.

Энарин заметил, что на пластине советника Балвина средний камень был непрозрачным, черным, блестящим. По размеру он намного превосходил остальные. Это означало, что советник более всего уповает на покровительство духов земли и камней, которые по традиции управляли урожаями вместе с духами воды, богатствами земных недр и горными породами, а также считались символом высокого положения в обществе и достатка.

«Боится за свои денежки или за место при дворе?» — мысленно задал себе вопрос Энарин, глядя, как Балвин продолжает перебирать в руках пластину с тускло блестящими камнями.

–Вы уроженец Йельмера, мастер Энарин? — обратился к мужчине Лотиус, отвлекая его от созерцания суетливых движений торгового советника.

–Да, господин маг. Мой отец был королевским стражником, — охотно ответил старику Энарин.

Он сразу ощутил, что Лотиус симпатизирует ему, в отличие от господина Балвина.

–А я ведь помню его. Видный и сильный мужчина он был, ваш отец. Мог бы запросто стать капитаном, если бы не больная нога, — придворный маг тепло улыбнулся.

–Все это так. Спасибо за добрые слова, господин Лотиус, — Энарин улыбнулся в ответ, хотя всякое воспоминание о покойном отце всегда скорбью отзывалось в его душе.

–Давайте-ка посмотрим, что еще пишет о вас купец.

Придворный маг дочитал письмо с рекомендациями, прочистил горло и что-то прошептал на ухо своему соседу, от чего Балвин слегка поморщился, но все-таки кивнул, соглашаясь со словами Лотиуса.

–Итак, я думаю, и господин Балвин со мной согласился, можно считать, что вы прошли предварительный отбор, Энарин, сын Рольфуса. Через два дня в полдень будут проведены показательные поединки среди желающих обучать юного принца искусству боя. Там будут присутствовать королева Мелезия и принц Ритгард, после будет выбран один из претендентов. Мы благодарим вас за визит и ожидаем в среду. Да услышат духи ваши нужды, — уже более официально произнес старый маг и коротко кивнул Энарину, давая понять, что разговор окончен и тому пора уходить.

–Благодарю вас, господа, — просто ответил бывший охранник, развернулся и вышел в двустворчатую дверь.

Шустрый слуга тотчас выкрикнул имя следующего претендента, едва Энарин успел отойти от двери хотя бы на три шага. Мужчина прошел сквозь темное помещение, толкнул двери и вышел на улицу, сразу сощурившись от солнечного света, который беспощадно слепил после полумрака приемной. «Больно

уж мрачное местечко, неужто все тут такое? Говорили, что королева не любит излишней роскоши, но не думал, что настолько» — подумал Энарин, пересекая двор.

Мальчишка, в обязанности которого входило сопровождать претендентов на роль наставника, молча шел рядом, видимо чувствуя, что Энарин не особо настроен на разговор. И, когда наконец парнишка задал вопрос, Энарин поначалу даже не понял, кто это говорит, настолько он задумался о своем.

–Господин, ты будешь учить принца Ритгарда? — спросил мальчик, почесав голову, и приведя свои и без того лохматые волосы в еще больший беспорядок.

Он заглянул Энарину в глаза, но как-то несмело, будто опасаясь, как мужчина отреагирует на его вопрос. Мальчик был худеньким, лет наверное восьми-девяти, в простой, местами починенной, но чистой одежде. Энарин решил, что он это сын какой-нибудь служанки.

–А тебе-то что с того, парнишка?

Они остановились. Энарин почувствовал симпатию к этому мальчику, глаза у него были живые, с хитринкой, наверняка он доставлял кучу неприятностей своей матери, учиняя разные проделки, как и любой мальчишка подобного склада и возраста.

–Ты, господин, не злой, — мальчик склонил голову на бок и уже более уверенно поглядел на Энарина.

–Господин я такой же как и ты. Как тебя зовут? — мужчина рассмеялся и с любопытством посмотрел на мальчика.

–Меня все Коррином кличут, — мальчишка почесал нос и продолжил. — Ты не злой, я сразу увидел, что у тебя глаза добрые, господин. Тетка Иза всегда говорит, что по глазам видно, чего больше человек в жизни сделал, доброго или дурного. И еще она говорит негоже, чтобы принца учил дурной человек.

–Можешь звать меня Энарином, Коррин. Не такой уж я и добрый, приходилось и мне делать людям дурное, но в чем-то твоя тетя права, иногда по глазам и правда много видно, — ответил он мальчику. — Скажи-ка, а ты хотел бы научиться драться на мечах?

Коррин какое-то время смотрел в пол, развозя носком башмака грязную воду из лужицы, а потом поднял глаза и серьезно сказал:

–Иза мне не тетя, она кухарка тут, в замке. А на мечах мне не положено. Иза говорит, что я как вырасту, буду тут слугой здесь. Прислуге меч не положен. Но… но я бы хотел. Хочу стать воином, как ты, господин, — быстро проговорил мальчик, и осторожность в его голосе сменилась робкой надеждой.

Энарин усмехнулся, любой мальчишка хочет драться на мечах. Чей-то раздраженный голос разнесся по двору, выкрикивая имя Коррина. Парнишка вздрогнул, и побежал прочь, махнув рукой на прощание, так и не дождавшись ответа. Энарин вышел через ворота в город, провожаемый подозрительными взглядами стоявших на карауле стражников. Мысленно он пообещал себе вырезать для Коррина деревянный меч и научить мальчонку драться хотя бы им, если на отборе все сложится удачно. Этот мальчик с его желанием учиться бою на мечах напомнил ему самого себя из далекого детства. Только вот у Энарина был отец, который охотно обучал его, а Коррину, судя по всему, повезло куда меньше. С этими мыслями мужчина отправился домой.

Мать уже ждала его, уже накрыв на стол к обеду. Посреди выскобленной деревянной столешницы стоял на подставке горшок с ячменной кашей, приправленной сливочным маслом с укропом и кусочками жареного мяса, миска с вареньем из вишни и ломти белого хлеба. Мужчина вздохнул, конечно мать была рада возвращению сына и пыталась его баловать, хоть ему и уже давно пора было няньчить собственных детей. Однако Энарин понимал, что она тратит деньги, которые каким-то чудом умудрялась откладывать из того, что отправляли ей Энарин и его сестры. «Я одна живу, много что ли мне надо? На обед краюшка, да на ужин четвертушка» — часто приговаривала она. Для себя мать всегда жалела лишний кусок и уж точно не позволяла себе подобной еды, по крайней мере по будничным дням. Энарин знал это, и, несмотря на протесты, выдал матери побольше денег, сказав, что не намерен кормиться за ее счет.

Сестры его уже лет десять как вышли замуж и разъехались: одна вышла за лавочника, который позже получил наследство в Кессе, и перебралась с мужем туда, а вторая была замужем за зажиточным крестьянином, жившим в крупной деревеньке вблизи Вельского леса и разводившим мясных и молочных коров. Обе сестры постоянно упрашивали мать переехать к одной из них, но та твердо держалась своей линии: дождаться Энарина со службы, женить, а потом уже можно со спокойной душой уехать в деревню или в Кесс, там уж видно будет.

–Берегись, братец, она тебе поди уж присмотрела ясноглазую вдовушку ткача Верлену или грудастую дочку пекаря, Анею! Обе хороши, смотри в оба, окрутят и не заметишь, как даешь духам пояс в предсвадебный день! (В Йельмере была давняя традиция: в день перед свадебным обрядом невеста приносила и оставляла на духовом камне новую вышитую самолично рубашку, а жених приносил пояс. Наутро вещи забирали, их хранили и надевали только в торжественных случаях или использовали как обереги. Жители Йельмера считали, что так духи благословляют пару, и брак будет счастливым, долгим и плодовитым) — часто дразнили его сестры, посмеиваясь, но в душе одобряя замыслы матери.

Сам Энарин не то чтобы был против женитьбы, но хотел сначала повидать мир, подкопить денег, да и не попадалось ему еще девицы, которая настолько бы запала в душу, чтобы вести ее к духову камню как невесту. Он нравился девушкам и частенько проводил с ними теплые летние ночи на мягком сене или время от времени навещал один из веселых домов, где девицы порой были готовы сами приплатить, чтобы их выбрал такой красавчик.

Однако время шло, Энарин порядком устал от постоянной кочевой жизни, надоело подставлять свою шею под удар ради чужого добра, хоть он и понимал, что работа в охране караванов дала ему многое — выносливость, настоящий боевой опыт, кое-какие сбережения, возможность немного посмотреть мир, пусть и ездил он всего лишь по Кессу и Номии.

«Всяко лучше, чем весь век проторчать в одном месте и не знать, сколько всего на земле есть, сколько людей да чудес» — всегда говорил он матери и сестрам. Он уже долго обдумывал, как бы поудачнее выбрать время, чтобы попрощаться с Вартом, а тут как раз услышал о поиске наставника для принца. Энарин сразу увидел в этом свой шанс и сказал своему напарнику Гвендальту:

–Поеду в Йельмер, домой. Получится стать наставником — будет место при дворе, работа привычная, безопасная и денежная, а нет — ну так может хватит сбережений лавку открыть или еще что. Да и о матери позабочусь — всяко хорошо.

Гвендальт тогда добродушно рассмеялся, но одобрил планы напарника.

–Глядишь, и старого друга приветишь, когда я скрючусь от ревматизма да Варт выгонит меня взашей. Выберем мне симпатичную служаночку и пристроим жить в замке, — весело сказал он, почесывая старый шрам на подбородке.

–Если какая служаночка на тебя позарится, на скрюченного то, — отшутился в ответ друг.

Оба захохотали еще сильнее и стукнулись кружками с пивом, выпивая за удачу Энарина. В тот вечер они просидели довольно долго и выпили порядочно, вспоминая совместные приключения, выпавшие на их долю за время работы на Варта, с тем смешанным чувством ностальгии и легкой горечи, которое часто сопутствует прощаниям и разлукам.

Через две недели после этого разговора Энарин собрал вещи, распрощался с Вартом и его челядью, а потом поехал последний раз через городскую площадь Кариндейла, сплошь выложенную темно-серым камнем, в изобилии доставлявшемся из местных каменоломен. Он тогда внимательно смотрел, будто пытаясь запомнить их как следует, на серые каменные дома с деревянным ставнями и дверями, выкрашенными яркой краской всевозможных цветов, на белые нарциссы и желтые лилейники под окнами богатых домов, а потом выехал из города, мысленно прощаясь с воспоминаниями последних двенадцати лет.

–Чего ты так задумался, сынок? — прервал воспоминания голос матери.

–Да так, матушка, вспомнил кое-что, — коротко ответил он. - Каша очень вкусная вышла.

Мать довольно улыбнулась, а Энарин подумал о том, так просто было ее порадовать. Впрочем, он ни капли не соврал, ведь после стольких лет домашняя еда действительно казалась ему на редкость вкусной. Она вызывала в памяти картины детства, и перед мысленным взором Энарина предстала мать, какой она была когда-то, — молодая, веселая, с длинной светлой косой, то у печи суетится, то по дому, то за шитьем. Сердце его сжалось, когда он понял, насколько та молодая энергичная женщина отличается от нынешней, и Энарин ласково улыбнулся матери. Жизнь не стоит на месте, и когда-нибудь он тоже будет сидеть вот так напротив собственного чада, седой и морщинистый.

5

Мать обещала, что скоро у него будет свой наставник, настоящий воин, который научит его, Ритгарда, драться на мечах, как взрослого. От этих мыслей мальчика переполняла гордость, ведь мало кто воспринимает тебя всерьез, как будущего короля, если тебе всего десять лет и ростом ты едва ли по плечо своим собственным слугам. «Хотя вовсе и не всем слугам, я выше Коррина, пусть и ненамного. Вот вырасту, стану королем и сделаю его моим главным советником» — думал мальчик, довольно улыбаясь. С Коррином они были приятели, насколько могли быть приятелями дворовый мальчишка-сиротка и наследный принц целого королевства.

Естественно королева не одобряла подобные знакомства своего сына, и, как только он приступил к изучению грамоты, она выбрала нескольких мальчиков из знатных семей, близких к Ритгарду по возрасту, и пригласила их в столицу. Вскоре, с одобрения своих знатных родителей, мальчики приехали, чтобы жить при дворе большую часть года и составлять компанию принцу. Так Мелезия надеялась не только обеспечить Ритгарда в будущем друзьями и соратниками среди знати, но и отвлечь его от странной дружбы со слугой.

Несмотря на неприятие дружбы между Ритгардом и Коррином, королева однако не препятствовала предложению Лотиуса о том, чтобы сделать Коррина, помощником и слугой старого мага. В глубине души королева жалела мальчика, который осиротел еще в возрасте пяти лет. Так придворный маг начал учить юного Коррина грамоте и письму одновременно с Ритгардом и прибывшими в замок отпрысками знатных семейств.

Каждый день, с утра и до полудня, кроме воскресенья и праздников, они проводили в комнате с вереницей узких длинных окошек, расположенной на третьем этаже замка.

Мальчики учились читать, разборчиво писать, а принц еще и изучал историю своей страны, и вскоре должен был приступить и к изучению мастерства боя. Он с нетерпением ждал, когда же наступит день состязаний, и подговорил Коррина, который по поручению мага провожал и встречал претендентов, получше рассмотреть их и разузнать о них все, что удастся. Коррин в свою очередь, старался завязать с каждым из них разговор, провожая до ворот.

Сегодня Ритгарду было велено прочесть двадцать страниц из летописей историка Эреуса о правлении короля Каймина Золотые Руки, но вместо этого он все утро проторчал на открытой галерее, высматривая с высоты, как Коррин бегает через двор провожая то одного, то другого претендента. Наконец подошедший слуга сообщил принцу, что королева ожидает его в трапезной. Ритгард подумал, что прочтет о Каймине перед сном, а пока есть дела поинтереснее. После обеда нужно будет найти Коррина и расспросить его обо всем. Мысль о показательных боях и будущем наставнике, который научит его биться на мечах, так взволновала юного принца, что он, напрочь забыв о королевском достоинстве, вприпрыжку побежал по галерее. Объемистый труд почтенного историка остался лежать на перилах, а потом с грохотом упал на каменное покрытие двора, до смерти перепугав проходившую мимо служанку.

***

Улучить минутку, чтобы поговорить с Коррином, удалось только после ужина. Ритгард знал, что приятель не голодает, но тем не менее стащил с блюда пар груш, когда выходил из трапезной. Добытая таким образом еда всегда казалась вкуснее, хотя Ритгард, хоть убей, не смог бы объяснить, почему. Теперь оба мальчика с аппетитом ели, сидя на чердаке у окошка и разглядывая с высоты каменный двор. Уже начало смеркаться, кое-где в окнах появлялся слабый свет зажженных свечей, а возле ворот у караулки зажгли факелы.

–Значит, говоришь их восемь? — переспросил Ритгард, вытирая рукавом обильно стекающий сок.

Коррин ответил не сразу, он дожевал свой кусок, тоже смахнул сок с подбородка, вытер руку о штанину и только потом сказал:

–Теперь то уже пять, один сам передумал, а двоим старик и толстяк сразу отказали, больно сомнительная репутация, говорят, — мальчик поморщился, стараясь припомнить, верно ли запомнил слова своего учителя.

–И который из них по-твоему выиграет? — полюбопытствовал Ритгард.

Он наблюдал за голубями, которые возмущенно ухали, недовольно и опасливо поглядывая на вторгшихся на их территорию чужаков. Коррин тем временем доел грушу, бросил косточки и сердцевину птицам, почесал голову, и серьезно ответил:

–Ну, я так думаю, что решать то будет королева, но я, пожалуй, попрошу духов, чтобы победил господин Энарин.

–Это тот, который служил в охране кесского купца? Почему ты думаешь, что он лучше других? — Ритгард пытался понять, чем этот мечник вызвал симпатию Коррина и почему его друг так быстро выделил его из всех остальных.

Хотя, если подумать, то Коррин часто проявлял недюжинную проницательность относительно моральных качеств людей — очень ценная способность для безродного сиротки при королевском дворе. Эта способность, как Ритгарду было известно, уже не раз спасала Коррина от неприятностей.

–Знаешь, я думаю… — Коррин на пару секунд замолчал, будто колебался, стоит ли это говорить, а потом, продолжил. — Ну, думаю, он согласится учить меня драться.

И оба мальчика сразу же вспомнили об одном и том же.

–Надеюсь чертова Ронара духи забрали! Да и ты же знаешь, что я не позволю больше так обращаться с тобой, ты же мой друг! — скрипнув зубами, сказал принц.

Ритгард всегда выходил из себя, когда всплывала та история. Пару лет назад, когда мальчишки только начали общаться и лазать по всем доступным крышам и чердакам, Коррин был приставлен к конюху Ронару, здоровому, вздорному выпивохе.

В один из дней, когда друг не явился, как они договорились, после обеда к чердачной лестнице, Ритгард сам пошел на конюшню, якобы посмотреть, как там его лошадь, а на деле еще и узнать, чем это так занят Коррин. Когда Ритгард зашел в помещение, он увидел, что друг лежит в углу, отвернувшись к стене. Сначала мальчик подумал, что тот заснул, но когда взял его за плечо и развернул к себе, то обомлел. На лице Коррина ярко выделялся большой синяк, губа припухла, а один глаз совсем заплыл. Ритгарду не пришлось долго гадать, чьих это рук дело, хотя сам Коррин пробормотал, что он просто упал, и постарался побыстрее отвернуться. Он упорно отказывался идти к магу для лечения, и только когда Ритгард заявил, что приведет Лотиуса сюда, на конюшню, а заодно и позовет свою мать, мальчик согласился пойти с ним в покои придворного мага.

Старик сразу понял, что Коррин вовсе не упал, как он продолжал упорно твердить ему и Ритгарду, и эти побои — дело рук ворчливого выпивохи Ронара. Лотиус нахмурился и полез в шкафчик с лекарствами, затем намазал синяк какой-то мазью собственного изготовления, прошептал заклинание и прикоснулся к заплывшему глазу мальчика. Ребенок вздрогнул и прикусил и без того распухшую губу. Старый маг оставил Коррина на ночь в своих покоях, там была широкая скамья, на которую постелили небольшую перину, положили подушку и одеяло, и пообещал беспокойному Ритгарду переговорить с королевой насчет Ронара.

В тот же вечер, когда мать зашла навестить Ритгарда перед сном, поцеловала его и аккуратно пригладила темные волосы мальчика, он спросил, рассказал ли ей мастер Лотиус про Коррина.

–Рассказал, и я рада, что ты беспокоишься за этого мальчика. У тебя доброе сердце, милый. Но ты должен помнить, что, когда ты вырастешь, то будешь королем. Тогда ты не сможешь быть ему таким же другом, как сейчас. Я говорю это не потому что мне не нравится бедный мальчик, мне жаль его, он сирота, но в будущем тебе будет больно, когда ты поймешь, как сильно

разнятся ваши пути, Ритгард. И мне не хочется, чтобы ты испытал эту боль, чтобы ты потерял кого-то, кто стал тебе близок.

Она говорила все это, глядя на Ритгарда с сочувствием, и ему почудилась какая-то затаенная печаль в ее голосе.

–Матушка, но разве я не смогу просто сделать Коррина лордом, чтобы мы также были друзьями? — удивленно спросил он.

–Если ты будешь раздавать звания, титулы и должности незаслуженно, то люди не будут уважать ни тебя, ни тех, кого ты будешь назначать, Ритгард. И подумай еще вот о чем, если ты просто так сделаешь бедного мальчика лордом, то его привычное окружение станет для него чужим, он не сможет больше жить среди слуг как раньше, но и знать его не примет. Он станет чужим и тем, и другим, сделает ли это его счастливым? А ты сам будешь ли счастлив, если твой друг одинок, несчастен и всюду чужак?

–Но я же останусь его другом! — возмутился Ритгард.

Он еще очень смутно представлял, о чем говорила мать, но мысленно дал себе зарок подумать над ее словами, так они его взволновали.

–Ритгард, милое мое дитя, ты пока еще не понимаешь, что мир человека, а тем более мир правителя, не может состоять из одного лишь друга. Тебе придется считаться со своими подданными. Хороший правитель не следует слепо за своими желаниями, он всегда думает о последствиях своих решений. И еще, я хочу, чтобы ты знал, что конюха завтра же накажут за пьянство и жестокость, он будет выпорот во дворе замка. Лотиус хочет забрать мальчика к себе в помощники, тут я с ним согласна. А теперь спи, милый, и не беспокойся больше ни о чем.

С этими словами мать еще раз поцеловала его, погладила по голове, задула свечу и ушла к себе, оставив мальчика под присмотром слуги и курсировавших по коридору стражников. После этого случая Ритгард дал себе обещание придумать, как ему сохранить дружбу с Коррином.

Его воспоминания о прошлом прервал голос друга. Тому явно было неловко, из-за того, что Ритгард вспомнил ту неприятную историю, и мальчик попытался переменить тему.

–Я говорю, пора идти вниз, а то хватятся. Мне еще надо переписать названия книг с целой полки, так старик велел, — сказал он, стараясь избежать взгляда Ритгарда.

–Пойдем, меня наверное уже мать ищет. Завтра приходи на соревнование обязательно, то-то будет зрелище, почти что турнир, пусть и совсем маленький! — возбужденно проговорил Ритгард, ухватившись за более приятную тему.

Он, как и Коррин, еще ни разу не видел настоящего боя.

–А то, приду конечно, старик же будет. Попрошу его, он разрешит, я знаю.

Мальчишки начали спускаться по ветхой лесенке. Они думали о завтрашнем дне, о сражениях и победах, представляя себя доблестными воинами в кольчугах, блестящих на солнце. Позже, уже во сне, оба мальчика видели трибуны, полные ликующих людей и слышали звон мечей, танцующих в умелых руках сильных рыцарей, совсем как в древних преданиях и легендах, которые они когда-то читали.

***

Коррин посвистывая шел в покои старого мага, он жил в замке с малых лет и знал тут почти все помещения, потайные дверки и ниши. В полумраке коридора смотрели на него со своих портретов короли и королевы, перемежавшиеся с рыцарями, драконами и девами. Каждый раз проходя здесь, он вспоминал слова Ритгарда о том, что тот не любит ходить по этой галерее, потому что за ним будто бы следят десятки пар глаз разом.

Но Коррина жизнь сироты, которому любой может дать подзатыльник за настоящую или мнимую провинность, уже успела научить больше переживать из-за живых людей, а не нарисованных. Живые обычные люди, вот чьих глаз стоило опасаться.

Хотя с тех пор, как его взял к себе в помощники придворный маг, жилось мальчику гораздо лучше. Старик Лотиус даже проверял, есть ли у Коррина какие-то способности к магии, но, к своему сожалению, таковых не обнаружил. Коррин в итоге так и остался на положении слуги-помощника, что его вполне устраивало, ведь он хотел изучать не только мастерство боя, но и во-

енное дело, а в замке была хорошая библиотека, откуда Лотиус позволял ему брать и читать почти любые книги. Правда, старый маг, каждый раз, когда Коррин брал новую книгу, предварял это пространными сентенциями о том, что нужно быть осторожным, аккуратным, непременно мыть руки и, упаси Единые, залить страницу книги воском свечи или запачкать чернилами.

Книги были редки и стоили больших денег, ведь писались они вручную. Пусть даже теперь, после того, как в стране было налажено производство бумаги, цена на них стала немного ниже, позволить себе иметь книги до сих пор мог только зажиточный человек.

Коррин все еще насвистывал, когда вошел в покои придворного мага. С порога ему в ноздри ударила целая волна ароматов, так сильно перемешавшихся друг с другом, что уже было сложно различить в этом море запахов отдельные нотки. Он совершенно забыл, что Лотиус собирался сегодня делать экстракты для изготовления свечей. Маг каждый год экспериментировал с травами и маслами, которые добавлялись потом в пчелиный воск, и особо тщательно выбирал те, что пойдут на свечи для покоев королевы и принца. Коррин помогал ему, мальчика умиротворяло бормотание старика, отмеряющего на небольших весах травы, выпаривающего, заваривающего их и суетившегося над флаконами с маслами, точно хлопотливая наседка над птенцами. Вот и сейчас старик, наклонившись над столом, бубнил вполголоса: «Тысячелистник от недобрых духов, королевский шалфей для защиты от зла и ночных кошмаров, цветки лаванды для очищения...»

–А, это ты, Коррин. Помоги мне, мальчик. Нужно как можно мельче нарезать розмарин, — сказал Лотиус, не оглядываясь.

Он всегда узнавал своего слугу по тому, как тот шумно открывает дверь и посвистывает.

–Сейчас сделаю, мастер Лотиус. А могу я пойти посмотреть на отборочные бои завтра днем? — спросил Коррин.

Старик был добр к нему, и мальчик не хотел подводить его, сбежав без спросу.

–Бои, мальчик мой, будут в полдень. До того подпиши все склянки, которые сделаем сегодня и как следует отмой стол. Я припоминаю, что ты как-будто бы хотел стать воином. Твои желания не изменились? — последняя фраза огорошила мальчика, он не думал, что старик так хорошо запомнил эти его слова, сказанные еще два года назад.

Коррин задумался, пытаясь ровно сложить маленькие, узкие листики розмарина на деревянной досочке и примеряясь к ним специальным серебряным ножом для трав. Ему было неловко от мысли о том, чтобы так просто покинуть старика, ведь мальчик по-своему привязался к нему. Однако в мечтах он видел себя в доспехах и с мечом, сметающим врагов одним ловким сильным ударом, а не мальчиком на побегушках, скребущим столы и расставляющим травяные настои. Поскольку Коррин молчал, старик оторвался от своей работы и повернулся к нему. Поживший уже достаточно лет, чтобы легко читать по людским лицам и безо всякой магии, Лотиус понял сомнения мальчика и его молчание правильно. Он улыбнулся, стараясь вложить в эту улыбку как можно больше теплоты.

–О, не стоит волноваться обо мне, Коррин. Я старик и привык к расставаниям, да и ты все равно останешься в замке. Только я бы посоветовал тебе дождаться и посмотреть, кто выиграет бои и станет наставником принца. И если он будет достойным человеком, то я сам поговорю с ним. Ведь как-никак ему нужен будет слуга и оруженосец.

–Но как же вы, мастер? Кто будет помогать вам? — Коррин уже не удивлялся тому, что старик читает по его лицу как по-писаному.

–У меня на примете есть один способный паренек, будет хорошим огненным магом, если постарается и не будет валять дурака, лазая по чердакам и распугивая голубей, — Лотиус подмигнул мальчику, и в его теплых карих глазах запрыгали лукавые искорки.

–Я… извините, мастер, — Коррин смутился и начал с удвоенным усердием поправлять на доске и без уже того ровный пучок травы.

–Не все будут также снисходительны к твоим шалостям, Коррин, просто помни об этом. Ты быстро учишься, смекалистый и ловкий, надеюсь, что ты найдешь свое место рядом с подходящим наставником. Ты можешь достичь большего, чем просто скобление столов в замке, используй эту возможность с умом. Я всегда считал, что нехорошо растрачивать свои способности впустую, но не все, к сожалению, могут позволить себе роскошь выбирать себе дело жизни по уму и таланту, Коррин.

Мальчику показалось, что старик заметно погрустнел. В последнее время он замечал, что Лотиус часто впадает в какую-то тоскливую задумчивость, и мысли его витают далеко отсюда. Решив не дожидаться, пока маг опомнится, он приступил к нарезке розмарина. «Наверное это у него от старости» — подумал Коррин.

А старый маг вспоминал серьезное сосредоточенное личико девочки, указывающей пальчиком на ингредиенты для настоев и перечислявшей их названия. Он вспоминал живой блеск ее зеленых глаз, когда она читала рецепты изготовления микстур, лечебных припарок и восковых свечей, и чистый детский восторг, когда он показал ей свои способности к водной магии и вытянул воду из салатного листа. Тогда она как завороженная глядела на блестящие капли воды на ладони Лотиуса и так беспечно радовалась. В веренице образов из прошлого замелькали другие и сцены. Он увидел ту же девочку с растрепанной черной косой, торопящуюся рассказать наставнику о найденном семействе ежей или полянке со спелой черникой. Затем перед глазами старика появилась юная девушка в траурном платье, стоящая у погребального костра, тихая и тонкая как тень, перепуганная свалившейся на нее ответственностью за королевство. В следующем воспоминании юная девушка превратилась в красивую невесту в богато расшитом зеленом свадебном наряде, с блестящей короной в черных волосах. Образ невесты растворился, и ему на смену пришла молодая мать, недавно разрешившаяся от бремени, и нежно целующая свою маленькую дочь, затем настал черед измученной женщины, лишившейся мужа, ребенка

и потрясенной известием о нежданной беременности; она безучастно смотрела в пустоту, прислонившись к стволу яблони, будто ища в нем опору, и рука ее машинально поглаживала выпуклый живот. В самом конце всегда приходил один и тот же образ — королева с любопытством и опасением склонялась над колыбелью новорожденного сына, с тревогой выискивая в чертах мальчика сходство с его настоящим отцом.

Старик Лотиус с большим трудом отогнал от себя воспоминания, которые всякий раз расстраивали его и невольно задался вопросом: «Была ли она счастливой? Наверное была, но куда меньше, чем я бы ей того пожелал. Милое дитя, она была такой способной и серьезной. Увы, держащий власть не выбирает свой путь, он выбран за него еще до рождения». Он так тяжко вздохнул, что Коррин, нарезавший травы и насвистывающий какую-то беспечную песенку, вздрогнул и замолчал. Мальчик с тревогой взглянул на старого мага, но не стал расспрашивать его, зная, что старик все равно ничего ему не расскажет.

***

В комнате, освещаемой тремя горящими свечами в серебряном подсвечнике, возле маленького столика перед зеркалом сидела королева Мелезия. Она явно о чем-то задумалась, пока служанка ловкими пальцами расплетала тяжелые черные волосы своей госпожи. Пальчики девушки быстро мелькали, вытаскивая шпильки, расплетая косы и расчесывая локоны костяным гребешком, в котором, отражая неровное пламя свечей, кровавыми капельками сияли маленькие рубины.

Эта спальня, обитая темными деревянными панелями, была конечно роскошной, даже больше того, ведь она была королевской, однако при этом наводила на Кайлу какую-то тоску, особенно по вечерам или в холодное время года. Когда наступала зима, и без того узкие окна, дававшие мало света, закрывали вощеными холстами, и в помещении весь день царил полумрак, несмотря на свечи и затопленный камин. В такое время покои королевы, впрочем, как и все остальные комнаты в замке, выглядели на редкость мрачными. Теперь же была весна, и камин

стали топить гораздо реже, а без него приходилось довольствоваться светом свечей. Так было и сегодня.

Девушка состояла при королеве уже второй год, и в целом была довольна своим местом, шутка ли — служить самой королеве, такую должность любой бы захотел. Конечно она не была знатной дамой или фрейлиной, она всего лишь отвечала за одежду, помогала королеве мыться и расчесывать волосы перед сном, а также приносила еду и выполняла разные мелкие поручения. Однако это было куда лучше, чем скоблить полы или портить руки в прачечной. Спала девушка в гардеробной королевы, и там, по мнению Кайлы, было гораздо приятнее, чем в этой комнате. Обычно в покоях королевы на ночь оставалась одна из придворных дам, на случай, если госпоже что-то понадобится. Для Кайлы же в углу гардеробной стояла достаточно широкая скамья с постелью. Порой, когда все уже уснут, Кайла забиралась по приставной лесенке к маленькому окошечку под самым потолком гардеробной, и, отогнув холстину, смотрела на звездное небо.

Дочь обычной кухарки из таверны, она была мало чему обучена, немного читала и с трудом могла написать несколько строк, поэтому должность при королеве была неслыханной удачей для нее, и позволяла помогать матери, заодно откладывая кое-какую мелочь на будущее приданое. Мелезия была добра к Кайле — она никогда не кричала на девушку, даже если той случалось что-то сделать не так, всегда отпускала ее повеселиться в праздничные дни и дарила небольшие, но ценные для Кайлы подарки, вроде брошки или наперстка. На прошлый же Зимостой (самый короткий день и самую длинную ночь в году) Кайла получила от королевы большой отрез добротной темно-синей шерсти на платье. Трудно было пожелать более хорошую хозяйку, и Кайла прониклась к королеве искренней симпатией и желала своей госпоже только добра. Правда, она замечала, что сама Мелезия не выглядела счастливой и часто, когда оставалась лишь в обществе Кайлы, впадала в глубокую задумчивость, и так и сидела, машинально покручи-

вая на пальце простое серебряное колечко и отложив в сторону вышивку или книгу. Девушка знала, что это кольцо королева никогда не снимает, но не задавала вопросов. Возможно это кольцо подарок мужа, оставшийся ей на память о нем и их дочери. «Принцесса была бы почти моих лет сейчас» — думала Кайла, которой минуло восемнадцать в начале весны. «И ведь сама королева все еще могла бы выйти замуж и родить детей. Мужа наверное очень любила, вот и не пошла» — заключила она про себя.

Девушка закончила приводить в порядок волосы госпожи и подошла к кровати проверить, достаточно ли та нагрелась от завернутых в тряпицу горячих камней. Весна в этом году выдалась прохладной. На дворе была середина мая, но по ночам еще было свежо, поэтому пока холстины с окон снимали только в погожие солнечные дни и время от времени зажигали камины и клали грелки между простынями.

Стекло только недавно начали делать в самом Йельмере, и в замке оно было только в окнах тронного зала и библиотеки. Неровные, выпуклые желтоватые круги были вставлены в металлические полосы, а затем уже помещались в раму. Вид оконного переплета всегда чем-то напоминал Кайле пчелиные соты. Такие стекла конечно искажали мир за ними, однако уже сами по себе казались чудом, ведь с ними даже зимой можно было убирать деревянные ставни и видеть дневной свет, не опасаясь холода и ветра. Кайла все гадала, когда уже поставят стекла в покои королевы. «Может быть тогда здесь будет не так мрачно» — мечтала девушка.

–Все готово, ваше величество. Нужно сделать еще что-нибудь? — обратилась она к королеве.

–Нет, Кайла, можешь идти спать. Дорета сейчас придет. Можешь ли ты представить, что уже завтра у моего сына будет наставник в бое на мечах? Будто только вчера он учился ходить, а уже скоро возьмет в руки свое первое настоящее оружие. Время и впрямь слишком быстро бежит, — она замолчала, а потом вдруг неожиданно добавила. — Я надеюсь, он станет хорошим королем.

Голос королевы был пронизан нотками грусти и нежности, когда она говорила о сыне. Кайла улыбнулась, вспоминая как ее собственная мать смотрела на нее саму и на младших братьев. Однажды она, помнится, спросила, почему мать так странно глядит, не поймешь, то ли радуется, то ли грустит. Мать тогда сказала ей, что ей радостно, потому что дети ее здоровы и красивы, и ей приятно наблюдать их возню, а грустно от того, что скоро, не успеешь глазом моргнуть, они вырастут и разбегутся, кто на службу, кто замуж. Наверное и королева думала о том же.

–Матушка говорила точно как вы. Только лежали в колыбельке, а глядь — уже выросли и разбежались кто куда, — ответила девушка.

–У тебя кажется трое братьев, Кайла? Они чему-то уже учатся? — спросила королева, ласково улыбаясь девушке.

–Да, ваше величество, им шесть, десять и двенадцать лет. Старший уже помогает пастуху со стадом, средний наверное пойдет учеником к кузнецу, он у нас крепкий мальчонка, в деда пошел и любит возиться с починкой, а младший пока еще мал, но говорит, что станет великим бардом и пойдет по всем странам со своими песнями. Так оно может и будет, да только пока он еще ни одной песни толком не знает, — посмеиваясь сказала Кайла.

–А я собиралась стать магом, когда мне было пять. Хотела изучать старые книги, гадать по звездам и научиться разжигать костер, щелкнув пальцами. Только потом узнала, что способности к магии есть не у всех, а гадание по звездам и книги — это, пожалуй, самая легкая часть работы, — поделилась с ней Мелезия.

Королева поддалась ностальгии по собственному детству, и тень теплых воспоминаний озарила ее лицо. Кажется она хотела еще что-то спросить у Кайлы, но тут в покои вошла Дорета, фрейлина, которая эту неделю должна была ночевать в покоях королевы. Она была на пару лет старше Кайлы, отличалась изрядным высокомерием, и, к досаде и зависти самой Кайлы, какой-то картинной красотой. «Волосы, что спелые пшеничные ко-

лосья на солнечном свету, глаза синие, будто летнее небо, а сердце холодное, как у каменной девы гор» — так однажды сказал о фрейлине поэт, проездом живший в замке несколько недель.

Дорета была дочерью герцога, у нее было все то, о чем Кайла не могла даже мечтать — красота, богатство и жених, тоже герцогского рода, — Родди. Конечно у нее были причины быть гордой, но Кайла то прекрасно помнила, как осенью этот самый женишок приезжал на праздник урожая и привез своей невесте в подарок обережный кулон с символами духов. Кулон был довольно простой, с полудрагоценными камнями, но парню он достался от покойной матери, а потому был ему дорог. Дорета же, обидевшись на такой скромный подарок, швырнула его жениху в лицо и заявила, что она достойна не серебра, а золота, и он позорит себя и ее таким простецким даром. Парень вспылил и сказал, что раз кулон не нужен ей, то он отдаст его любой служанке, та будет рада подарку, который недостоин такой важной девицы как Дорета. Он попытался всучить кулон находившейся поблизости Кайле, но та, понимая, что ее потом сживут со свету, насилу отбилась от настойчивых уговоров Родди. Тот ушел раздосадованный, а Дорета после этого проревела добрых полчаса, и Кайле пришлось нести холодную воду из колодца, чтобы она могла освежить опухшее от слез лицо.

После этого был праздничный ужин и танцы, где жених Дореты много пил и вытаскивал танцевать всех попадавшихся ему на глаза женщин, не глядя, кто перед ним, служанка или знатная дама. Среди прочих он приметил и Кайлу. Когда служанка с разрешения королевы отправилась спать, Родди подкараулил ее в полутемном коридоре и попытался утащить под лестницу. Духи знают, чем бы все закончилось, ведь пусть и пьяный, но Родди был гораздо сильнее девушки. Однако тут ей повезло: из зала как раз вышли придворный маг и один из стражников. Старик пристыдил парня и велел стражнику оттащить его от испуганной Кайлы, поняв по выражению ее лица, что она вовсе не по своему желанию оказалась в объятиях герцогского сына. Старый маг

велел стражнику найти слугу молодого господина, чтобы тот уложил парня спать, а сам проводил девушку до дверей королевских покоев, велел быть осторожнее и ушел раньше, чем потрясенная Кайла успела его поблагодарить.

На другое утро Дорете уже донесли, что ее жених тискался с Кайлой под лестницей, та молча влепила девушке пощечину, пока королевы не было рядом, и с тех пор питала к ней глухую вражду. С женихом она помирилась, тот пытался загладить вину, пообещав привезти невесте другой оберег, уже из белого золота, и уехал, а Кайла осталась, представляя, как ее будет изводить герцогская дочка. Однако итоге красавица Дорета решила попросту не замечать служанку, чему Кайла была несказанно рада.

Дорета поклонилась королеве, и посмотрела на Кайлу с высокомерием и пренебрежением, ожидая когда та уйдет к себе. Девушка быстро откланялась, пожелав ее величеству и госпоже Дорете доброго сна, и поспешно скрылась за дверями гардеробной.

Закрыв за собой дверь, Кайла вздохнула с облегчением, умылась из маленького тазика, съела булочку, запив ее легким яблочным сидром, и начала раздеваться. Оставшись в одной ночной рубашке она подошла к большому мутному зеркалу во весь рост, которое королева редко использовала, а потому хранила в углу гардеробной. Девушка стянула рубашку через голову и, поставив свечу у зеркала на пол, начала с любопытством рассматривать себя. Не считая того случая с пьяным Родди, она замечала, что парни давно уже на нее заглядываются. Да, она не была такой красивой и ладной как Дорета, но, пожалуй, тоже недурна собой. В старом зеркале отражалось крепенькое, но не слишком полное тело с приятным изгибом талии и круглая высокая. Если у Дореты была красота, похожая не летние теплые дни, мягкая и яркая, то Кайла, сравнивая себя с ней, думала, что наверное больше напоминает зиму. Светлые волосы ее, по цвету были ближе к белым, а от голубых глаз и белой кожи веяло холодком. А ей так хотелось, чтобы и про нее когда-нибудь сказали, будто она прекрасна, как теплый летний денек, но куда уж

там. Природа дала ей слишком много холодных красок. По мнению Кайлы зима приносила только смерть, тоску да ледяной ветер. И кто же после этого полюбит зиму? Девушка поежилась, надела рубашку и полезла в постель, благодарно вытянув ноги и прижав ступни к теплому камню, который заранее положила в свою постель.

Кайла лежала, пытаясь уснуть, но ум ее был растревожен. Мысли вернулись к тому вечеру, когда перебравший вина Родди приставал к ней в коридоре, и, несмотря на тепло, идущее от камня, по телу пробежали холодные мурашки отвращения. Мужчины пытались порой познакомиться с ней поближе, но мать всегда говорила ей не спешить и не позволять никому лишнего до свадебной ночи. Правда, девушка и сама не торопилась, хоть юность и требовала своего. Ей хотелось, чтобы и у нее был кто-то, с кем можно сбегать и танцевать подле костров в ночь середины лета, с кем можно целоваться, спрятавшись за раскидистый куст сирени в саду, но пока девушке никак не везло.

Живя в замке уже два года, она видела, как развиваются отношения, от осторожных пожатий руки в полумраке трапезной до духова камня и благословений, но также видела и другое — тайные свидания на чердаке, а потом заплаканная девушка с животом уезжала к матери в деревню, а оттуда возвращалась лишь после рождения ребенка, если за ней сохраняли место. Детей, рожденных вне брака, называли обычно духовым племенем и часто помещали на воспитание сиротские дома, либо отдавали в семьи кузнецов, пекарей и прочих работников, где ребенок мог бы выучиться какому-нибудь ремеслу. Иногда матери оставляли их при себе, поскольку внебрачные отношения и дети, рожденные в результате таких связей, порицались, но не считались совсем уж большим позором.

Кайла слышала, как служанки болтали на кухне, будто в прежние времена таких детей просто относили в лес, к озеру или в горы, да там и оставляли. Считалось, что духи нашептали человеку и сбили его с пути, соблазнили на дурное, а раз ребе-

нок родился по наущению духов, то им и надо его отдать, чтобы задобрить их и заодно избавить семью от духова отродья.

Девушке сложно было поверить, что когда-то и правда существовали такие жестокие обычаи, и нынешние порядки ей нравились куда больше, хотя в душе она не одобряла отношений до брачного обряда.

«Будет ли и у меня когда-нибудь муж и ребенок? А то на приданое наберется, а толку, если не будет никого, кто захотел бы женится на мне? Конечно, если бы я была дочкой герцога да с приданым, много бы кто уже сватался, но у матери нет ничего, чтобы дать за мной» — тоскливо подумала девушка, ворочаясь на скамье. С этими тревожными мыслями она и заснула, и видела во сне плачущих младенцев, к которым тянулись призрачные руки с неестественно длинными пальцами. Рядом стояла Дорета со своим женихом, и оба они насмехались, глядя на то, как девушка в ужасе пытается сдвинуться с места, чтобы отогнать злых духов от детей. Лишь под утро тяжелые видения ушли, оставив в душе Кайлы неприятный осадок на весь оставшийся день.

6

Утро в замке выдалось хлопотным, слуги готовились к показательным поединкам во дворе: расставляли скамьи для зрителей и накрывали столы для закусок. Стражники принесли из оружейной тупые мечи, и приготовили бадью с песком, чтобы засыпать кровь, если кого-нибудь все-таки ранят. Слуга и помощник придворного мага уже был здесь и глазел на приготовления с крытой галереи второго этажа вместе с другими свободными слугами.

Когда начали прибывать зрители, то все они быстро ретировались и устроились кто где, чтобы лишний раз не попадаться на глаза, но все-таки видеть со своего места, как будут выбирать мастера меча.

Претенденты на место уже давно явились и каждый готовился к показательному испытанию так, как считал нужным. Кто-то проверял хорошо ли сидит кожаный нагрудник, примеривался к выбранному мечу из оружейной, кто-то, уверенный в своих силах, строил глазки служанкам, которые смеясь и краснея, бегали из кухни с подносами. Сами бои должны были пройти без серьезных ранений, поскольку участникам велено было лишь продемонстрировать свои навыки и технику боя, не нанося противникам увечий. Потому-то все они надели лишь защиту из дубленой кожи, а не плетеные кольчужные рубашки. Мужчинам было предложено использовать обычный одноручный меч и драться пешими. Время поединка решено было ограничить пятью минатами, отмерять которые должны были маленькие песочные часы.

К полудню все скамьи уже были заняты. Ожидали лишь королеву с сыном и советников. Наконец, все они явились, и королева Мелезия заняла место на возвышении. Она сидела на небольшом деревянном троне, совсем простом и довольно старом, а наследный принц устроился рядом с матерью на троне

поменьше. Темноволосый, зеленоглазый, Ритгард очень походил на свою мать, но если она была спокойна и невозмутима, то лицо принца довольно живо выражало все его чувства, и сейчас на нем явно читалось волнение и предвкушение грядущих поединков.

Уровнем ниже расположились ровесники принца из знатных семей, призванные составить мальчику компанию в учебе и играх. На остальных скамьях сидели советники королевы: полный, вечно потеющий Балвин, старый седой маг Лотиус, советник по переговорам лорд Роймас, высокий и довольно худой мужчина, чьи темные глаза внимательно следили за происходящим, а также военный советник Кордин, который своим выдающимся носом напоминал профиль старого орла. За королевским троном стояли четыре девицы, фрейлины королевы, а в самом низу расположились остальные знатные господа и дамы, прибывшие в замок, чтобы своими глазами увидеть показательные бои. Слуги же толпились у узких окошечек, выходящих во двор, и выглядывали из дверей, кое-кто осмелился выйти на галерею.

По знаку королевы испытания начались. Поскольку участников было пятеро, и одному не досталось противника, один из стражников вызвался драться тоже. Претенденты вытянули свои жребии, и пары противников наконец определились. Первыми должны были показать свои умения пожилой мускулистый воин и молодой мужчина с лицом, очень напоминавшим лисью мордочку, хитроватым и усыпанным веснушками. Это был один из тех, что заигрывал со служанками. Он прибыл из соседней провинции, где успешно обучал двоих сыновей герцога на протяжении четырех лет, хотя его худощавое тело казалось совсем неподходящим для мечника. Пожилой же был более коренастым, он еще вполне крепко стоял на ногах и явно повидал лиха, о чем говорил его недобрый взгляд и широкий шрам на виске.

Раздался короткий призывный звук рожка, и поединок начался. Старый воин активно наступал, используя свой меч как двуручный, а молодой мягко уклонялся, но затем внезапно тоже

пошел в атаку. Поскольку целью было показать свои навыки и, по возможности, обезоружить противника, а не ранить или убить, оба осторожничали. Но время шло, и вот в череде ударов, хоть и бескровных, но довольно неприятных, молодой мужчина с помощью ловкой подножки уронил старика на каменные плиты, приставил кончик тупого меча к его горлу, и первый поединок был закончен. Похожий на лиса воин стоял кланяясь и улыбаясь, лицо его было блестело от пота, а старик уже поднялся и, с ворчанием и бранью, пошел в тень, к скамье, где дожидались своей очереди остальные.

Зрители возбужденно хлопали и выкрикивали слова одобрения победителю. Юный принц даже привстал с места, чтобы получше разглядеть молодого воина, глаза его горели. Королева улыбнулась победителю и кивком велела вызвать следующую пару. Она заметила, что сын взволнован зрелищем и мягко положила свою ладонь поверх его руки, призывая быть более сдержанным. Мальчик, не слишком довольный жестом матери, все же подчинился и уселся обратно на тяжелый деревянный трон.

Настал черед следующей пары противников. Теперь в центр двора вышел высокий мужчина с темными вьющимися волосами и смуглой загорелой кожей, явно говорившей о том, что ему много приходилось бывать под открытым небом. Под его кожаными доспехами угадывались сильные мышцы, выглядел он спокойным и собранным, будто вовсе не замечал зрителей. Грубые, рубленые черты его лица делали мужчину похожим на вытесанное из камня изваяние какого-нибудь древнего воителя, только чуть кривоватый нос, как видно поломанный когда-то в схватке, немного портил картину. Едва появившись, он тотчас привлек всеобщее внимание, а когда ярко-синие, с изящным разрезом, глаза пробежались по людям на скамьях, все дамы, и фрейлины, и простые служанки, затаили дыхание. Наверное таким и был знаменитый герой народных сказаний Элендейл, «столь прекрасный, сильный и благородный, что не было и не будет равных ему на земле». Разница заключа-

лась лишь в том, что Элендейл по преданиям имел светлые волосы, а не темные.

Ему должен был противостоять явно бандитского вида противник, довольно крупный и высокий блондин. У последнего были коротко стриженые светлые волосы и кривоватая ухмылка. Когда блондин улыбался, было заметно, что у него не хватает половинки переднего зуба. Эта пара соперников была настолько контрастной, что привлекла куда больше внимания, чем первая. Девушки сразу избрали любимчиком темноволосого, и теперь оторвать их от зрелища было невозможно. Глашатай сообщил имена выступающих, и принц, услышав «Энарин, сын Рольфуса», подался вперед, сосредоточив все внимание на первом претенденте.

По сигналу противники начали бой. Оба держали мечи в одной руке и сразу пошли в атаку. Несмотря на то, что сражающиеся были почти одного роста и сложения, поначалу блондин одерживал верх, заставляя соперника отступать, но затем тот, хитро вывернулся, перехватил свободной рукой запястье противника, и, вывернув его руку назад, заставил своего противника скорчиться от боли. Блондин потерял равновесие и упал на колени, наконечник меча Энарина упирался ему в шею. Если бы меч был острым, а поединок настоящим, то несомненно светловолосый воин уже лежал бы на земле с перерезанным горлом. Поединок закончился. Темноволосый отпустил руку противника и помог ему подняться. Тот нехотя, но принял помощь, судя по всему он зашиб колено, неудачно приземлившись во время боя. Блондин поднялся, сплюнул на землю, и прихрамывая пошел к скамьям, его противник последовал за ним.

После этой яркой и короткой схватки, очередь дошла и последней пары. Вперед выступил мужчина лет двадцати пяти, среднего роста, очень крепкий на вид, длинные черные волосы его были зачесаны назад, собраны и подвязаны простым кожаным шнурком. Он вышел уверенно, легко поигрывая тупым мечом. Ему противостоял молодой стражник из караульного отряда, который снял кольчугу, дабы уравнять шансы.

Сигнал рожка вновь ознаменовал начало боя. Соперники кружили по двору, не решаясь идти в атаку, но время шло, и стражник наконец взмахнул мечом. Его противник отразил рубящий удар, однако потерял равновесие и чуть было не упал. Резко наклонив корпус вперед, он выровнялся и тут же получил толчок в грудь, после чего стражник легко выбил меч из его рук. Этот поединок тоже окончился раньше времени. Стражник пожал руку сопернику и отошел к своим, пожимая плечами, он принялся что-то объяснять сослуживцам. Очевидно, что последний претендент был самоучкой, поэтому тренированный в замке стражник и смог одолеть его безо всякого труда.

Снова затрубили в рожок, и королева встала. Все участники уже вышли на место боя и стояли теперь перед зрителями. Королева Мелезия обратилась к претендентам на место мастера меча, голос ее звонко и приветливо зазвучал в воцарившейся тишине.

–Благодарю вас, доблестные воины, за демонстрацию ваших умений! Редко мы имеем возможность устраивать турниры, увы, но тем ценнее для нас будут воспоминания о сегодняшнем дне. Сегодня все вы можете остаться в замке и отдохнуть. Победитель будет объявлен завтра утром, и тем же вечером мы устроим небольшой праздник, и все вы, участники состязаний, приглашены на него. Дабы горечь поражения не таилась в ваших сердцах, те, кому повезло меньше, получат по пять золотых, и, возможно кто-то из благородных господ захочет взять вас учить своих сыновей. А сейчас прошу вас за столы, отдохните и поешьте, слуги покажут вам ваши комнаты на эту ночь.

Подданные захлопали королеве, а претенденты поклонились и направились к столам, где уже разливали вино по кубкам кухонные служанки. Лица у воинов просветлели. Никто не ожидал такого щедрого дара, тем более для проигравших. На пять золотых можно купить хорошую крепкую лошадь, да еще и на пару месяцев сытой жизни останется. Тем временем королева удалилась вместе с фрейлинами и советниками. Остальные разошлись, по своим делам: кто-то подсел за стол к бойцам, кто-

то остался обсудить поединки и свежие замковые сплетни. За столом загудели голоса и негромкий смех, кое-кто из знатных господ уже послал слуг к участникам состязания, чтобы обсудить возможный гонорар за обучение своих сыновей. Юный принц, пользуясь суетой, тихонько сделал знак помощнику мага, и двинулся в сторону голубятни.

***

–Итак вас двое против двух: кесский стражник или мастер меча, который учил сыновей наместника? Пока я склоняюсь к тому, чтобы выбрать второго. Все же у него есть опыт в обучении детей, — задумчиво сказала королева Мелезия, подперев голову рукой.

Конечно право окончательного решения всегда оставалось за ней, но сейчас был тот случай, когда она действительно хотела получить совет. Мелезия не слишком-то разбиралась в тонкостях боя, а вот ее советники, по крайней мере двое из них, мечами владели прекрасно. За столом, по обе стороны от королевы сидели Балвин, Лотиус, Кордин и Роймас, и все они почтительно кивнули, соглашаясь со своей госпожой.

–Хорошо ли вы подумали, ваше величество? — спросил старый маг, которому такой дерзкий вопрос сходил с рук, поскольку он знал королеву с детских лет. -В защиту своего выбора скажу, что Энарин, сын Рольфуса, имел дело с реальными опасностями и участвовал в настоящих боях, а не в постановках во дворе с деревянными мечами. Разве это не лучший выбор для обучения юного принца?

Герцог Роймас нервно пожал плечами, он считал, что караванному стражнику нечего делать в замке. И к чему принцу уметь в его возрасте драться по-настоящему? Войны не предвидится, уже долгие десятилетия держится крепкий мир с Кессом и Номией, а владеть мечом идеально никто от короля требовать не станет, хватит и основных навыков. Все эти доводы он уже высказал собравшимся. Герцог рассчитывал, что Балвин будет на его стороне, хоть и не особо уважал этого выходца из низов, дослужившегося до торгового советника, не в последнюю оче-

редь благодаря своей купеческой хватке. Однако Балвин не оправдал его ожиданий, по какой-то причине в этот раз согласившись с придворным магом.

Роймас задумался, а потом вспомнил, что сын Тедара Балвина, пухлый светловолосый Вейс, живет сейчас при дворе, среди мальчиков, зачисленных в компаньоны юному принцу. Он хмыкнул, решив, что хитрый купец действительно впечатлился навыками охранника караванов и наверняка надеялся уговорить того, чтобы он давал уроки и его сыночку. Вот оно приземленное мышление выходца из низов, везде ищущего свою выгоду. С другой стороны, чего еще ждать от торгового советника, чьей главной обязанностью были выгодные сделки и присмотр за королевской казной?

Военный советник, герцог Кордин, сидел в раздумьях. Он тоже выступал за ловкого молодца из первой пары, посчитав, что для будущего короля тот будет лучшим наставником. А еще Кордину совсем не понравилось, как смотрела на охранника из Кесса его дочка, сидевшая среди гостей. Ведь ей через полгода идти в придворные дамы королевы, когда Дорета Локвуд закончит службу и уедет в замок своего мужа. «Больно красивый для двора, всех девок перепортит, а моя дурочка еще, духи упаси, вздумает влюбиться в него. У этих девиц ума ни на грош» — мрачно думал пожилой вояка, совершенно забыв, как в него самого, тогда еще совсем молодого воина, влюбилась на турнире будущая жена.

Пока королева раздумывала над аргументами советников, дверь приоткрылась и в зал вошел принц Ритгард. Он поклонился матери, кивнул советникам, и встал перед столом так, чтобы все его видели.

–Ритгард, зачем ты здесь? — обратилась к сыну удивленная королева.

–Матушка, вы уже приняли решение? — спросил он осторожно.

–Еще нет, но в любом случае это решение ты, сын, узнаешь первым, обещаю тебе.

Она хотела было отослать мальчика, но тот решительно подошел еще ближе и, глядя матери прямо в глаза, произнес:

–Я хочу, чтобы меня учил господин Энарин.

–Ритгард! Ты еще мал, чтобы принимать подобные решения. Совет и я сами выберем достойнейшего, — королева была озадачена, ведь обычно принц был довольно покладист и в свое время спокойно отнесся к назначению Лотиуса его наставником по наукам.

–Я и говорю о достойнейшем! Он настоящий боец, и я хочу учиться у него! Ты всегда говоришь, что я еще мал, но раз я уже достаточно большой, чтобы учиться драться, значит, я достаточно большой, чтобы решать, кто будет меня этому учить! — на одном дыхании выпалил мальчик.

Было заметно, как сложно ему противостоять матери и советникам, но он старался твердо стоять на своем, хотя выразительное лицо мальчика и выдавало его волнение с головой. Старый маг усмехнулся в бороду, наблюдая за принцем. Рано или поздно мальчик бы начал проявлять характер, а королева и впрямь слишком долго держала его за маленького ребенка.

Принц обвел собравшихся решительным взглядом и увидел, что советники одобрительно, но почти незаметно заулыбались его бунтарскому настрою. Королева была с легком замешательстве и не знала, как реагировать на заявление сына. Ей на помощь пришел Лотиус, он негромко прокашлялся и сказал, обращаясь к королеве:

–Ваше величество, возможно стоит дать принцу право выбора. Он привел разумный довод. Мне видится, что его голос тоже важен.

Кое-кто из советников кивнул, поддерживая мага. Королева Мелезия задумалась.

–Ритгард, ты действительно считаешь, что господин Энарин будет для тебя лучшим учителем, чем господин Лэммит? — наконец обратилась она к сыну, пристально глядя на него, а потом быстро переглянулась с Лотиусом, как бы еще раз спрашивая, верно ли поступает.

Старик выразил свое одобрение, на секунду прикрыв глаза. Мальчик растет, и пора ему учиться высказывать свое мнение, а королеве пора учиться считаться с ним и понять, что принц не будет вечно цепляться за ее юбку, ведь когда-нибудь он станет правителем. А разве стране нужен слабовольный король, который не умеет принимать решения и брать на себя ответственность перед своим народом? Такие умения не появляются в одночасье, и старый маг уже не раз обсуждал это с королевой. Как видно Мелезия сейчас думала о том же. Она со вздохом посмотрела на сына, ожидая ответа на свой вопрос.

Принц Ритгард немного смутился от прикованных к нему взглядов, но глядел упрямо и постарался, чтобы голос его звучал твердо.

–Да, матушка.

Было заметно, что мальчик волнуется, он крепко сжал кулаки и в напряжении ожидал решения матери. Принц боялся, что его не воспримут всерьез, потому что уже не раз сталкивался с отговоркой «Ты еще ребенок». Но на этот раз он был готов рискнуть, ведь речь шла не только о нем, но и о мечте и будущем его лучшего друга.

–Хорошо, Ритгард. Ты получишь того наставника, которого хочешь, но лишь потому, что он был одним из лучших. Господин Балвин, будьте любезны, отправьте слугу к мастеру Энарину с хорошей новостью, не забудьте и вознаграждение для всех участников. Раз решение уже принято, праздник можно провести и сегодня. Мастер Лотиус, с вами мне нужно еще кое о чем переговорить. Ритгард, отправляйся к себе и помни, что ты сам сделал выбор, потом не жалуйся и не проси поменять наставника.

Советники, видя, что дело решено, встали, поклонились и торопливо двинулись к выходу. Рассчитывали, что праздник будет завтра, однако теперь, раз королева велела перенести его на нынешний вечер, нужно было поскорее закончить насущные дела. Королева устало кивнула уходящим, нежно провела рукой по темным волосам сына и улыбнулась ему. Ритгард, едва сдер-

живая радость и волнение, порывисто обнял мать, поцеловал ее в щеку и вышел вслед за советниками.

Оказавшись в коридоре, юный принц терпеливо дождался, когда советники отойдут достаточно далеко и скроются за углом, а затем сорвался с места и резво помчался к лестнице, ведущей на чердак. Принц был вдохновлен собственным поступком и приятным чувством одержанной победы, наконец-то его перестали считать маленьким ребенком. Сегодня Ритгард не обращал внимания на глаза, следящие за ним с портретов в полумраке галереи. У него была чудесная новость, которой нужно было срочно поделиться с Коррином, и ничто не могло омрачить это.

7

Полгода пролетели незаметно. Весна сменилась жарким летом, за ним последовала богатая на урожай осень. Привычную за лето зелень листвы разбавили сочные желтые, яркие багряные и нежные янтарные цвета. Осень стояла долгая, теплая, и даже под конец октября выдавались ясные солнечные деньки, приятные и никак не предвещавшие скорого снега. Причудливо окрашенные леса долго радовали глаз, медленно и почти незаметно расставаясь с листвой. Однако зиме удалось обмануть людей на этот раз. Она пришла внезапно, за одну ночь изменив облик столицы и прилегающих к ней земель. Обильный снегопад за ночь превратил луга с пожухлой травой в чистые белые полотна, на которых тут же появились следы мелких зверушек. Люди дивились и радовались первому снегу, словно чуду, забывая, что пару месяцев спустя уже будут с нетерпением ждать, когда он растает, и весна снова войдет в свои права. Из сундуков извлекалась теплая одежда, и все дети, независимо от того были они из знатных семей или из самых простых, начинали считать дни до Зимостоя, главного зимнего праздника в Йельмере.

Замок стоял, покрытый плотным слоем снега, уже целый месяц. Приближался праздник Зимостоя — самой долгой ночи и самого короткого дня в году. День этот знаменовал в Йельмере наступление середины зимы. В праздник Зимостоя принято было благодарить духов за обильные снега, которые растаяв напитают луга и поля по весне, за то, что жилище обошли стороной болезни и голод. Если же зима выдавалась суровой, портился урожай, или же, что хуже всего, шло моровое поветрие, то полагалось умилостивить духов подношениями.

Обычно дары оставляли в главном святилище города, просторном деревянном здании с островерхой крышей, клали

на врытый в землю большой камень с выбитым в нем небольшим углублением. Пол в святилищах, как правило, был каменным, либо просто земляным, если святилище находилось в небольшой деревушке. В совсем маленьких селениях духов камень вообще устанавливали под открытым небом, обычно недалеко от домов, где-нибудь на возвышенности. Жрецом временно назначался тот из жителей, кого большинство считало достойным, либо деревенский староста. В давние времена духовы камни вообще ставили только в лесах, у рек или в подножии гор, но городские жители, которым недосуг было каждый праздник выезжать далеко от дома, постепенно начали устанавливать камни возле селений, а затем и вовсе решили строить небольшие святилища прямо на территории городов и деревень.

Жители Йельмера готовились к празднику загодя, поскольку Зимостой был еще и началом, как в народе говорили, ленивой недели. Ленивая неделя была посвящена отдыху и развлечениям, призванным поддержать в людях хорошее настроение и подбодрить среди зимних холодов. Обычно, после подношения духам, в Зимостой принято было навещать друзей и родственников, печь особый праздничный пирог с почками и сушеной ягодой, и проводить вечера, играя в шашки и смакуя грушевую наливку, которую хозяйки заготавливали к празднику еще с осени. Молодежь и дети устраивали игры в снежки и строили снежные крепости. Все это сопровождалось веселыми песенками, в которых певцы просили духов послать возлюбленного или возлюбленную, чтобы согреется поцелуями этой зимой. В ленивую неделю старались хлопотать по хозяйству как можно меньше. Все, что можно, делалось заранее, до праздника, а потом, после гуляний и застолья, родители усаживались с детьми у очага и рассказывали сказки, предания и разные увлекательные истории.

Зимостой и ленивая неделя были не только временем празднования и почитания духов, но также и временем, когда к духам можно было обращаться с вопросами, в том числе о будущем. Спрашивали о своих заботах и молодые матери, и неза-

мужние девушки, и больные старики, и отчаянно влюбленные парни, любой мог обратиться к духам с подношением и своей бедой.

Для этого полагалось самому сделать булочку или крендель, испечь, положить в мешочек у изголовья кровати и загадать желание или задать вопрос. И той же ночью, если духи пожелают, то пошлют человеку сон, который и даст ответ, сбудется загаданное или нет. Поутру нужно было отнести гадальное угощение и оставить его на духовом камне или отдать бедному человеку. Так духи принимали плату за ответы.

В этом году Кайла решила вместе с другими служанками попытать счастья, напечь кренделей и загадать себе вещий сон. Она присоединилась к возбужденно болтающим девицам, которых ворчливая кухарка Иза подпустила к печи лишь поздней ночью накануне Зимостоя, ведь весь день печка была занята, столько нужно было наготовить к празднику. Девушки накрутили булочки и кренделя, кто как умел, запомнили или пометили свои, а затем поставили в тепло, чтобы тесто как следует поднялось. Каждый коротал время ожидания по-своему: одна принесла штопку, чтобы не терять времени зря, другая достала шашки, кое-кто обсуждал новости и сплетни.

Кайла какое-то время сидела молча, пытаясь заняться вышивкой, однако глаза у нее слипались, и дело шло плохо. Но когда кто-то из девиц произнес имя господина Энарина, сон у девушки сняло как рукой, и она внимательно прислушалась. Девушки хихикали и задавались вопросом, кто же приглянулся новому наставнику принца. И как быстро его здесь окрутит какая-нибудь ушлая девица, ведь не может же такой видный мужчина долго оставаться в окружении молодых девушек и не поддаться чарам одной из них. Энарин пробыл при дворе уже полгода и все еще был главной темой разговоров среди всей прислуги женского пола.

У Кайлы кольнуло сердце, она, как и многие другие, грезила порой о том, как господин Энарин спасает ее от рук разбойников, говорит, что давно влюблен в нее и предлагает выйти

за него замуж. Правда, когда об этом же начали болтать другие девушки, она почувствовала себя крайне глупо. Значит не она одна предается подобным фантазиями? А раз так, то может быть у нее и ума не больше, чем у этих девиц, только и знающих, что кокетничать с мужчинами да выбирать в лавке новые ленты.

Она уже почти передумала гадать, но любопытство все же пересилило. «Я просто попрошу духов показать мне, встречу ли я суженого в этом году, не буду ничего спрашивать про него» — решила девушка, все еще немного уязвленная тем, что другие тоже мечтают о господине Энарине. Но чему уж тут удивляться, если он будто оживший Элендейл? Кайла задумалась, нравился бы он всем им так, если бы не был столь хорош собой. Наверное нет, а чем тогда она лучше этих девиц, если мечтаю о нем только из-за красивого лица? «Но я знаю, что он взял в ученики Коррина, и тот говорит, что господин Энарин очень хорошо к нему относится, значит, у него кроме красоты есть еще и доброе сердце» — попыталась как-то оправдать она себя в собственных мыслях.

Однако подобные размышления не были свойственны простой натуре девушки и быстро утомили ее. Она решительно отогнала их, тем более появилось занятие поинтереснее — другие служанки принялись рассказывать истории о том, как девушкам посчастливилось выпросить у духов сны о женихах.

–Мать говорила, что попросила духов послать ей сон о суженом, так приснился ей рыжий да с бородищей длинной, а она таких даже не видала в своей деревне ни разу. Расплакалась даже поутру, что духи посмеялись, а потом по весне с отцом и соседями поехала на ярмарку в город, и там познакомила ее соседка с племянником. Приглянулись друг другу да так, что на осень уже свадьбу назначили. Она только после уж вспомнила про свой сон, а муженек то, отец мой, вот он — рыжий да и бороду отрастил, как женился.

–А у меня бабка так деда увидела. Спрашивала, говорит, духов лет с пятнадцати, и все пустые сны, хоть ухажеры то у нее и бывали. Ей уж больше двадцати было, все работала

после смерти матери, некогда было о себе думать, а тут подружки уговорили, мол, загадай. Она и загадала, хоть и не надеялась уже, ну а он возьми да приснись. Потом вдовец ее начал обхаживать, прям как из того сна, за него и вышла.

Кайлу немного подбодрили эти истории, и она понадеялась, что на этот раз сон не будет пустым, как в прошлые годы. Девушки поставили булочки в печку и принялись шутить, гадая, кому из них какой жених приснится. Они, казалось, не воспринимали обращение к духам очень уж серьезно, и Кайла, для которой традиционное гадание всегда было важной частью праздника, подумала, что, быть может, ей стоит взять с них пример и поменьше тревожиться. В конце концов она не хуже любой другой девицы, а замуж всяких берут.

Когда выпечка была готова, и по кухне поплыл аромат свежей сдобы, девушки, обжигая пальцы и с трудом удерживаясь, чтоб не отщипнуть кусочек, расхватали булочки и разошлись по своим комнатам.

Кайла бесшумно прошла в гардеробную королевы. Стараясь не разбудить госпожу, она сняла башмаки еще за дверью в покои, и ноги ее уже начали замерзать, несмотря на ковры на полу. Девушка быстро разделась и залезла в холодную постель, положив в изголовье завернутую в чистую тряпицу булку и попросила духов о вещем сне. «Встречу ли я в этом году своего суженого?» — мысленно обратилась она к ним, сжимая в руке простую медную пластинку с нарисованными эмалью разноцветными кружками — символами стихий.

Когда сон наконец пришел к ней, Кайла увидела, что стоит на берегу большого озера. Вокруг стояла темнота, каменистый берег был неприветлив, пуст и гол. Девушка подошла к самой воде и присела, чтобы взглянуть на отражение, но черные глубины испугали ее, и она в нерешительности остановилась на полпути. Вода была гладкой, ее не тревожило ни дуновение ветра, ни движение плавающих в глубине рыб. Кайла все медлила, и, лишь когда из-за облаков появи-

лась округлая белая луна, а поверхность озера заиграла холодными бликами, она решилась и подошла к самому краю берега.

В воде девушка увидела собственное лицо, только какое-то неестественно красивое. Губы ярче, глаза насыщенного синего цвета, на светлых волосах венок из разномастных полевых цветов и колосков пшеницы, перевитый узкой голубой ленточкой. За этим видением последовало другое: из темных глубин озерной воды всплыли шесть маленьких кувшинок. Ей почему-то захотелось прикоснуться к нежным бледным бутонам, пальцы потянулись к ним, но тут кувшинки одна за другой опустились обратно в воду. Темная гладь озера очистилась, и лунные блики вновь заиграли на его поверхности.

Наутро, любуясь зависающими в воздухе хлопьями снега сквозь оконце в гардеробной, Кайла подумала, что сегодня ей обязательно нужно купить голубую ленту, такую же, как была во сне. Она спрятала гадальную булочку в сумку, чтобы по пути оставить ее на духовом камне, а потом пошла будить королеву, напевая про себя веселую песенку.

***

Ритгард очень любил Зимостой, ему позволялось отдыхать от своих занятий и участвовать в разных народных развлечениях. В ленивую неделю мать проводила с ним больше времени, да и он был волен бегать по замку вволю и бездельничать, сколько душе угодно. Еще можно было вдоволь наедаться сладких пирогов и булочек, которые в замке пекли в таком количестве, что хватило бы на добрую сотню гостей.

Так и сегодня он ходил по крепостной стене, дожидаясь, когда старый маг отпустит Коррина и можно будет пойти вместе с ним и Энарином на ярмарку. Мать позволила ему выйти в город, только если с ними пойдут еще двое стражников, хотя Ритгард, в силу возраста, еще не понимал, к чему такие хлопоты. Городские жители всегда дружелюбно относились к маленькому принцу и ласково улыбались ему, когда он заходил в их лавки или просто проезжал мимо.

День выдался чудесным, теплым и безветренным. Ритгард смотрел на медленно летящие хлопья снега. Тяжелые, липкие и крупные, они словно бы никуда не спешили и двигались, подчиняясь только собственной прихоти. Мальчик стоял на замковой стене, закутанный в толстый зимний плащ с капюшоном. Меховая оторочка нежно касалась его щек и цепляла на себя колючие снежинки. Снегопад делал все вокруг таким волшебным, что Ритгарду казалось, будто он незаметно перешагнул какую-то границу и попал в совершенно другой, сказочный мир. Бесшумные и легкие вихри снежных хлопьев напомнили ему сказку о незадачливом мальчишке, решившем поймать лошадь Господина Снега. Сказку эту давным-давно рассказала ему няня. Ритгард словно наяву услышал ласковый тихий голос старой Веммы и треск дров в большом древнем камине, возле которого она так любила сидеть вечерами.

В маленькой деревушке подле гор жил мальчик по имени Этби. Смышлен он был не по годам и любопытен больше других детей. Однажды, в такой же зимний день, когда с неба частой россыпью падал снег, Этби спросил у матери, откуда этот снег берется. И мать усадила Этби у огня и рассказала ему вот что:

«Когда наступает зима, то с первым морозным дыханием просыпается в своей горной пещере Господин Снег. Волосы его светлые, будто перышки голубки, кожа его бледная и холодная, словно гладь застывшего зимнего озера. Он встряхивает свой белый плащ, подбитый мехом горностая-беляка, и маленькие ледяные искорки сыпятся с одежды на каменный пол. Затем Господин Снег выходит из пещеры, встает над краем пропасти среди заснеженных шапок гор Бельта, долго всматривается вдаль своими лишенными цвета глазами, дует на раскрытую ладонь, и с его холодных бледных губ сыпется колючая снежная пыль. Эту пыль подхватывает вездесущий горный ветер, начинает вертеться воронкой и, несколько мгновений спустя, из вереницы снежинок вырастает чудесная белая лошадь, краше которой не сыскать во всем свете. Господин Снег садится на нее, и лошадь скачет к самой высокой горной вершине, взбегает на нее,

отталкивается своими снежными копытами и прыгает прямо на небо. Господин Снег несется по небу на своем белом скакуне, знаменуя начало зимы. Из-под копыт снежной лошади сыплется снег, и начинается метель, если же лошадь замедляет ход, то и снег начинает сыпаться неспешно и лениво, завихряясь и игриво кружась в воздухе. Достигнув середины неба, Господин Снег снимает со своей холодной руки белую перчатку и снова дует на ладонь. Так он призывает целый табун снежных скакунов и отправляет их гулять по всему свету, застилать мир белым покрывалом зимы. Говорят, что иногда снежные лошади спускаются ближе к земле, и, если показать им блестящую серебряную монетку, то они подумают будто это кусочек луны, упавший с неба, и подойдут к человеку. А если человек сможет погладить снежную лошадь, то его ждет удача, жить он будет, не зная бед и лишений». Вот что поведала маленькому Этби его мать. Мальчик был так заворожен ее рассказом, что в сердце его вспыхнуло желание во что бы то ни стало увидеть снежную лошадь.

Целый год Этби старался изо всех сил, чтобы получить серебряную монетку. Он помогал отцу и матери по хозяйству, присматривал за младшим братом и послушно выполнял все поручения. Тогда-то, после ярмарки в честь дня урожая, куда он поехал с отцом продавать скот, Этби получил от родителей новые башмаки и серебряную монетку.

Мальчик спрятал монетку в маленький мешочек с оберегом, который носил на груди, и каждую ночь, ложась спать, доставал ее и крутил в пальцах, представляя, как снежная лошадь спускается к нему с неба.

Зима в том году пришла рано, и Этби был этому очень рад. Он решил, что в первый же сильный снегопад пойдет приманивать лошадь. И вот настал день, когда с самого утра снег сыпал так густо, словно над деревушкой скакал целый табун снежных лошадей. Весь день Этби был занят, помогая матери в доме, и с нетерпением ждал, когда наступит ночь.

И вот, когда вся семья уснула, Этби вылез из-под своего теплого одеяльца, оделся и вышел из дому. Мальчик пошел на бли-

жайший холм, чтобы снежная лошадь могла увидеть его с высокого неба. Он шел с трудом, увязая в сугробах, и уже порядком запыхался, когда наконец оказался на вершине. Луна едва пробивалась сквозь тучи, но ее света хватало, чтобы Этби мог рассмотреть дорогу и темные силуэты домов вдалеке.

Мальчик достал монетку и протянул ее на раскрытой ладони так, чтобы лунный свет заиграл на начищенной поверхности. Несколько минут вокруг стояла тишина и только снежинки лениво ложились на его руку и тут же таяли, а затем Этби услышал какой-то звук, похожий на приглушенный стук. Сердце мальчика забилось сильнее, наверное лошадь все-таки заметила блеск монетки и решила спуститься на землю.

И правда, спустя какое-то время, в снежной пелене начал вырисовываться силуэт лошади. Она мягко опустилась на землю и удивленно посмотрела на мальчика. Снежная лошадь никогда так близко не подходила к людям, но блеск монетки заворожил ее, и, неслышно ступая, она подошла к Этби. Мальчик уже начал замерзать, но боялся спугнуть животное неосторожным движением. Она была такой белой, что сливалась со снегом, лежащим на земле, и такой прекрасной, что у Этби защемило сердце.

Лошадь подошла и начала обнюхивать ладонь мальчика и лежащую на ней монетку. Глаза ее были совершенно белые, только в середине вместо зрачков сияли маленькие светлые точки, совсем как снег сияет в солнечный день на свету. Холодный нос коснулся руки Этби, лошадь аккуратно взяла монетку и проглотила ее. Тут мальчик не удержался и протянул руку к белой гриве, чтобы ее погладить. Лошадь поначалу испуганно фыркнула, выпуская из ноздрей белый пар, и вокруг Этби закружился столб мелкой снежной пыли, но потом мальчик заговорил с ней и начал гладить. Снежная лошадь вздрогнула при звуках человеческого голоса, но продолжала стоять, позволяя мальчику ворошить ее гриву и чесать за ушами.

Этби был вне себя от радости. Он наконец-то встретил снежную лошадь. На ощупь ее кожа оказалась шероховатой и прохладной, зато грива была мягкой и словно бы невесомой. И тут

мальчик подумал, как удивятся все в деревне, если он приведет лошадь Господина Снега с собой. Ведь никто всерьез не считал, что Господин Снег существует, и никто не поверит ему, если он расскажет о чудесной лошади, съевшей его монетку и позволившей себя погладить.

Так Этби решил поймать лошадь, но у него не было с собой уздечки, поэтому мальчик решил прийти сюда и на следующую ночь. «Завтра я принесу тебе еще монетку» — пообещал он снежной лошади, а она снова фыркнула, развернулась и, легко оттолкнувшись от земли, ускакала в ночное небо. Этби только теперь заметил, что почти не чувствует руку, она совсем окоченела, и он по дороге домой растирал ее, стараясь согреть.

Наутро Этби был сам не свой, он очень хотел рассказать всем, что видел лошадь самого Господина Снега и даже сумел погладить ее, но знал, что ему не поверят. Все валилось у него из рук в тот день, так он волновался, ожидая ночи. Еще с раннего утра мальчик тихонько пробрался в сарай, где нашел старую уздечку, он прикопал ее в сугробе возле двери, а сам принялся делать лучины из поленьев, чтобы помочь матери.

Наконец-то настала ночь, семья уснула, и Этби начал тихонько одеваться, чтобы снова ускользнуть из дома. Вдруг он вспомнил, что уже отдал свою единственную монетку лошади. Мальчик расстроился и уже собрался было остаться дома, когда вспомнил, что после ярмарки у отца оставалось еще много серебряных монет. Этби забрался на скамью и достал с высокой полки небольшую деревянную шкатулку, в которой хранились все сбережения его семьи. Брать деньги было неловко, но мальчик утешал себя: «Я просто приманю лошадь, а когда она подойдет, то накину уздечку, и потом верну монетку. Я всем расскажу, что поймал снежную лошадь. Люди захотят поглазеть на нее, и отец сможет брать с них за это по медяку. Я буду ухаживать за ней, а когда подрасту и смогу сидеть в седле как взрослый, то сяду на снежную лошадь и поеду прямиком в замок короля. Все будут глазеть на меня и говорить, какой же я ловкий малый, раз сумел поймать лошадку из табуна самого Господина Снега! Ко-

роль услышит обо мне и выйдет навстречу, он будет восхищаться снежной лошадью и конечно захочет ее купить, но я то не дурак, я не продам ему мою лошадь. Я поеду путешествовать по миру и увижу все-все, все города, все страны. Снежная лошадь наверняка знает дороги. Мы поскачем с ней по небу, и я буду кормить ее кусочками месяца и серебряными монетами, которые будут нам давать люди. Они ведь захотят посмотреть на лошадь поближе и погладить ее, как и я захотел».

С такими мыслями Этби шел к тому холму, где вчера встретил лошадь Господина Снега. Он так был увлечен своими мечтаниями, что сама ночь казалась ему необычной и полной волшебства. Этби чувствовал, как его мечта обретает форму, когда с неба на протянутую ладонь с монеткой, посыпались мелкие звездочки снега и снежная лошадь вновь появилась на холме, привлеченная блеском серебра.

Мальчик держал наготове уздечку, пока лошадь осторожно подходила, опасливо поглядывая на него. Он заговорил с ней ласково, и снежная лошадь подошла ближе, прядая ушами. Стоило ей протянуть свою белую морду к ладошке Этби, как мальчик быстро накинул уздечку. Он ожидал, что лошадь заржет и ускачет прочь, но она была до странности спокойной и безропотно пошла за ним в поводу, все еще влекомая монеткой, которую мальчик держал в руке.

Этби довел снежную лошадь до своего дома, и попытался завести ее в сарай, но тут она заупрямилась и заржала, упираясь изо всех сил. Мальчик испугался, что она разбудит его отца или мать и привязал лошадь к большому железному крюку в стене сарая. Он подумал, что большого вреда от этого не будет, ведь лошадь сделана из снега и, судя по всему, мороз ей был нипочем. Утром он проснется раньше всех, позовет родителей и брата во двор, вот уж они удивятся. Довольный Этби погладил снежную лошадь еще раз, скормил ей монетку и, пообещав ей с утра тотчас прийти к ней, вернулся в свою постель. Уснул он сразу же, и во сне видел реки, леса и города, мелькавшие внизу, пока он сидел на спине своей снежной лошади. Ветер струился вокруг

них, снежинки летели из-под мягко цокающих копыт, и Этби чувствовал себя очень счастливым.

Наутро, когда мать разбудила Этби, отец, посмеиваясь, спросил, не знает ли он, что за гость заночевал у них на дворе. Этби был удивлен, что отец смеется вместо того, чтобы восхищаться и спрашивать, откуда к ним попало такое чудесное создание. Мальчик не стал есть завтрак, оделся и выбежал из дому. Родители и брат вышли вслед за ним. И тут Этби встал как вкопанный — его снежная лошадь пропала, на ее месте высился большой сугроб с надетой на него уздечкой.

Мальчик не верил своим глазам, он подошел к сугробу, попробовал погладить его, но рука его просто провалилась в рыхлый снег. В отчаянии Этби начал плакать, он рассказал родителям, как две ночи подряд ходил приманивать снежную лошадь, она спустилась с неба, и ему пришлось скормить ей целых две серебряных монеты.

Мать охнула, а отец отвесил ему подзатыльник, когда услышал про деньги. Этби почувствовал себя обманутым, снежная лошадь превратилась в простой сугроб, монетки теперь не вернуть, а родители злятся на него. Он так расстроился, что хлюпал носом весь остаток дня. К вечеру оказалось, что Этби простудился, и родители смягчились, они решили, что мальчик был болен уже два дня назад, и это болезнь заставила его поверить в сказки и думать, что он поймал снежную лошадь.

Когда о незадачливом мальчике, который хотел поймать снежную лошадь, а поймал обычный сугроб, услышали соседи, то они еще долго посмеивались над наивностью Этби, поверившего в сказку.

День за днем Этби жил, слушая, как над ним по-доброму подтрунивают все вокруг. Сначала он плакал и кричал, что это правда, и лошадь он действительно поймал, но люди только больше начинали дразнить его и насмешки их становились все злее. Тогда Этби решил больше ничего не объяснять глупым людям, однако потерял интерес к сказкам, а лошадей и зиму с тех пор невзлюбил. Одна была радость — по весне на месте сугроба,

выросшего там, где он привязал снежную лошадь, нашлись две испачканные землей серебряные монетки. Таков был конец истории о мальчике и лошади Господина Снега.

Ритгард глубоко вдохнул морозный воздух, он уже начал замерзать, стоя на стене без движения. Снег все также прихотливо вился в воздухе, зависая и подпрыгивая. Принц посмотрел вверх, ему чудилось, будто сейчас возникнет на сером небе нечеткий силуэт, и волшебная снежная лошадь из сказки проскачет по запорошенным крышам замка, неслышно касаясь их своими копытами. Быть может в вихре пушистых снежинок промелькнет и сам Господин Снег, сидящий на спине прекрасного белого скакуна.

В эту минуту кто-то прокричал его имя. Ритгард узнал голос мастера Энарина, а значит пришло время идти в замок и собираться на ярмарку. Ритгард тяжело вздохнул, он любил ярмарки и шум городской толпы, но ему так не хотелось терять волшебное чувство покоя, пробудившееся в его душе в этот тихий снежный день. Ощущение, что он почти коснулся какой-то неведомой и невыразимо прекрасной части этого мира, все еще трепетало внутри него. Казалось, если он протянет вперед руку и дотронется до летящих снежинок, то мир вокруг заколеблется, словно зыбкое полупрозрачное зеркало. Крик повторился, нужно было спускаться вниз. Ритгард не спеша пошел по замковой стене, почему-то чувствуя себя обманутым и немного грустным. Спускаясь со стены, он подумал, что должно быть Этби испытывал то же самое, когда снежная лошадь исчезла, оставив после себя лишь сугроб.

Ярмарка развернулась на главной городской площади, заставленной ради этого многочисленными крытыми прилавками. Людей вокруг было полно, словно все жители города разом высыпали из своих домов и устремились сюда. Небольшая группа из пяти человек медленно продвигалась среди рядов. Королева велела, чтобы Ритгарда, кроме Энарина, сопровождали еще двое стражников. А сам мастер меча в свою очередь просто

не мог не взять с собой Коррина, чему оба друга были несказанно рады.

Мальчишки возбужденно крутили головами, разглядывая прилавки, прислушиваясь к радостной болтовне горожан, покупающих подарки. Чего только не было у торговцев: глиняные свистульки в виде лесных зверушек, орехи в сахаре, обережные амулеты с камнями стихий, маленькие кованые шкатулки, крашеные и простые деревянные игрушки, льняные отрезы, блестящие дорогие кинжалы и ароматные свечи. Казалось, что здесь можно найти все, что пожелаешь.

Ритгард, чей кошель был передан ради сохранности наставнику, выбрал в подарок для матери узорный серебряный наперсток и небольшое ручное зеркальце, на обратной стороне которого с помощью яркой эмали был изображен свирепый дракон, изрыгающий пламя. Подарки для слуг и гостей замка уже давно были готовы и припрятаны до поры в комнате одной из фрейлин. Принц купил два мешочка орехов в сахаре, которые были традиционным лакомством во время Зимостоя, сунул один из них Коррину, и все они двинулись к портняжной лавке. Энарин хотел прикупить несколько шелковых лент для сестер, матери и племянниц. В этом году все они собирались на Зимостой здесь, в Кайтерне. И сегодня вечером он обещал прийти к ним на праздник, заодно прихватив и Коррина, у которого своей семьи не было.

Лавка портного была заполнена девицами и женщинами всех возрастов, спешащими забрать заказы или купить ткани, булавки и прочие мелочи. Энарин, высокий и крупный, возвышался над толпой, невольно привлекая к себе взоры посетительниц. Девушки смущенно хихикали и бросали на него кокетливые взгляды, стараясь обратить на себя внимание красивого мужчины. Ритгард с Коррином тихонько посмеивались в кулаки, они то привыкли к тому, как их наставнику пытаются строить глазки служанки и даже знатные девицы, а сопровождающие их стражники лишь снисходительно улыбались. Сам мастер меча однако выглядел как всегда невозмутимым и спокойным,

словно древняя гора, которую не может встревожить никакая буря.

–Возьму две желтые, одну красную, три белых и две голубые, — сказал он портному. Тот почтительно поклонился и принялся отмерять и отрезать ленточки нужных цветов.

–Не хотите ли взять три голубых, господин? Как раз последняя остается, — предложил портной.

–Что ж, давайте три. Девчонки все равно из-за них передерутся. Одной больше, одной меньше — без разницы.

Когда ворох разноцветных лент был аккуратно свернут, уложен в мешочек и убран в сумку, вся компания собралась выдвигаться назад в замок. Коррин знал, что если бы не принц, то Энарин прежде чем вернуться, зашел бы в «Пьяного шмеля» и заказал себе в честь праздника вино со травами или дивную ароматную медовуху. Мальчику очень нравилась эта таверна. Для заведения подобного рода она была довольно уютной, к тому же жена хозяина, Элна, всегда чем-нибудь угощала его и ласково улыбалась, говоря, что он напоминает ей покойного младшего сына. Но сегодня, накануне Зимостоя, дел там наверное невпроворот. Наверняка с самого утра толпятся посетители, которым не терпится начать праздновать заранее, чтобы, как говорили в народе, «душа к празднику запела».

Маленькая компания вышла наконец из портняжной лавки и тут же угодила под снегопад. Темнело зимой рано, и нужно было поспеть к замку до начала сумерек. Они начали пробираться через площадь, к оставленным на другом конце небольшим саням. Ритгард и Коррин шли за Энарином, а позади них уверенно шагали стражники, которым тоже не терпелось вернуться домой и начать готовиться к праздничной пирушке. В воздухе пахло морозом, орехами, свежей выпечкой и жженым засахаренным медом. Повсюду звенели крики торговцев, зазывающих покупателей, нежный девичий смех и пьяный гомон, время от времени вырывавшийся из-за приоткрытых дверей таверн. Ветер доносил до ушей веселые праздничные песенки, ржание лошадей и визг играющей ребятни, и на лицах встреч-

ных прохожих сияли улыбки. Мальчишки болтали и шутливо толкались, радуясь, что удалось провести немного времени вместе, и вдоволь развлечься среди предпраздничной сутолоки. Дойдя до саней, Ритгард, Энарин и Коррин уселись внутрь, сопровождавшие их стражники встали на запятки, и озябший кучер погнал лошадей в сторону замка, с трудом лавируя на заполненных людьми улицах.

–Энарин, а большой у твоей матушки дом? — полюбопытствовал Коррин, исподтишка поглядывая на наставника, который складывал в сумку мелкие подарки для родственников.

–Не слишком, но для тебя место за столом точно найдется, не волнуйся. Матушка сказала, чтобы ты обязательно был, — флегматично ответил тот, продолжая собираться на праздник.

–Ну, я тут подумал… — Коррин замялся.

–Да? — Энарин поднял на него свои синие глаза. Иногда Коррину казалось, что он, как и придворный маг, видит его насквозь.

–Знаешь, я Кайлу видел возле кухни. Королева ее отпустила на праздник, а ее мать приехать не смогла. Ну, и ей придется теперь сидеть на кухне вместе со старой Изой и остальными. Но ты же знаешь, что парни из королевской стражи скорее всего упьются, а они итак ей прохода не дают.

В воздухе повисла тишина, очень неловкая для мальчика. Коррин однако утешал себя тем, что сказал правду. Кайла, с которой он подружился еще в первый год ее службы, за проведенные в замке пару лет уже снискала репутацию недотроги, и некоторые стражники действительно пытались проявлять свои симпатии к ней в достаточно грубой форме. Мальчику не хотелось, чтобы Кайла терпела подобное или сидела в одиночестве в гардеробной, пока королева и ее знатные гости веселятся на пиру. Все-таки сегодня был праздник, и ему не хотелось оставлять подругу в одиночестве. Энарин, казалось, принял его слова всерьез, он нахмурился, отложил сумку и произнес:

–Проходу не дают, говоришь? Что ж ты раньше не сказал? Я думаю матушка будет не против еще одного гостя.

–Я сбегаю к ней и скажу, что ты приглашаешь? — сразу же встрепенулся Коррин.

–Беги, а потом резво обратно. Наденешь свой новый костюм. Скажи ей, чтоб через полчаса ждала нас во дворе.

–Спасибо! Вот она обрадуется!

Мальчик с благодарностью посмотрел на своего наставника, а затем стремглав бросился к двери, выскочил в коридор и побежал сообщать подруге добрые вести. Энарин глядел ему вслед и улыбался, он знал теперь, для кого духи послали ему третью голубую ленточку.

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1

Оруженосец мастера меча, господина Энарина, сына Рольфуса, наставника его высочества принца Ритгарда гордо смотрел на свое отражение в небольшом мутном зеркале, висевшем на стене. Новый костюм определенно был ему к лицу. Коричневая шерстяная туника до колен, с разрезами до бедер, серые шерстяные штаны и сапоги из крепкой кожи до середины икры. На груди слева был вышит небольшой знак королевского дома — корона, перевитая листьями плюща. Паренек еще раз попытался пригладить непослушные каштановые волосы, но это не помогло, и они все равно выглядели растрепанными. Он махнул рукой, признавая дело безнадежным, затем взял со стула перевязь с небольшим мечом, закрепил ее на поясе и влез на стул, чтобы получше рассмотреть себя. Длины зеркала никак не хватало, чтобы увидеть отражение целиком, стоя на полу.

Он вертелся так и этак, радуясь как ребенок тому, что наконец-то заслужил настоящий меч и его пожаловали в оруженосцы. Мог ли он мечтать о таком раньше? Хотя Энарин всегда был добр к нему, вряд ли родной отец мог бы быть добрее, Коррин все еще не мог поверить своей удаче. Подумать только, Коррин-сиротка, которого все жалели, смог все же неплохо устроиться в жизни.

Дверь в комнату приоткрылась, и Коррин от неожиданности чуть не упал со стула. Увидев, кто вошел, он с облегчением рассмеялся и слез, держась за спинку. Вошедший юноша был на полголовы выше Коррина, немного худее, он был аккуратно причесан и одет в простой костюм из дорогого темно-синего сукна, украшенного неброской серебряной вышивкой. Из знаков отличия он носил цепочку из белого золота с камнями стихий и знак нового верования, пришедшего в Йельмер несколько десятилетий назад с далеких островов. Знак этот представлял собой про-

стой круглый медальон, на котором было отчеканено солнце с полумесяцем внутри. Это верование его последователи называли Единством или Едиными, потому что считали, что за миром и людьми присматривают бог и богиня, единые и равные друг другу. Они также почитали природу и природную магию, как и последователи культа духов. Однако разница была в том, что духов все же побаивались, а ранее, пару веков назад, еще приносили им жертвы, например, оставляя в лесах внебрачных детей. Последователи Единых предпочитали придерживаться светлой стороны и отрицали такие жертвы, но многим йельмерцам претило то, что жрецы Единых призывали придерживаться куда более строгой морали, чем требовал от своих последователей культ духов стихий. Например, сторонники Единых считали, что измены в брачном союзе и потеря невинности без брака недопустимы, и осуждали все народные гулянья в честь духов, после которых веселые парочки расходились по кустам и сеновалам, в то время как приверженцы старой веры смотрели на подобные вольности сквозь пальцы. Впрочем, серьезных стычек между ними никогда не происходило, поскольку еще король Ритгард Добрый объявил, что и те, и другие имеют право верить в то, что ближе их душе, и даже выпустил указ, согласно которому, смутьяна, решившегося осуждать или унижать чужую веру, следовало пороть на городской площади. Подобное никого не прельщало, и обе стороны предпочли сосуществовать мирно, проще говоря, не лезть в дела иноверцев.

–Все не можешь насмотреться? Представляю лицо Энарина, если бы он поймал тебя за этим, — смеясь спросил Ритгард, заставший своего друга за самолюбованием.

–Да ну тебя, Рит, подкрался тихо, как дух.

Парень явно смутился, но все же рассмеялся вслед за принцем. Ритгард рассмотрел новый наряд Коррина и удовлетворенно кивнул. Подумать только, его друг теперь оруженосец, тут-то мать уже не сможет сказать ничего против Коррина, ведь оруженосец — это не простой слуга, а будущий воин или королевский стражник. Видя, как пристально Ритгард рассматривает его в но-

вом облачении, парнишка засмущался еще сильней и попытался отвлечь внимание друга.

–Как прошел совет? И что решили насчет храма Единых? — спросил он, вспомнив о планах Ритгарда на утро.

Принц начал посещать заседания совета с тех пор, как ему минуло четырнадцать. Королева постепенно вводила сына в управление страной, и ходили слухи, что со здоровьем у нее не все хорошо. Коррин видел королеву Мелезию не слишком часто, но достаточно, чтобы заметить, как сильно та исхудала за последний год. Об этом же болтала за ужином Кайла. А кто может знать о своей госпоже больше, чем ее служанка?

Принц поморщился и отмахнулся. Он не особенно любил присутствовать на совете, но у будущего короля есть долг, и он готов был его исполнять.

–Решили, что будут строить на месте сгоревшего квартала. А жителям отдадут землю к востоку от старых ворот. Мать обещала выдать золото из казны. Сдается мне, что ей куда больше по душе эта новая вера, чем вера в духов, хотя, я особой разницы не вижу. Духи, боги — скука смертная, хотя я признаю, что та же магия штука полезная, — неохотно ответил принц.

Коррин пожал плечами. Он не слишком вникал в слова проповедника Единых, который прожил при дворе уже две зимы по приглашению самой королевы и вещал время от времени на площади о равновеликих боге и богине, о благословенной магии, призванной нести добро людям, о природных элементах, из которых состоит мир, но кое-что все же отложилось у него в голове.

–Ну, помнишь все эти старинные сказки, которые Лотиус давал нам читать? Духи опасны, они могут свести человека с пути, обольстить, а раньше им приносили жертвы и детей отдавали. А эти новые вроде мирные.

–Да будет о них, Коррин, — Ритгарду уже явно надоела тема религии. — Я же вот зачем пришел — мать не может в этом году ехать по провинциям, поэтому она отправляет меня. Энарин

едет со мной и ты тоже, как его оруженосец. Поедут еще Балвин с сыном, ну и с десяток стражников.

Коррин знал, что изначально королева хотела отправиться в поездку вместе с Ритгардом, но как видно передумала. И теперь он поедет через всю страну, сможет наконец-то посмотреть мир за пределами столицы, скакать по полям во всю прыть, охотиться, сидеть ночью у костра, и все это рядом с Энарином и Ритгардом. Конечно он был только рад такому повороту судьбы.

–Так и знал, что тебя обрадует перспектива путешествия с семейкой Балвина, — поддразнил его Ритгард, мгновенно прочитав по лицу друга, как его воодушевила эта новость.

–Не больше, чем тебя, — шутливо отмахнулся Коррин. -Жаль, что Вейс не девчонка, а то ты бы уже обручился с ним на радость папеньке.

Оба дружно загоготали. Вейс, сын Балвина, был их одногодка, склонный к полноте, розовощекий и неуклюжий, он всегда краснел как спелое яблочко, когда заговаривал с кем-то малознакомым, особенно с девушками. Парень был незлой и старательный, хотя Энарину, который пообещал Балвину потренировать мальчишку, пришлось изловчиться, чтобы научить того мало-мальски владеть мечом. Энарин говорил, что Вейсу не хватает веры в свои силы, но вот упражняться с мечом пойдет только на пользу, а потому продолжал занятия с ним.

Коррин как-то раз слышал, как Балвин, хорошо подпив, жаловался Энарину: «Ума не приложу, почему он так в себя не верит? И ведь никто ему с детства слова грубого не сказал! Да, каюсь, его мать, моя первая жена, конечно оставила меня с рубцом на сердце, и я долго сомневался, что мальчишка мой, но я же никогда не отказывался от него, хотя, видят боги, как мне было тяжко».

После назначения Энарина мастером меча и его согласия обучать Вейса, Балвин изменил свое отношение к простолюдину и признавался, что погорячился при первой встрече. «Не терплю я всяких стражей да вояк, понимаешь? А ты уж прости, что так

в глаза говорю, но слишком уж красив, вот меня зло и взяло» — объяснил он Энарину. И, когда тот спросил, отчего так, то Балвин вдруг разоткровенничался. Случилось это года три назад, аккурат на праздник Зимостоя, когда Балвин-старший и Энарин решили продолжить пирушку уже в своих покоях. Жены обоих уехали проведать матерей вместе с детьми. Коррин тогда принес им крепкой травянки, закусок, а сам лег спать, однако сон не шел к нему, и паренек ненароком подслушал рассказ торгового советника.

Балвин начал издалека. Его отец разбогател в свое время на торговле и конечно хотел продвинуть сына выше простого купца. А как проще всего попасть ко двору и приблизиться к знати? Заключить правильный брак. Отец Тедара Балвина навел справки и подыскал сговорчивого, ввиду бедственного положения, барона. Сын барона промотал в веселых домах Кесса все, что мог, кроме родового замка и пары примыкавших деревень, а потом сгинул в каком-то сомнительном трактире, получив кинжал под ребра. У барона же осталась дочь, которой и отходил после смерти родителей замок и те самые деревни. Однако замок никак не прокормишь с помощью двух деревенек, где жители и сами едва сводили концы с концами. Балвин-старший под предлогом покупки оставшихся семейных драгоценностей сделал барону свое предложение, и тот нехотя согласился.

Деваться было некуда: либо дочка замужем за простолюдином, но при деньгах и сохранившийся родовой замок с землями, которые старик Балвин обещал выкупить для молодой пары, либо расстаться с родовым гнездом и ехать нищим приживальщиком возле богатых родственников, а дочке так и сидеть век в девках.

Когда договор был заключен, молодой Тедар Балвин светился от радости, как новая монетка, Розина же спокойно улыбалась, и, казалось, ее вполне устраивал такой жених. После свадьбы прошло уже года, у молодых супругов подрастал маленький Вейс, когда в день праздника урожая Тедар возвра-

щался домой пьяный, но безмерно довольный и, решив не будить жену и сына, завалился спать на сеновале. Среди ночи его разбудил чей-то шепот неподалеку — какая-то парочка явно решила продолжить праздник наедине. И дух бы с ними, они были довольно далеко, а сеновал огромный да и Балвин не такое видал, но тут в ночной тишине он услышал имя своей жены. Беднягу как кипятком ошпарило. Он подскочил, сразу протрезвев от удивления, тихонько отполз в угол, где, как он знал, на приступке лежал фонарь. Тедар Балвин зажег его трясущимися руками и увидел свою жену, свою милую и благородную Розину, мечущуюся от удовольствия под караульным стражником.

Как рассказывал Энарину Балвин, дальше ему будто духи ум застили. Стражник увидел хозяина и хотел было убежать, но Розина только сильнее вцепилась в него, не отпуская от себя. «Да пусть идет к духам, все равно уже теперь все знает!» — закричала она как безумная, а после захохотала, притянула к себе стражника и начала жадно целовать. Балвин же как во сне выскочил из сарая и побежал к реке.

«То ли топиться меня понесло, то ли просто подальше от дома, я тогда еще сам не знал. Помню только, что уснул там же, на берегу, а под утро уже меня нашел слуга, растолкал и сказал скорее идти домой. Я пошел да тут вспомнил, что ночью случилось. Сердце у меня заныло, будто злые духи его рвали, но я пошел. Подходим мы ко двору, а оттуда горелым несет страшно, за версту учуешь. И тут вспомнил я про фонарь, побежал скорее, во двор влетел взмыленный, что тягловая лошадь, гляжу, а на месте сарая черные стены дымятся. Говорят, еле потушили, а был бы дом не каменный, так и он бы сгорел. Я опять как умом помутился, на колени упал и заплакал как дурак, а Фейн, слуга-то мой, тянет меня и говорит, мол, хозяйка еще жива, пойдем, обгорела правда сильно. Я сначала не понял даже, что он несет, как жива, если весь сарай погорел? А он отвел меня к кухарке, Розину-то к ней снесли в дом, побоялись в наш тащить. Захожу, а на лавке лежит тело, все в волдырях, красное, обожженное,

и плотью паленой несет от него жуть как. Лежит оно и стонет от боли, а потом как посмотрит на меня. И тогда то, Энарин, до меня дошло, что вот она, моя Розина, во что превратилась. А сколько злобы у нее в глазах было! Я с ней просидел до следующего утра, когда она к духам отошла, а она все кричала от боли. Лекарь ей что-то дал, чтобы меньше страдала, но сразу предупредил, что не жилица. И, знаешь, я ведь спросил у нее, сидел плакал, как дурак последний, и спросил, за что она так со мной? А она молчала долго, а потом сказала, что никогда я не нравился ей, что замуж пошла только потому что отец убивался из-за денег и грозился, что не на что жить будет, а если она откажется, он ее в лес свезет и привяжет там к дереву, да так и оставит. Сказала, что я всегда ей противен был, что все два года она от меня ночами к стражникам бегала, что сын не мой, много чего наговорила… Мне, говорит, противно, что ты такой добрый ко мне был, подарки свои таскал да улыбался, как дурачок на ярмарке. Я, говорит, вам всем теперь отомстила: и тебе, и отцу, одному за то, что продал, а другому за то, что купил, как мешок с зерном. И ведь под конец не захотела даже сына увидеть. Столько в ней злобы оказалось. Я и сам сначала был зол, я же думал она за меня по своей воле пошла, любил ее даже, глупец, ребенка прижил, а она вон со мной как. Это потом уже только простил ее, почти десять лет после нее бобылем прожил, на сына все смотрел да боялся, вдруг и впрямь не мой. Сейчас-то уж вижу, что вылитый я, значит, его все-таки не нагуляла. По девкам-то понятно я потом ходил, да про женитьбу думать забыл. Очень меня эта история, Энарин, разбередила. Я и ко второй жене год присматривался да сомневался, но хоть тут повезло. Мелла кровей попроще, да оказалась доброй и понятливой. Потом дочек вот мне родила, живу спокойно, дома душа отдыхает, а все-таки нет-нет да вспомню Розину, какой на сеновале ее увидел — красивая, голая, глаза горят, столько страсти и злости. В жизни я столько в девке не видал, а ведь такой тихой всегда казалась! И никогда, никогда она подо мной так змеей-то не вилась, как под тем, хоть я и не совсем плох в этих делах

был, другим вон нравилось. Подумаю я о ней, а потом вдруг страшно становится, чего духов гневить, когда у меня теперь в семье хорошо все? Начинаю и Единых, и духов благодарить за Меллу и детей, и как-то спокойнее становится».

После они еще беседовали какое-то время, а Коррин уже провалился в сон. Об услышанном той ночью он так никому и не рассказал.

–Думаю, мы отправимся через неделю. Начнем с северных провинций, сделаем по ним крюк и потом двинемся на юг, в сторону Вельского леса. Мать не хотела, чтобы я ехал так далеко, но будет странно проехаться через всю страну, исключив южные земли. Ей се же пришлось согласиться, — прервал воспоминания Коррина Ритгард.

Принц говорил, задумчиво почесывая подбородок, на котором едва начинала пробиваться щетина, и рассеянно разглядывая стрижей, резвящихся за узким оконцем.

Коррин поймал себя на том, что завороженно наблюдает за этими движениями, затем встрепенулся и тоже перевел взгляд на окно. Кусочек ярко-синего летнего неба внезапно показался ему таким притягательным, что парню захотелось как можно скорее оказаться там, во дворе, и почувствовать кожей тепло летнего солнца.

–Ну, чего ей бояться, тебе же уже шестнадцать, с тобой будет стража и Энарин, да и Кесс вроде воевать не собирается, — произнес наконец Коррин.

–И я говорю то же самое. А, насчет Кесса… — принц замялся.

–А что с ним? — Коррин поднял на него удивленные глаза.

–Помолвка, — было видно, что Ритгарду неприятна эта тема, но он все же решил сообщить другу. — Собираются прислать мне портрет этой, как ее, Селены? Салины? Ну, третья дочка короля Холисса. И от них приедет советник, чтобы обсудить детали, наверное к празднику урожая, не раньше.

–Селайны, — подсказал Коррин, и сердце его екнуло.

Рано или поздно принц женится, но раз в ход пошли портреты и приедет советник, то тянуть долго не будут, максимум подо-

ждут года или полтора. Как раз хватит времени спланировать свадьбу.

–Ну, да, ее. Мать хочет все устроить побыстрее. Надеюсь она хотя бы не будет похожа на Вейса, иначе будет слишком много красоток для одного двора, — мрачно пошутил Ритгард, последним интересом которого сейчас была женитьба.

–Ага, ты главное не перепутай в брачную ночь, кто есть кто, — Коррин попытался разрядить обстановку и кисло улыбнулся.

–Да брось, Рин, ты же знаешь, что все короли женятся. И потом, я думаю к тому времени, как все решится, ты уже успеешь сам стать мастером меча. Тогда я смогу назначить тебя в королевскую стражу или в свиту к военному министру. Ты сможешь спокойно оставаться при дворе, даже когда мы оба закончим обучение у Энарина. К тому же, может ты встретишь недурную девицу с приданым и заведешь с ней свой дом? Мать говорит, семья всем нужна, хотя сама после смерти отца замуж так и не вышла. А я так думаю, что жениться конечно можно, но лет через десять, не раньше.

–Что-то я сомневаюсь. Недурные девицы с приданым, желающие выскочить замуж за оруженосцев — такого не бывает. Да и ну их совсем. Может пойдем постреляем еще из луков, пока еще к обеду не зовут?

–Пойдем, — согласился принц и поспешил к двери.

Коррин последовал за другом, надеясь, что лицо его достаточно бесстрастно, и Ритгард не сумеет догадаться о его мыслях.

2

–Надеюсь, ты вернешься хотя бы к урожаю, — в который раз сказала Кайла Энарину.

Молодая женщина с грустью посмотрела на мужа, и положила руку на свой круглый живот. Она чувствовала, как ребенок шевелится внутри, словно откликаясь на ее переживания. Энарин подошел к жене, обнял за плечи и накрыл ее ладонь своей.

–Я приеду, не волнуйся. С тобой пока побудет мать. К тому же королева давно говорила тебе перестать работать. Новая девушка итак хорошо справляется, а тебе нужен отдых.

Женщина тяжело вздохнула. Идея с поездкой не нравилась ей по многим причинам. Кайле казалось, что на нее навалилось все разом — беспокойство о будущем ребенке, тревоги из-за королевы, у которой со здоровьем стало неладно, а тут еще и муж уезжает.

–Пинается, озорник, — с улыбкой сказал Энарин, отвлекая ее от тревожных мыслей. Он все еще держал свою руку на животе жены, и, несмотря на невеселые раздумья, она не могла не улыбнуться в ответ на его искреннюю радость.

Оба они боялись высказать вслух свои надежды, ведь двоих детей Энарин и Кайла уже потеряли, да и старшая дочка была не самого крепкого здоровья. Энарин, окончательно ставший домоседом после женитьбы, и сам не слишком хотел куда-то ехать, но считал, что долг прежде всего. Он обещал жене — уже через год, когда обучение принца закончится, они купят кусок земли с домом поближе к южным провинциям и переберутся туда. Конечно сейчас она, как любая женщина в положении, тревожится, и может оно и хорошо, что мать будет рядом с ней, пусть ходят вместе на проповеди этого нового служителя культа Единых. Этот по крайней мере не пугает детей духами и не считает грозу наказанием за непочтение к ним.

–Коррин конечно тоже едет?

Она уже догадывалась об ответе, но все равно должна была спросить об этом мужа. Кайла привязалась к мальчишке еще с тех времен, когда поступила на службу к королеве, а теперь он ей стал и вовсе кем-то вроде младшего брата, близким и родным.

–Едет, он оруженосец теперь и уже взрослый парень. Пора ему немного мир увидеть, не все же по двору кур гонять. Хотя в его возрасте обычно уже на девок засматриваются, но я что-то ни с кем его. Странно это.

–Ничего, успеет еще насмотреться и все остальное, — Кайла поспешила увести разговор в другое русло. — Ты присмотри там за ним, молодой же еще, в голове ветер. Королева волнуется за принца тоже.

Энарин устало наморщил брови. Иногда ему казалось, что Кайла не может думать ни о чем другом, кроме детей и домашних забот. Нет, он не жаловался, прекрасно видел, кого брал в жены. Сложно было ожидать от такой девушки как Кайла глубоких мыслей и широты взглядов, но он и женился то на ней, потому что девушка была простой и милой, несмотря на жизнь в замке, где могла всякого насмотреться. Да и сам он считал себя вполне обычным человеком. Приветливая жена, здоровые детишки, дом в достатке — чего еще хотеть? Однако парням уже по шестнадцать. Оно верно говорят, что для матери ты всегда дитя, но возле женской юбки всю жизнь не просидишь.

–Кайла, да пора парням взрослеть, одного вон женят через год-другой, а второй, если будет стараться, так через несколько лет сможет стать наемником или даже податься в королевскую стражу. Они давно из пеленок-то выросли.

–Мужчины! — жена шутливо фыркнула. — Иной раз, господин Энарин, думаю, а не зря ли я за тебя пошла? Сочувствия в тебе, как в засуху в дождевой бочке воды.

Мужчина улыбнулся. Раз жена шутит, значит, примирилась с его отъездом. Впрочем скоро она будет занята выкройкой пеленок и детских рубашек, починкой того, что осталось с младен-

чества дочки, хлопот будет много. Оно и к лучшему, меньше будет тосковать, а к началу осени он уже вернется.

***

–Я пришел попрощаться, — сказал Коррин немного нерешительно. — Ты уже наверное слышал, что Ритгард едет в путешествие по королевству.

Красивый худощавый парень оторвался от письма, лежавшего перед ним на столе, и поднял голову. Яркие голубые глаза вперились в Коррина, и он медленно ответил, вкладывая в свои слова как можно больше безразличия и холода:

–Ты конечно едешь с ним.

Парень вернулся к своему письму, окунул перо в чернильницу и начал что-то писать, делая вид, что продолжение разговора ему неинтересно. Однако Коррин видел, что рука его подрагивает. Он был готов к такой реакции и не хотел, чтобы подобное прощание с Лестером угнетало его все три месяца путешествий.

–Перестань, Лес, ты правда хочешь попрощаться вот так? — спросил Коррин (парень за столом едва заметно вздрогнул, услышав свое имя).

–Я просил тебя не называть меня так, — в голосе Лестера появилось легкое раздражение.

–Просил, когда мы не одни. Брось ты эти глупости, никого же нет рядом, — Коррин начинал злиться.

Обычно он старался держать эмоции при себе, но у Лестера Локвуда определенно был талант вытаскивать их наружу из кого угодно. Лестер нередко бывал раздражительным, ядовитым, непомерно горделивым и, порой, излишне обидчивым. И все это каким-то образом умудрялось сочетаться в нем со щедростью по отношению к друзьям и слугам, время от времени возникающими порывами доброты и своеобразной заботы, о которых он впрочем предпочитал не распространяться и не вспоминать. Их отношения начались спонтанно и продолжались уже почти год, а Коррин до сих пор удивлялся, что Лестер в нем нашел. О сыне герцога Локвуда мечтали почти все девицы — он был богат, знатен, чертовски красив и преспокойно пользовался всеми этими

преимуществами безо всякого зазрения совести, а тут вдруг заинтересовался парнем, да еще и простым оруженосцем. Коррину конечно очень льстило, что Лестер предпочел его всем остальным, но он вовсе не был влюблен в него. Парень конечно понимал, что он нравится сыну герцога, но не считал, что за всем этим скрываются какие-то более глубокие чувства. Правда сейчас, увидев, как тот отреагировал на новость об отъезде, Коррин задумался, так ли уж поверхностны чувства Лестера, как ему всегда казалось.

Коррин подошел к столу и взял парня за руку. Она была бледной, холодной на ощупь и перепачканной чернилами. Это только усилило его подозрения, ведь обычно сын герцога был очень аккуратен и следил за внешним видом.

–Слушай, это не я решаю, кто едет, а кто нет. К тому же я не хочу подводить Ритгарда, ты прекрасно это знаешь. Я обязан ему всем, что имею — местом при Энарине, возможностью жить в тепле и есть досыта, — сказал он, все еще пытаясь не вспылить, чтобы не испортить разговор окончательно.

–Я знаю, ты говорил об этом не раз, — холодно ответил Лестер, и отвел взгляд.

Вспышка раздражения мелькнула и тут же погасла. Лестер едва удержался, чтобы не отпустить саркастичное замечание, но взгляд Коррина заставил его остановиться. Сочувствие, усталость, желание попрощаться по-хорошему были написаны на его лице.

–Лестер, брось валять дурака. Я еду не только из-за Ритгарда, ведь я оруженосец теперь, и это моя обязанность — сопровождать Энарина, — мягко сказал Коррин.

«Интересно, он сам уже понял, что влюблен в нашего принца?» — с горечью подумал сын герцога, но ничего не сказал.

Он так и не отнял у Коррина свою руку, и тот под пальцами ощутил, как быстро бьется жилка на запястье парня. Коррин, все еще не терявший надежды попрощаться мирно, обнял Лестера. Оба молчали.

–Я нескоро тебя теперь увижу. Может так оно и лучше, — наконец тихо сказал Лестер, уткнувшись лицом в рубашку Коррина и жадно сжимая пальцами ткань.

Коррин не знал, что ответить на это, ему было немного не по себе от происходящего. Лестеру вероятно тоже стало неловко, он взял себя в руки, отстранился от парня, встал из-за стола и отошел на другой конец комнаты, ближе к камину. Он еще утром узнал, что Коррин уезжает, но не стал заходить к нему, ждал, когда тот сам придет и все расскажет. «Раз уж он явился сообщить мне лично и изо всех сил старается не испортить со мной отношения, может я не был ему совсем уж безразличен» — подумал Лестер. От этих мыслей ему стало чуть легче, но теперь он должен был и сам кое-что сообщить Коррину.

–Сегодня будет праздник по поводу вашего отъезда. Я отпущу слуг. Мне хотелось бы попрощаться с тобой. Дело в том, что я тоже скоро уеду. Отец хочет послать меня в Кесс с лордом Роймасом, набираться опыта в переговорах. Я не знаю, как долго это продлится. Может год, может пять лет, пока неясно, — Лестер говорил очень тихо, с заметным трудом подбирая слова.

–Ты не говорил мне об этом, — казалось, что в голосе Коррина прозвучал мягкий упрек. Он запнулся и добавил. — Но я приду, Лес.

Теперь он понял, почему Лестер был таким раздражительным сегодня. Дело было не только в предстоящем путешествии Коррина по Йельмеру. Лестер прекрасно понимал, что его собственный отъезд в Кесс означает конец их отношений. Коррин снова приблизился к нему, и, повинуясь порыву какой-то внезапной нежности и грусти от предстоящей разлуки, взял руку Лестера в свою, крепко сжал, поцеловал костяшки его бледных пальцев и вышел из комнаты.

Растерянный и поникший Лестер, чувствуя себя так, будто он находится в каком-то дурном сне, вернулся к столу и сел. Он хотел было дописать письмо сестре, но так и не смог сосредоточиться. Мысли не слушались и возвращались к Коррину, он долго еще сидел беспомощно крутя в руках перо с засохшими

чернилами. Искал ли Коррин удобный способ закончить эти отношения? Он так легко воспринял известие о расставании. Тогда все складывается удачно для них обоих. «Он никогда и не был в меня влюблен. Я же это всегда знал, а все равно надеялся» — вдруг подумал он. Уязвленный этой простой мыслью и чувствуя себя дурак дураком, Лестер вскочил, пнул с размаху деревянный стул так, что тот отъехал и врезался в стену, а потом сел на пол и спрятал мокрое лицо в ладонях. Последний раз он позволял себе плакать восемь лет назад, когда хоронили мать и младшего брата.

***

Отряд принца Ритгарда состоял из него самого, мастера меча Энарина, Коррина в новом статусе оруженосца, Вейса Балвина, двадцати стражников и дорожной кареты, в которой в одиночестве сидел Балвин-старший. Они выехали за пределы столицы и неспешно двинулись по главному тракту вдоль пригородных селений, во множестве раскиданных вдоль берега реки. Королева и придворный маг, проводив принца и его свиту, поднялись на городскую стену, чтобы посмотреть, как отряд будет пересекать долину. Ритгард все еще мог видеть их обоих — маленькие точки на вершине каменной стены. Мантия старого мага сливалась со стеной, делая его почти невидимым с такого расстояния, но синее платье матери, ярким пятном выделявшееся на фоне серого камня, было хорошо видно издалека. Ритгард еще раз взмахнул рукой на прощание, увидел, как взлетела вверх ее рука с белым платком, а затем попытался сосредоточиться на дороге. До этого дня он редко выезжал за пределы долины, и теперь, предвкушая путешествие, смотрел на знакомые с детства пейзажи как на что-то новое.

Деревенские ребятишки, задорные и шумные, встречали отряд вдоль дорог, махали и выкрикивали приветствия, а принц натянуто улыбался и кивал в ответ. Из головы у Ригарда не шло печальное лицо матери, когда она провожала его в дорогу. Парень чувствовал себя немного виноватым из-за того, что оставляет ее одну в столице, но и приглашенный ле-

карь, и старик Лотиус в один голос твердили, что королеве нужно беречь здоровье, и такие поездки уже не для нее. Он и сам замечал, что мать, которая и без того не была особо энергичной, теперь постоянно выглядит уставшей и даже стала уходить отдыхать после обеда, чего раньше никогда не делала. Ритгард тряхнул головой, словно пытаясь отогнать назойливое чувство вины и тревогу. С матерью все будет хорошо, с ней фрейлины, советники и Лотиус. Успокоив себя таким образом, принц начал рассматривать пейзаж, стараясь подмечать разные детали. Отряд как раз проехал примыкавшие к столице деревни, и теперь свернул на северный тракт, вдоль которого по одну сторону простирались начинающие уже цвести луга, а по другую — недавно засеянные, еще голые поля. Вдалеке, в паре часов пути виднелся лес, через который они будут ехать большую часть дня, а за лугом еще был виден изгиб широкой реки, несущей свои беспокойные воды в Длинное море.

Лето лишь недавно вступило в свои права, листья и трава были еще того нежного зеленого оттенка, который дает только молодая поросль. Солнце грело спину и затылок мягким утренним теплом, притороченный к седлу длинный меч тихонько постукивал по ноге в такт движению лошадиных ног. Ритгард глубоко вдохнул еще не прогретый солнцем и хранивший следы ночной прохлады воздух, и поймал себя на том, что улыбается. Приятно все-таки жить, если ты молод, полон сил, впереди ждет путешествие, и вся эта чудесная страна с ее долинами, лугами, лесами и озерами принадлежит тебе. В голове у принца начали всплывать фрагменты из истории Йельмера — старая столица, основание Кайтерна и череда его собственных предков, правивших этим краем с давних времен.

Месторасположение Кайтерна считалось крайне удачным — изначально замок был построен, как и все подобные сооружения, на возвышенности, а потом, после того как старая столица в очередной раз была разграблена и сожжена морскими разбойниками, тогдашний правитель, Ленсил (известный еще и тем, что наплодил по одним источникам пятнадцать, а по другим —

более двадцати детей от двух жен и многочисленных, как он их называл, «любых сердцу дев»), решил обосноваться подальше от побережья. А затем, после долгих поисков, было выбрано идеальное по его мнению место — холмистая долина в одном дне пути от моря.

Здесь было довольно места для целого города: с одной стороны высокие холмы затрудняли подходы для вражеских войск, с другой протекала река, впадавшая в Длинное море. Она была довольно широкой и глубокой на всем пути от долины, где расположился Кайтерн, и до самого устья. Это означало, что торговые корабли, по крайней мере не слишком большие, могли спокойно заплывать со стороны моря и двигаться до самого Кайтерна. Также реку можно было использовать как источник питьевой воды и для запруды рва перед городскими стенами. Долина подле столицы являла собой идеальное пастбище для скота, а вдалеке виднелась небольшая горная гряда, покрытая лесом.

Пока год за годом постепенно рос на фоне холмов силуэт нового замка, вокруг уже формировался город, чьи границы были очерчены каменными стенами и рвом. Измученные набегами с моря, люди с радостью строили дома в этом, казавшемся таким безопасным, месте. Торговля, благодаря реке, шла все также бойко, и Кайтерн расцвел. На месте же прежней столицы, сожженной разбойниками, остались небольшой порт и гостиный двор, где продолжали принимать купцов и их корабли. Правда, позже земли у моря были пожалованы многим йельмерским лордам. Но, как ни странно, самые знатные из них по-прежнему предпочитали селиться в глубине материка, и тех, кто проживал неподалеку от моря, презрительно называли мокроногими.

Ритгард подумал, что Ленсил, должно быть, был из тех редких счастливчиков, наделенных неисчерпаемым запасом жизненных сил, иначе как бы он смог за пятьдесят лет своей жизни успеть заложить город с замком, пережить двух жен, заделать уйму детей, да еще править королевством, улаживая междоусобные конфликты местечковых лордов.

Пока принц размышлял о своем жизнелюбивом предке, отряд подъехал к небольшому лесу. Солнце к тому времени успело уже высушить росу и изрядно нагрело воздух вокруг, даже рукояти мечей стали горячими. Въезжая в лес, Ритгард был только рад, что самую жаркую часть дня они проведут в тени деревьев.

Он оглянулся на едущего позади Коррина и пожалел, что они не путешествуют втроем — он сам, Коррин и Энарин. Оба понимали, что не стоит слишком выставлять эту дружбу напоказ, ведь принцу полагалось общаться больше с равными себе по положению, хотя Ритгард частенько нарушал эти правила, преспокойно обращаясь к простым горожанам и не чураясь поговорить порой с самыми бедными из своих крестьян. Пусть даже нынешний статус друга стал куда выше, чем у обычного слуги, на их общение все еще косо смотрели при королевском дворе, а Ритгард с детства слышал от матери и учителей, что престиж правителя определяется в том числе и людьми, которые к нему приближены. В то же время простые манеры принца полюбились жителям Кайтерна, что тоже было важно, и Ритгарда смущали эти противоречия. Неужели нельзя просто быть в хороших отношениях со всеми?

Итак, по неписаным правилам Ритгарду больше пристало общаться с сыном торгового советника, который унаследовал от деда по матери титул барона. Вейс молча ехал по правую сторону от принца и думал о чем-то своем. Обычно Ритгард старался уделять внимание окружавшим его людям, хотя особенно близкой дружбы между ним и сыновьями местных лордов, приглашенных ко двору в качестве его компаньонов, так и не сложилось. Однако некоторых из них он вполне мог бы отнести к разряду хороших приятелей. Странно, что мать не позволила ему взять с собой Лестера и Клайна, наверное решила, что будут отвлекать его от обязанностей. Оба они часто составляли Ритгарду компанию на охоте, и не раз тайком выводили его из замка по ночам, отправляясь в лучший городской трактир «Пьяный шмель», известный своей душистой медовухой, легким сидром и такой ядреной травянкой, от которой подкашивались ноги да-

же у самых крепких мужчин. Оба парня были не против, чтобы и Коррин время от времени участвовал в этих ночных вылазках, а однажды они даже Вейса взяли с собой.

Ритгард тихонько хихикнул, вспомнив, как накануне Зимостоя после посиделок в «Пьяном шмеле» они притащились в веселый дом, который содержала Агнета, и потребовали комнаты и девиц посмазливее. Сам он до этого уже бывал у Агнеты, в прошлом году Клайн повел их с Лестером туда, чтобы наконец-то, как он выразился «познать приятнейших и распутнейших дев Йельмера». Для Ритгарда тогда все это было впервые, он помнил и пухленькую синеглазую девушку, которая увела его в свою комнату, и родинку на ее левой груди, которая подпрыгивала в такт, когда она двигалась, сидя на нем. Принц отогнал волнующие воспоминания о девице и вернулся к тому зимнему вечеру у Агнеты, когда они привели с собой Вейса.

Он хорошо помнил, что парень тогда дико засмущался и покраснел до самых волос. Так и стоял столбом, не зная, куда девать глаза, пока одна из девушек с хохотом не принялась ластится к нему и предложила пойти с ней. Вейс, совершенно ошарашенный, послушно пошел за ней и на лестнице так засмотрелся на девицу, что оступился и чуть не свалился вниз. Он хотел было убежать из веселого дома, до того ему стало стыдно от своей неловкости, но девушка оказалась проворнее. Она крепко схватила его за руку и под всеобщее улюлюканье все-таки увела Вейса с собой.

Ритгард вспомнил, как Клайн хохотал над неуклюжим Вейсом так, что из глаз потекли слезы, Лестер тоже смеялся, как и сам Ритгард. После этого Вейс наотрез отказывался участвовать в их развлечениях и вообще старался держаться от их компании как можно дальше.

«Не было ли это слишком жестоко?» — подумал только теперь Ритгард, глядя на вечно сутулящегося парня, склонного к полноте, как и его отец, и смущавшегося от каждого внимательного взгляда.

Не привыкший долго раздумывать над внутренними дилеммами, Ритгард решил сам спросить Вейса об этом, тем более, что

в пути заняться было больше нечем. Спесь и гордыня определенно не были ему свойственны, даже мать и советники частенько говорили, что иной раз не мешало бы и показать некоторую надменность. Они опасались, что подданные не будут уважать короля, который позволяет себе быть с ним на короткой ноге. Однако пока все было наоборот — люди любили юного принца за открытость и простой нрав.

–Послушай-ка, Вейс, помнишь, как мы ходили в веселый дом зимой? Мы тогда вовсе не думали над тобой потешаться. Но выглядело все это и правда забавно, — сказал он, приглушая голос, чтобы окружающие не услышали его слова.

Вейс, совершенно не ожидавший упоминания о том случае, начал быстро покрываться краской. Ритгарду даже показалось на секунду, что парень близок к тому, чтобы развернуться и ускакать обратно в столицу.

–Я понимаю, ваше высочество, я… ну, не сержусь на вас, — тихо промямлил он, смущаясь еще больше.

–Мы не при дворе сейчас, Вейс, и не на приеме, можешь обращаться ко мне просто по имени. Ты же знаешь, я не люблю все эти церемонии. Скажи, а было у тебя все-таки что-то с той девицей? Ты проторчал в ее комнате довольно долго, — Ритгарду вдруг стало любопытно, хватило ли скромнику Вейсу смелости на что-то более серьезное, хотя он почти не сомневался, что нет.

Он весело глянул на своего спутника. Однако Вейс, надо отдать ему должное, сумел наконец побороть неловкость и ответил.

–Было. Ну, только не сразу, — замялся он.

–Ого, а ты не промах, Вейс! — присвистнул Ритгард. — Почему же ты с нами больше не ходил? Неужели не понравилось?

–Понравилось, — пробормотал парень. — Но мне не хотелось, чтобы надо мной снова смеялись.

Теперь неловко стало Ритгарду. Может мать отчасти и права, говоря, что Клайн и Лестер плохо на него влияют? Разве этому его учили с детства — смеяться над беззащитными людьми только из-за того, что те краснеют и неуклюжи с девушками? Ему по-

думалось, что над Вейсом итак все потешаются, тут не помогает ни статус и деньги его отца, ни дорогая одежда, ни лучшие учителя.

Как-то раз он спросил Энарина, почему тот продолжает учить Вейса биться на мечах и всегда старается быть терпеливым с ним, хотя даже собственный отец считал, что парню лучше бы заняться торговлей, а мечи — это дело для него безнадежное. «Он хочет стать лучше, чем есть. Это достойное желание. Немногие люди на это способны, Ритгард. Стоит это ценить» — ответил ему тогда наставник.

Ритгард в тот момент не понял его слов, сложно ему было понять их и сейчас, ведь самому ему никогда особо не приходилось стараться. Обучение наукам давалось ему довольно легко, разве что кроме языков других стран, преуспевал он и в битвах на мечах, и в охоте, был весьма неплох в переговорах, танцах и прочих занятиях, заполнявших жизнь наследника трона. На этот раз, не имея возможности отвлечься на что-то иное, принц задумался о словах наставника. «Наверное это когда ты пытаешься что-то делать и не бросаешь, даже если не выходит. Как если бы я все равно учил кесский, несмотря на то, что мне не нравится и иногда сложно?» — придя к более-менее устраивавшему его выводу, принц снова обратился к Вейсу.

–Я бы хотел извиниться перед тобой. Мы смеялись тогда не со зла. Ты неплохой парень, Вейс. Даже мастер Энарин сказал однажды, что ты стараешься стать лучше, чем ты есть, и это очень ценное качество.

Затем, не дожидаясь ответа от удивленного паренька, Ритгард пришпорил коня и поскакал в начало колонны, где ехал Энарин, о чем-то беседуя со стражником. Будучи по своей природе скорее склонным действовать, чем размышлять, принц чувствовал в дущше некий осадок после разговора с Вейсом Балвином. Такие размышления не были ему свойственны и либо нагоняли тоску, либо заставляли испытывать странное, не слишком-то приятно неудобство, а потому он почел за лучшее на время сменить обстановку и собеседника.

–Ценное качество… Лучше, чем есть, — прошептал Вейс, ошалело глядя на спину умчавшегося вперед принца.

Балвин-младший был ужасно польщен этими словами и извинениями Ритгарда, которого он привык считать в целом незлобным, но довольно легкомысленным и порой не слишком внимательным к чувствам других людей человеком.

Минул полдень, остановку сделали ненадолго, все перекусили хлебом с сыром, передавая друг другу флягу с вином. В подобной поездке глупо было бы выделяться и требовать себе жареного кабана, даже если ты принц. Да и новизна этой простоты пленяла Ритгарда после церемонных трапез в замке. Впрочем он и в целом не был поклонником пышных и помпезных застолий. Если при своих еще позволялось вести себя более непринужденно, то на приемах послов или знатных гостей, требования становились более жесткими. А сейчас можно было смеяться и болтать со всеми, и даже участие в беседе Коррина не казалось неуместным. Приятное ощущение свободы проснулось у него внутри, и, когда караван снова двинулся в путь, принц с улюлюканьем поскакал во весь опор, подгоняя лошадь и крича Коррину и Вейсу, чтобы догоняли. Парни тоже рванули с места, Коррин негромко смеялся, а Вейс просто улыбался и, с новым для него ощущением веры в себя, подстегивал коня. Они скакали вперед, подгоняемые своей юностью, энергией и передавшимся им энтузиазмом Ритгарда, не обращая внимания на то, что за ними сразу же выдвинулись пятеро стражников. Нельзя выпускать из виду наследника трона, даже если он путешествует по собственной земле.

К ночи разбили лагерь, мужчины зажгли костры и принялись варить похлебку из щипанного гуся. Энарин с Коррином, Ритгард и осмелевший вдруг Вейс отправились ставить силки на кроликов. Если повезет, то к утру кто-нибудь попадется, но для этого нужно отойти подальше от лагеря, иначе добычи точно не видать. На самом деле особой нужды добывать еду не было, по пути их ждали трактиры, где можно поесть, а затем поместья и замки, хозяева которых будут устраивать роскошные

обеды и ужины по поводу визита наследника престола. Однако Энарин считал, что подобные умения лишними не будут. К тому же, никогда не знаешь, что случится в дороге, может мешок с провизией утащит хищник, или смоет в воду при переправе. На этот случай лучше уметь самому добыть себе пропитание.

Когда силки были поставлены, все двинулись обратно к лагерю. Коррин слегка отстал, и Ритгард пошел рядом с ним, позади Энарина и Вейса, который задавал мастеру меча множество вопросов о приготовлении крольчатины. «Хочет быть во всеоружии» — улыбаясь подумал Ритгард, представляя, что выйдет из кроличьего мяса, если доверить его готовку неуклюжему Вейсу.

Какое-то время оба парня шли молча, а потом Ритгард задал вопрос, который занимал его со вчерашнего дня.

–Я заходил к Лестеру перед отъездом. И он был как бы… ну, не в себе немного. Когда я упомянул тебя, то он чуть не испепелил меня взглядом. Вы что рассорились?

Все знали, что отпрыск герцога Локвуда дополнительно тренируется с оруженосцем Энарина. Это было обычным делом, никого не удивлявшим. Поэтому люди не обращали особого внимания, когда время от времени видели их вместе. Ритгард тоже относился вполне спокойно к тому, что его друг довольно часто проводил время с Лестером, не видя в этом никакой подоплеки. Он искренне полагал, что Коррин и Лестер стали приятелями.

Коррин в первое мгновение испугавшийся, что Лестер со злости или от отчаяния мог проболтаться, понял, что вопрос друга вполне невинный. Он всегда боялся, что его отношения с Лестером станут известны, и даже не знал, что пугает его больше — всеобщее осуждение и изгнание, старый обычай оставлять пойманных любовников одного пола привязанными в деревьям в глубине леса на милость духов и диких зверей или же то, как все это воспримет Ритгард. Несмотря на то, что во многом в Йельмере людям предоставлялось достаточно свободы, особенно по сравнению с более закрытым и агрессивным Тейвазом, расположенным по другую сторону Длинного моря, отношения

со своим же полом очень сильно порицались, и никому не хотелось быть уличенным в подобном. Поэтому Коррину и Лестеру приходилось быть очень осторожными. Лишь духи да Единые знали, какой бы разразился скандал и что бы сделал герцог Локвуд, если бы открылось, что его сын делил постель с мужчиной.

–Мы, ну да, слегка повздорили, — ответил Коррин, думая, что в общем-то не слишком согрешил против правды, говоря это. — И он был расстроен, сказал, что отец отправляет его в Кесс, изучать мастерство переговоров или что-то вроде того.

–Ах, вот оно что, — с облегчением произнес Ритгард, старательно обходя корни деревьев в полумраке. — Теперь я вспоминаю, что лорд Роймас упоминал об этом на прошлой неделе. Я так полагаю ему не помешает развеяться, а то он уже давно сам не свой, даже в веселый дом с нами уже год как не ходит. Девицы до сих пор о нем спрашивают.

Коррин лишь что-то промычал в ответ, радуясь, что друг не видит его лица в темноте, и оба они замолчали. Ночь вступала в свои права, и все вокруг стремительно растворялось в темноте. Под ногами мягко пружинила хвоя, время от времени слышались крики птиц. Почувствовав, как под одежду уже начинает забираться прохладный ночной воздух, парни прибавили шаг, догоняя спутников.

В лагере вовсю шла подготовка к ночлегу: достали одеяла, принесли хворост, кто-то рубил найденную неподалеку толстую ветку. Распряженные лошади неторопливо щипали траву.

После ужина стражники разделились: одни легли спать, другие принялись готовиться к ночному дежурству. Ритгард видел, как устраивается на ночлег толстый Тедар Балвин, ворча о неудобствах походной жизни, как молча закутывается в свое шерстяное одеяло Коррин. Принц заметил, что Энарину выпало быть в дозоре, и неподалеку от него, к своему удивлению, увидел и Вейса, по всей видимости вызвавшегося подежурить добровольно. Балвин-младший накинул одеяло на плечи, положил возле себя фляжку с вином и небольшой меч, чья рукоять мягко блестела в свете костра, а сам, покидав на траву еловых

веток, уселся на них и со своего места стал разглядывать лагерь.

Ритгард поправил свое ложе из веток, бросил сверху мешок с вещами, лег спиной к костру и закутался в одеяло. Принц закрыл глаза, представляя, что сейчас происходит в замке. Он будто наяву видел сидевшую за столом мать. Черные волосы заплетены в косу, перевитую плетеными шелковыми шнурами, на пальцах поблескивают кольца, на лице, уже тронутом увяданием, тревогами и заботами пролегли тонкие морщинки, которых он раньше не замечал. Она выглядела такой печальной, что Ритгард вдруг захотел взять мать за руку и сказать, что все хорошо, что он станет достойным королем, как она всегда и хотела. Принц протянул руку и положил свою ладонь поверх хрупких пальцев матери. Она вдруг посмотрела на него и Ритгард увидел, как стремительно начали белеть ее волосы, мгновенно старилось и иссыхало лицо и тело, одежда истлевала, и пару мгновений спустя он уже держал за руку голый скелет. Принц в ужасе отшатнулся и тут же проснулся. Спину холодил липкий пот, и Ритгард, скованный пережитым кошмаром, какое-то время боялся пошевелиться. Вскоре принц услышал встревоженный шепот и лишь после этого открыл глаза. На него испуганно смотрел Вейс.

–Ритгард? Мастер Энарин отправил меня обойти лагерь, и я увидел, что ты мечешься во сне, — объяснил парень, открыл фляжку с вином и протянул ее парню.

–Да, дурной сон привиделся. Спасибо, Вейс, — коротко поблагодарил принц.

Он выпил немного вина, чувствуя мягкие волны тепла, расходящиеся по телу, и осмотрелся вокруг. Все спали, часовые сидели достаточно далеко отсюда и лишь пару раз покосились в их сторону. Когда Вейс вернулся на свое место возле Энарина, Ритгард поправил одеяло и перевернулся на спину. Черное небо с холодными огоньками звезд нависало над лесом, и казалось, что стволы деревьев с раскидистыми ветвями поддерживают его подобно живым колоннам. Ритгард принялся рассматривать тем-

ное полотно и выискивать знакомые созвездия, чтобы успокоиться и отогнать жуткую картину из своего сна. Вот Мельница, с кривым звездным колесом, рядом с ней Пастух, а дальше, самое яркое в летнее время — созвездие Элендэйла, и впрямь напоминавшее фигуру человека с поднятым мечом. Перебирая в голове названия созвездий и глядя на их такую далекую от всего земного, сияющую красоту, Ритгард постепенно ощутил умиротворение и, незаметно для себя самого, снова заснул. На этот раз сон его был крепким и спокойным, безо всяких кошмаров.

3

Утро выдалось пасмурным и неприятным. Придворный маг, не так давно отметивший семьдесят шестой день рождения, с трудом встал с кровати. Годы идут, и тело дряхлеет, от этого не спасет ничто, даже если ты самый сильный заклинатель во всем королевстве. Старик вздохнул, оделся и подумал, что уже давно пора передать место ученику. Парень вполне готов, он научил его всему, чему мог, а остальному научат жизнь и опыт. Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как дверь открылась и в нее неспешно вошел Мейнан.

Помощник и ученик мага был высоким, на голову выше всех вокруг, и таким худым, что только диву оставалось даваться, куда уходит вся та прорва еды, которую он поглощает. Глаза Мейнана, широко расставленные и немного навыкате, напоминали рыбьи; они были почти лишены цвета, как и блеклые мышиного цвета волосы. Нос у парня был узкий, кожа почти прозрачная, даже слегка сероватая. И все это дополняли излишне широкие скулы и совершенно несуразный, тяжелый квадратный подбородок. Все бы ничего, если бы этой малоприятной наружности не соответствовал столь же отталкивающий, по мнению окружающих, характер. Мейнан, хоть и прожил в замке уже добрых четыре года, так и не завел ни с кем близкого знакомства и не нашел друзей. Его интересовала лишь магия. Что же касалось людей, то придворный маг порой сомневался, замечает ли их Мейнан вообще.

Лотиус только приветствовал усердие и желание учиться, но Мейнан, казалось, кроме книг, трав и заклинаний не видел смысла вообще ни в чем. Он готов был сидеть за чтением фолиантов до самого утра, сжигая бесчисленное количество свечей, старался развивать свой талант к огненной магии и даже сумел неплохо вырасти во владении стихией воздуха. Последнее счи-

талось большим достижением, ведь две стихии у одного мага были довольно редким явлением. Обычно обнаруживалась способность к управлению лишь одной стихией. Это уже считалось еликим даром духов, но иметь два дара и преуспеть в их использовании — это была истинная удача и большой труд.

В целом огненные маги не были столь востребованы в мирное время, как водные, воздушные или земные, которые могли при необходимости пригнать дождевые тучи, притянуть воду из подземных источников или ускорить рост урожая. Однако во время войны талант их пригождался как нельзя кстати, только вот Йельмер не воевал уже почти сто пятьдесят лет, потому Лотиус и настаивал на том, что бы ученик тренировался и с воздушными заклинаниями тоже. И, если со стихиями за четыре года парень достиг больших успехов, то этого никак нельзя было сказать об искусстве общения.

То и дело Мейнан умудрялся попасть в глупые ситуации и невольно оскорблял и знатных господ, и слуг. Делал он это не нарочно, казалось, в голове у парня просто не задерживаются общепринятые правила поведения — он мог запросто разглагольствовать о магии, не видя, что его собеседнику скучно, мог задуматься о чем-то своем посреди разговора и уйти, оставив других лишь с недоумением глядеть ему вслед. «Надо же было, чтоб такой талант достался этому странному, рыбоподобному мальчишке. Природные способности и интуитивное понимание магии, и при этом совершенно не умеет ладить с людьми» — сокрушался порой придворный маг, наблюдая, как тяжело Мейнан постигает искусство общения с обитателями замка.

Однако сам парень похоже не придавал этому особого значения. «Люди, люди, люди, не слишком ли много чести? Я могу лечить, если надо, могу согнать тучи при засухе, могу даже подпалить вражеское войско, если на нас нападут, но я не обязан снисходить до глупой придворной болтовни, а политика мне неинтересна. Только магия важна в этом мире, а остальное все ерунда» — однажды заявил Лотиусу ученик, флегматично глядя на старика своими рыбьими глазами, когда тот попытался в оче-

редной раз донести до него важность умения строить отношения с людьми. И все же, спустя четыре года, старому магу удалось немного пообтесать ученика в том, что касалось манер, и тот, если и не придавал значения окружающим, то теперь хотя бы перестал открыто демонстрировать это.

Сейчас он столь же невозмутимо склонил голову перед наставником и ровным голосом доложил, что королева больна, его разбудили на рассвете, он осмотрел ее и велел поить отваром из листьев малины и шалфея.

–Почему разбудили тебя, а не меня? — спросил Лотиус, догадываясь, каким будет ответ.

–Сказали, что королева не велела тревожить вас, — пожал плечами Мейнан.

Старый маг прекрасно знал, что парень далек от амбиций занять его место, что Мелезия щадила его преклонный возраст, но малая толика горечи все же всколыхнулась в его душе. Королеву он знал с детских лет, в свое время учил читать, писать, распознавать травы, а потом долгие годы был ее советником. Лотиус любил ее, как любил бы собственного ребенка, если бы жизнь подарила ему семью и детей, и ему тяжко было осознавать, что из помощника он превращается для королевы в обузу. И все же, наверное стоит поступиться своей гордостью и попросить передать место придворного мага Мейнану, раз уж даже она переживает по поводу его здоровья.

–Что с ней? — коротко вздохнув, спросил Лотиус.

–По-моему обычная лихорадка. Вы бы пока не ходили к ней, все равно еще спит, — сказал Мейнан, спокойно глядя на учителя, а затем без лишних разговоров принялся за завтрак.

На столе уже стояло принесенное служанкой блюдо с хлебом, сыром и куском ветчины, рядом маленькая тарелка с маслом и кувшин с легким имбирным пивом, еще из зимних запасов. Старику не очень хотелось признавать правоту Мейнана, он действительно ничего не смог бы сделать для королевы сейчас, и ему пришлось смириться с происходящим. Придворный маг

сел за стол и тоже принялся есть, однако не получил от пищи никакого удовольствия.

К обеду присланная от Мелезии служанка доложила, что госпожа проснулась и хочет видеть придворного мага. Девушка бросила заинтересованный взгляд в сторону Мейнана, увлеченного схемой какого-то нового заклинания, а затем, видя, что тот ее попросту не замечает, разочарованно отвернулась и поспешила обратно в покои королевы.

Когда старик вошел в королевскую спальню, Мелезия уже сидела, опираясь на подушки, но вид женщины все еще оставлял желать лучшего. Ее бледность и худоба в последнее время никак не проходили, а теперь их дополнял нездоровый румянец и прилипшие ко взмокшему лбу пряди черных волос. Увидев старика, она отослала служанок и предложила ему присесть в деревянное кресло с резными ручками, стоявшее возле кровати.

–Лотиус, мой старый друг, я не хотела беспокоить тебя. Мейнан вполне справился. Это всего лишь простуда, — сказала она, но Лотиус уловил в ее голосе нотки тревоги.

–Только ли простуда, моя королева? — взволновался старик, ласково беря ее руку и проверяя, как бьется сердце.

Королева прикрыла глаза, будто делая над собой усилие, тяжело вздохнула и посмотрела в добрые карие глаза старика. От него не стоило скрывать, он может помочь ей. Только он один, по сути заменивший ей отца, знал, что случилось в лесу семнадцать лет назад, он защитил ее и Ритгарда охранным заклинанием и пресек все сплетни, ходившие об отце мальчика.

–Не только. Это лесной господин. Ты знаешь, Лотиус, что я вижу его во сне постоянно, с тех пор как покинула то место, но сейчас все иначе. Как-будто исчезает какая-то тонкая дымка, и теперь он может подбираться ближе. И сны эти стали слишком реальными. Они пугают меня. Он будто бы совсем рядом, следит за мной и смеется.

–Вы больны, моя королева, думаю это и ослабило магию, позволив ему подобраться ближе. Я могу снова прочесть защит-

ное заклинание и послать за принцем, — сразу же предложил обеспокоенный старик.

–Думаю заклинания хватит. Ритгард уехал всего неделю назад, у него есть долг перед страной и подданными, не стоит его беспокоить. Пусть мальчик посмотрит, как живут люди, пусть наслаждается молодостью и свободой, пока не пришло его время править. Ему итак было тяжело оставлять меня, — покачала головой королева.

–Тогда я велю Мейнану принести все необходимое для заклинания.

–Ему не нужно знать об этом, Лотиус. Я пока не могу доверять ему так, как тебе и не могу подставлять под удар сына. Если правда выйдет наружу, то он может лишиться всего. Мейнан талантливый юноша, но, боюсь, не тот, кому я смогла бы доверить эту тайну.

–Хорошо, моя королева. Не беспокойтесь, я прочитаю заклинание сам.

***

Уже перевалило за полночь, когда старый маг вернулся в свои покои. Мейнан, вопреки обычной привычке засиживаться иной раз чуть не до рассвета, уже спал, оставив на столе раскрытую книгу и листы с выписками.

Лотиус шел с большим трудом, заклинание тяжело далось ему в этот раз, и он уже жалел, что не настоял на помощи ученика. Если Мелезия не доверяет пареньку, как тот сумеет защитить ее от лесного господина, когда сам Лотиус уже будет не в силах это сделать? Нужно серьезно подумать об этом утром.

Старик едва не упал, но успел ухватится за спинку стула, пальцы нащупали знакомую резьбу — форель среди озерных кувшинок. Эту мебель когда-то подарил ему еще отец нынешней королевы. Осталось пройти совсем немного, пара шагов, и он уже будет в своей постели, а завтра попросит освободить его от обязанностей придворного мага. Да, завтра утром, а пока он так мучительно устал, что может думать только о том, как бы поскорее лечь и уснуть. Старый маг доковылял до кро-

вати, медленно и с большими усилиями взобрался на нее, и, не раздеваясь, опустился на перину. Сил его едва хватило на то, чтобы натянуть на себя одеяло и волчью шкуру. Он закрыл глаза и почти сразу же уснул. Тяжелое дыхание, перемежавшееся неровными хрипами, какое-то время нарушало тишину ночи, затем раздалось несколько коротких свистящих вдохов, и комнату окутала тишина.

Утреннее солнце начало свой путь, освещая сонные улицы Кайтерна. Город медленно просыпался и не спеша открывал глаза. Дома с закрытыми ставнями словно бы еще дремали, как и их обитатели. Первыми появились на улицах трудяги из рабочих кварталов: плотники, пекари, пастухи и прочий рабочий люд. Они зевали, кутались в свои куртки, кое-кто на ходу доедал прихваченный из дома ломоть хлеба или яблоко.

Утро в замке начиналось на кухне. Слуги быстро съедали немудреный завтрак и принимались за будничные дела — мытье, стирку, штопку и приготовление пищи для знатных обитателей замка. Уже сменился караул на городских и замковых воротах, когда служанка, принесшая завтрак в покои придворного мага, обнаружила, что ни старик, ни его ученик еще не встали. Девушка поставила поднос на стол и принялась открывать ставни, чтобы впустить в комнату немного света. Она заметила, как заворочался, пробуждаясь ото сна, ученик мага. Парень повернулся, приподнял с подушки растрепанную голову и уставился на нее, с уже привычным, флегматичным выражением лица. Девушка едва сумела сдержать смешок, делала быстрый реверанс и скрылась за дверью.

Мейнан почесал затылок, потянулся и вылез из-под одеяла, а затем начал одеваться. Холодная вода окончательно пробудила парня, коварно забравшись под ворот рубашки и растекаясь по телу ледяными ручейками. Вытершись полотенцем с обережной вышивкой, Мейнан пригладил рукой свои мышиные волосы и занялся завтраком. Его нескладные длинные руки замелькали над подносом, проверяя, чем можно поживиться сегодня.

«Пшеничная каша с маслом и яблоками, темный хлеб, сладкие булки и легкое пиво» — перечислил он про себя.

–Мастер Лотиус, завтрак принесли! — позвал Мейнан, решив разбудить старика, пока каша не остыла, а сам принялся раскладывать ее по мискам.

Не услышав ответа, Мейнан пригляделся к кровати старика, и тут ложка, выпала из его руки, громко стукнулась о лавку и отлетела в угол комнаты. Лотиус лежал без движения. Глаза его были закрыты, скрюченные морщинистые пальцы бледными пятнами выделялись на темном меху, а рот был неестественно приоткрыт. Парень подошел к кровати и взял старика за запястье. Рука была холодной, и биения сердца не ощущалось. Придворный маг умер.

Мейнана мало что могло вывести из равновесия, но все же сейчас он немного растерялся. Как сообщить эту новость больной королеве? Кого послать? Получается, он теперь стал придворным магом? Вопросы один за другим всплывали в его голове. Парень снова посмотрел на тело старика, как-то не верилось, что это и правда случилось, хотя Лотиус сам не раз говорил, что здоровье у него сдает.

Наконец, очнувшись от охватившего его оцепенения, Мейнан вышел из комнаты и направился в покои королевы. Лотиус бы сказал, что такую новость нужно сообщать самому, а не посылать служанок. «Все же кое-что из всех этих правил поведения я усвоил. Старик был бы доволен мной сейчас» — как-то совершенно не к месту подумалось парню. Ему все еще не верилось, что старый маг мертв. Мейнан подошел к первому попавшемуся в коридоре стражнику, кратко объяснил ему, что маг Лотиус умер, нужно пойти к его покоям и никого туда не пускать, пока не решится вопрос с погребальным костром. Стражник, большую часть жизни прослуживший в замке и давно знавший старика, ошарашенно кивнул, не веря своим ушам. Неужели и впрямь старый Лотиус отправился к предкам? «Ну и дела, вот тебе и утречко! Жаль его, хороший он был и к простым людям добрый» — пробормотал мужчина себе под нос, направляясь исполнять приказ.

Мейнан дошел до двери в королевские покои и коротко кивнул стоявшим в карауле стражникам. Те, ничуть не удивившись раннему визиту ученика мага, открыли тяжелые двери и пропустили его внутрь. Тут же к нему подскочила служанка и залепетала, что королева недавно проснулась и, кажется, жар у нее прошел. Парень поблагодарил ее, пересек гостиную и вошел в королевскую спальню. Ученик мага с удивлением подметил, что ум его вместо того, чтобы сосредоточиться на том, как лучше сообщить королеве дурную весть, цепляется за какие-то детали в обстановке комнаты. Оказывается на изголовье кровати вырезаны дубовые листья с желудями, наполовину оплывшая свеча в подсвечнике, имеет зеленый оттенок, а солнце, заглядывающее в открытые окна, красиво золотит медные волосы сидящей у окна фрейлины. Медленно подходя к постели королевы Мелезии, парень старался смотреть куда угодно, но только не на нее. Лишь сейчас ученик мага понял, как тяжело ему будет сообщить новость этой несчастной больной женщине. Мейнан на секунду прикрыл глаза, набрал воздуха в грудь, поклонился и, сжав челюсти, все-таки взглянул на королеву. Он должен сказать.

–Ваше величество, я пришел сообщить вам дурную весть, — проговорил наконец парень, вдруг ощутив, как в горле его образуется тяжелый комок.

Королева Мелезия сжала одеяло своими узкими белыми пальцами и кивнула, позволяя ему говорить дальше. Она молча смотрела на стоявшего перед ней нескладного паренька с рыбьими глазами, ожидая, что же он сообщит ей.

–Лотиус… ммм, придворный маг, он мертв, ваше величество, — тихо сказал Мейнан, чувствуя, как сжимается его сердце. Это удивило парня. Мейнан не был чувствительным человеком и сам не ожидал, что на него так подействует смерть старика.

–Как? Сегодня ночью? — сдавленно спросила женщина.

Мейнан видел, что ее потрясло это известие, но многолетняя привычка правителя держать лицо сыграла ей на руку, помогая контролировать свои эмоции.

–Думаю, он умер во сне. Я не слышал вчера, как он пришел, а утром встал и нашел его уже мертвым.

–Мастер Мейнан позаботится о теле и похоронах, ваше величество. Вам лучше выпить настой. Ведь так, мастер Мейнан? — вмешалась в разговор фрейлина с медными волосами. Она подошла к королеве и подала ей кубок с отваром, который Мейнан приготовил накануне вечером. Девушка пристально посмотрела на ученика мага и приподняла одну бровь, давая понять, что его ответ данной ситуации может быть только утвердительным.

Мейнан поспешно согласился, заверил королеву, что все устроит, а позже навестит ее снова — проверить состояние и доложить о похоронах. Парень поспешно вышел и направился на поиски слуги, которого можно было бы отослать в город. Он уже не слышал, о чем говорили королева и ее фрейлина.

–Он был очень стар, он прочел заклинание ради меня, хотя мы оба понимали, что ему это может быть уже не по силам. Хильта, он же был мне как отец… — произнесла Мелезия голосом, полным горечи и боли.

«Заклинание? Так вот зачем она просила оставить их со стариком наедине. Но для чего заклинание, если это всего лишь простуда?» — изумленно подумала молодая женщина, помогая королеве поудобнее устроиться среди подушек и накрывая ее одеялом из серых заячьих шкурок. Она настояла на том, чтобы Мелезия все-таки выпила отвар, а затем сидела рядом с госпожой, пока та не уснула. Было во всем этом что-то странное, что-то тревожащее. Принц уехал, королева заболела, да еще какое-то заклинание, которое, судя по всему, стоило жизни старому магу. Хильте все это совсем не нравилось, однако, немного поразмыслив, она решила, что вероятно речь шла о каком-то простом заговоре, который оказался Лотиусу не по силам из-за почтенного возраста последнего. Успокоив себя таким образом, фрейлина тихонько поправила сползшее со спящей королевы одеяло и, захватив начатую вышивку, пересела поближе к открытому окну, сквозь которое

лился яркий солнечный свет. День обещал быть ясным и жарким.

***

«Посмотри, я почти заманил его сюда, в леса. Неужели ты думала, что я не узнаю об этом ребенке? Ты пыталась защитить его с помощью магии, но теперь, когда старик мертв, решишься ли ты раскрыть свой позор кому-то другому, поставить под удар репутацию свою и мальчишки? Доверишь ли ты кому-нибудь прочесть заклинание или сделать оберег? Ну же, что ты будешь делать, женщина? Может быть придешь ко мне сама и заключим новую сделку? Тогда я, пожалуй, позволю моему сыну остаться в мире людей» — этот холодный голос снова, спустя столько лет, звучал в голове так ясно и отчетливо, словно Мелезия вновь оказалась в том проклятом лесу. Королева вздрогнула и проснулась. Он смеялся, он опять смеялся и пытался играть с ней.

В комнате было темно, лишь кое-где виднелись бледные полосы лунного света, проникавшие через приоткрытое окно. Хильта спала на узкой кровати возле восточной стены, закутавшись в одеяло почти с головой. Королева осторожно встала, она только недавно оправилась от лихорадки, даже пропустила похороны придворного мага, будучи не в силах отправиться за город и смотреть, как его сожгут и спустят пепел в реку, согласно традиции.

«Лотиус, мой добрый старый друг, прости меня, но я должна защитить Ритгарда» — мысленно обратилась к старому магу королева. Об этом она размышляла уже несколько дней, с тех пор, как в ее сознание снова начал пробиваться голос лесного господина. Раньше, благодаря защитному заклинанию Лотиуса, она почти не слышала его, и сны, которые приходили к ней вестниками из другого мира не были такими живыми и пугающими. Теперь же все переменилось: голос громче всего звучал ночью и когда она спала, лишь дневная суета словно бы приглушала его. Мелезия пыталась заняться государственными делами, но теперь, когда ум ее словно бы

постоянно прощупывала невидимая рука, вникать в них стало гораздо сложнее. Попытка Лотиуса снова наложить на нее защитные чары не привела к успеху и к тому же вытянула из старика остатки жизненных сил. Если бы не это, не ее настойчивое желание скрыть правду ото всех, ее добрый друг мог бы прожить еще несколько лет. Что ж, можно сколько угодно корить себя за принятое решение, но сделанного не воротишь. Мелезия долго думала обо всем этом, пока вынуждена была большую часть времени проводить в постели, и пришла к выводу, что попросту не сможет попросить ученика Лотиуса, ставшего теперь придворным магом, о помощи.

«Я не могу довериться Мейнану. Нет, он слишком молод, и это значило бы рассказать ему всю правду о Ритгарде. Я не могу так рисковать. Что же теперь делать?» — с этим вопросом королева ложилась спать и вставала по утрам. Она боялась, что не выдержит долго бремени этих ярких пугающих снов и холодного голоса лесного господина. Скорее всего она попросту сойдет с ума. Лотиус когда-то говорил ей, что подобное случалось, и люди, одержимые голосами духов, в конце концов убивали себя или окружающих. Что же было для нее лучшим выходом: покончить с собой, пойти на еще одну сделку с этим проклятым духом или все-таки обратиться к новому придворному магу? Спустя неделю таких метаний, чувствуя, как голос лесного господина все сильнее туманит ее ум, в страхе за свой рассудок и судьбу сына, Мелезия наконец приняла решение.

Еще раз убедившись, что Хильта крепко спит, королева оставила у постели фрейлины конверт с запиской. Письмо предназначалось Ритгарду, а в записке, адресованной фрейлине, содержался приказ передать послание принцу лично в руки, не позволяя увидеть содержимое никому из советников. Она поколебалась немного, прежде чем снять королевское кольцо-печатку, но затем се-таки стянула его с пальца и осторожно положила поверх письма. Женщина вернулась к своей кровати, одной рукой подхватила туфли, а другой мягко прове-

ла по одеялу, коснулась спинки стула, безмолвно прощаясь со своим домом. Мелезия прекрасно понимала, что если она во второй раз окажется в мире духов, то обратно ее уже не отпустят, никакие сделки, никакие дары и обещания не купят ей свободу на этот раз. Она бросила прощальный взгляд на свое отражение в зеркале, свободной рукой прихватила с блюда несколько яблок и не оглядываясь направилась в сторону гардеробной.

Именно там находился замаскированный потайной ход, предназначенный для того, чтобы правитель мог бежать при внезапном нападении или осаде замка. Мелезия знала все тайные ходы, еще в юности ей показал их покойный Лотиус. Королева вошла в гардеробную, зажгла маленькую лампу, надела туфли, выбрала самое простое платье, которое можно было надеть без посторонней помощи, накинула на плечи теплый плащ и сложила яблоки в небольшую дорожную сумку. Здесь пока никто не ночевал, Кайлу она отпустила готовиться к рождению ребенка, а новая девушка слегла с простудой, и ее перенесли в другие покои, чтобы та не заразила королеву и ее фрейлин. Мелезия с трудом отодвинула в сторону старое напольное зеркало, нащупала нужную панель и нажала ее. Раздался глухой щелчок, но внутрь сдвинулась лишь малая часть стены. Ход был старым, им очень давно не пользовались, поэтому королеве пришлось надавить на панель еще несколько раз. Наконец, с третьей попытки стена поддалась и продвинулась глубже. Открылся узкий проход, которого вполне хватило для того, чтобы исхудавшая женщина смогла спокойно сквозь него пройти. Сначала Мелезия просунула внутрь руку с лампой и осветила черноту, царившую внутри потайного хода.

Она бегло осмотрела стены — все было в порядке, коридор не обвалился, а слева от прохода даже был закреплен давным-давно забытый кем-то факел. Женщина протиснулась через проем, поставила лампу на холодный каменный пол и всем весом налегла на стену. Еще один щелчок, и та встала на место. В маленьком кружке света, который исходил от лампы, Мелезия раз-

глядела паутину и пыль, скопившиеся на потолке и стенах за долгие годы. На всякий случай она вытащила из подставки на стене старый факел, сунула его в сумку с яблоками и только потом пошла вперед. Этот ход должен был вывести ее к старому духову камню за стенами города. «Лишь бы не было обвалов» — подумала Мелезия, ступая в темноту. Нужно было торопиться, чтобы к рассвету уже отойти достаточно далеко от городских стен. Никто не должен ее увидеть, никто не должен заметить. Она сделала свой выбор, и снова, как семнадцать лет назад, лесной господин одержал победу над человеком. Королева шла в полумраке узкого коридора, и в голове ее звучал довольный голос лесного духа: «Я знал, что ты выберешь меня, Мелезия. Что ж, я буду ждать. Мои дриады встретят тебя, и мы заключим еще одну сделку». После этих слов раздался прохладный мелодичный смешок, и голос в ее голове впервые за несколько недель затих. Теперь единственным звуком, сопровождавшим женщину на ее пути был лишь тихий звук собственных шагов.

***

–Итак, ты пришла, Мелезия. Подойди же. Я знал, что однажды этот день настанет, и ты вернешься ко мне.

Лесной господин слегка склонил голову, насмешливо глядя на нее своими неестественно зелеными глазами, все такой же молодой и пугающе красивый, как и много лет назад.

Под его взглядом Мелезия отчетливо ощутила, как сильно она постарела за эти годы. Прошло почти семнадцать лет. Уходя отсюда она была молодой, а сейчас ей было уже больше сорока, тонкие морщинки пролегали вдоль ее лба и под глазами, кожа потускнела, и в волосах начала появляться первая седина. Да, она все еще была хороша собой, но это была красота увядающая, такая блеклая на фоне вечно юного лесного народа и их повелителя.

В этот раз ее провели в мир духов дриады, а сам лесной господин спокойно ждал, сидя на живом троне, сплетенном гибкими ветвями молодых ивовых деревьев. Женщина не припоминала, чтобы он хоть раз сидел на троне в прошлом. Наверное это

насмешка над ней, над тем, что ей, королеве среди людей, пришлось оставить свой собственный трон и подчиниться его воле. С ивовых подлокотников свисали длинные тонкие ветви с острыми листьями. Ветви эти колыхались и легонько подрагивали. Они напомнили Мелезии живые стены беседки, в которой она жила здесь когда-то, и воспоминания о времени, проведенном в мире духов, как всегда, породили в ней волнение и стыд.

Ухмылка лесного господина стала шире, подчеркнув его заостренные черты и сделав лицо еще менее похожим на человеческое. Мелезия поняла, что он прочел ее мысли. О чем бы она ни думала, здесь ее ум будет для него открытой книгой. Память, мысли, чувства — он теперь может видеть все, но разве это имело значение, если он пообещает оставить ее сына в покое? Неожиданно для себя самой Мелезия осознала вдруг, как она устала. Устала от вечного страха за себя и Ритгарда, устала от обязанностей правителя, даже от самой жизни. Она так долго пыталась стереть из своей памяти лесного господина и дни, проведенные с ним в мире духов, так боялась снова его увидеть и что теперь? Вновь встретившись с ним лицом к лицу, женщина поймала себя на мысли, что не так уж она и боится. По правде сказать, Мелезия ожидала, что все будет гораздо хуже. Она знала, что если лесной господин даст слово не пытаться заманить Ритгарда сюда, то сдержит его, но также помнила о хитрости и коварстве этого духа. Когда они заключили сделку в прошлый раз, это стоило ей дочери и мужа. Что он сотворит после с ней после новой сделки, Мелезия думать не хотела. Вряд ли он снова захочет сделать ее своей любовницей, теперь она для него стара и некрасива. Мелезия очень ясно читала это в его глазах. Что же тогда? Превратит в дерево? Сведет с ума? Кто знает, как далеко простирается его жестокость? В любом случае она больше никогда не увидит сына, но хотя бы сумеет купить ему свободу.

Бывшая королева медленно приближалась к ивовому трону, мысленно прощаясь со всем, что было дорого ее сердцу в людском мире. Подол ее платья, грязный и запыленный, тянулся

по нежной серебристо-зеленой траве и рассыпанным по поляне мелким звездчатым цветам, безжалостно сминая их своей тяжестью. Когда она подошла достаточно близко, лесной господин остановил ее взмахом своей тонкой узкой руки.

–Ты все еще не поприветствовала меня как своего господина, — жестко сказал он.

Его холодные зеленые глаза сверлили стоявшую перед ним женщину.

— Поклонись. Поклонись мне, как королю и хозяину этого места, а потом мы обсудим сделку.

Мелезия колебалась лишь несколько мгновений, на миг всколыхнулась в ней гордость королевы, которая за долгие годы у власти привыкла повелевать, а не подчиняться. Затем перед мысленным взором женщины предстало лицо единственного сына. Мелезия как наяву видела его искрящиеся весельем глаза, улыбку и тот прощальный взмах руки, который она видела, глядя с высоты городских стен на его отъезд. В следующий же миг женщина опустила взгляд и низко поклонилась лесному господину.

–Теперь я вижу, что ты настроена серьезно, и мы можем поговорить о сделке. Ты остаешься здесь, не пытаешься сбежать, а взамен наш сын может остаться в мире людей. Согласна ли ты на эти условия?

–Ты обещаешь не заманивать его больше сюда снами или еще чем-то? Обещаешь оставить его в покое навсегда и не вмешиваться в его жизнь? — настороженно спросила Мелезия.

Она, как и в прошлый раз, семнадцать лет назад, пыталась понять, есть ли какая-то хитрость, какая-то лазейка, которой он может воспользоваться, чтобы обмануть ее.

–Я обещаю, — снисходительная улыбка скользнула по его губам.

–Тогда я согласна, — сказала Мелезия, почти физически ощущая, как захлопнулась за ее спиной невидимая дверь, навсегда отрезавшая ее от мира людей.

–Мы заключили сделку. Помни об этом. Можешь бродить, где угодно в пределах моего мира, древесный сок сойдет для тебя в качестве еды. Все как в прошлый раз, кроме того, что твоя постель мне больше неинтересна.

Едкий смех лесного господина зазвенел над поляной и гулким эхом разнесся по лесу, а затем он посмотрел на свою пленницу довольным взглядом и добавил:

— Знаешь, кажется, я даже понимаю теперь, что вы, люди, называете чувством ностальгии.

–Скажи, за что ты так ненавидишь нас? — горько спросила Мелезия, игнорируя его последние слова.

–О, разве это ненависть? Если бы я ненавидел ваше племя, то вы бы давно вернулись в пещеры, из которых когда-то вылезли и целыми днями тряслись бы от страха, как осиновые листья. Я посылал бы дриад красть ваших детей и красивых женщин. Каждый ваш день был бы пропитан ужасом и кровью. Но ведь я не делаю этого, я всего лишь время от времени позволяю себе повеселиться с какой-нибудь очаровательной крестьянкой. У меня нет к вам ненависти, лишь презрение. Не ваш ли народ еще какие-то две сотни лет назад оставлял в лесу младенцев, зачатых вне брака, привязывал к деревьям пойманных на изменах или неподобающих отношениях женщин и мужчин? Знаешь ли ты, что с ними стало? Мои дриады забирали всех тех, кого удавалось вовремя найти и приводили сюда. Но все это не из какой-то жалости, просто с вами бывает весело, хоть и недолго. Беда в том, что в моем мире люди долго не живут. Ваше племя слабо, большинство лишается рассудка или гибнет от тоски.

–Но ты же хотел тогда, чтобы я осталась здесь. Все это для того, чтобы я сошла с ума, а потом ты бы обратил меня в одно из тех деревьев, что когда-то были людьми?

–Слишком драматично, Мелезия. Ты была из тех, кто мог бы прожить здесь довольно долго. К тому же, я никогда еще не заманивал в свой мир королеву. Твой жалкий народ переворошил половину леса, когда ты ушла со мной. Это оказалось слишком хлопотно. И, признаться, оказалось куда интереснее наблюдать

за тобой, когда ты вернулась в мир людей. Хрупкий человек, ежечасно боящийся разглядеть в собственном ребенке чужеродные черты его отца. Это была хорошая игра, Мелезия, но теперь она закончена. Я победил, — он резко оборвал свою речь и махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Мелезия хотела сказать что-то еще, но не решилась. Своими словами она может сделать хуже себе или Ритгарду. В уме женщины мелькнула горькая мысль о том, что он снова обхитрил ее. Так или иначе теперь ей остается либо дожидаться безумия, либо смерти от его руки, когда ему наскучит видеть бродящего по его миру человека.

Лесной господин встал с ивового трона и коснулся подлокотника, позволяя стеблям снова принять свою стественную форму. Они тотчас расплелись и вот, минуту спустя, на месте трона уже стояла невысокая ива, сгорбленная под весом своих ветвей. Дух ушел, больше не сказав Мелезии ни слова. Дриады, наблюдавшие за их беседой, тоже разбежались, и женщина осталась совсем одна. Деревья вокруг поляны тихо шуршали листвой, словно обсуждая все увиденное между собой. Легкий ветерок играл с цветами и длинными тонкими стеблями травы.

Чувствуя, что за ней все-таки незримо наблюдают, Мелезия осмотрелась, увидела знакомую беседку с живыми стенами из гибких молодых ветвей и медленно направилась к ней. Теперь ей больше незачем было спешить.

4

Шла третья неделя путешествия, день был на редкость жарким, и все с нетерпением ждали ночи и той прохлады, которую она с собой принесет. По дороге отряд несколько раз останавливался в замках и поместьях мелких лордов, а в остальное время ночевать приходилось в деревушках или трактирах, либо прямо посреди поля или в лесу. Иногда путники разбивали лагерь у холодных озер, питаемых ледяными горными речушками и подземными водами. Там можно было порыбачить и вдоволь напиться чистой свежей воды. Здесь, на севере, вода в озерах и реках была очень холодной, и купаться в ней никто не решался. Однако наткнуться на такое озерцо в жару и умыться ледяной водой было весьма приятно.

Время весеннего сева уже прошло, но немногочисленные поля еще не успели покрыться молодыми всходами. В северных провинциях, из-за сурового климата, больше занимались разведением скота, чем выращиванием злаков, и чем дальше отряд продвигался на север, в сторону гор Бельта, тем меньше становились засеянные зерном клочки земли, попадавшиеся им на пути. Здесь преобладали широкие луга, радовавшие взор пестрыми пятнами цветов, по которым неторопливо бродили многочисленные стада.

Накануне отряд въехал на земли, принадлежавшие барону Деметру Приану, родственнику принца, правда, столь дальнему, что степень родства уже даже сложно было назвать. К закату сегодняшнего дня путники рассчитывали добраться до родового замка барона, где их несомненно будут ждать вкусный ужин и удобные постели. Ритгард плохо помнил этого родича, потому как барон приезжал в королевский замок всего раз, когда сам он был еще мал. Большую часть времени барон Приан предпочитал проводить в своих землях, занимаясь разного рода усо-

вершенствованиями и экспериментами с выращиванием каких-то новых овощей или фруктов.

По дороге Ритгард вспоминал, что было ему известно о бароне Деметре Приане. Мать барона приходилась сводной троюродной сестрой бабки Ритгарда по отцу. Принц попробовал представить в уме этот кусок родового древа, но солнце немилосердно пекло, заставляя думать о лесной тени и прохладной чистой воде, а никак не о перипетиях в отношениях его предков. Что же говорил о бароне мастер Лотиус, когда они изучали истории благородных семейств Йельмера? Барон — большой любитель всяких новшеств, заставляет всех своих домашних и слуг учиться читать и писать, содержит при дворе собственного земляного мага, с которым придумал какую-то особую систему выращивания злаков, повышавшую урожайность по сравнению с традиционным трехпольем, даже на северных землях. Принц тряхнул головой, прогоняя дремоту, навеваемую полуденным жаром. Чтобы избежать обморока и не обгореть на летнем солнце, Ритгард, как и все остальные натягивал на голову тонкий льняной капюшон с воротником, чтобы получше скрыть лицо и шею. Ему не терпелось добраться наконец до лохани с водой и смыть с себя пот и дорожную пыль, которая, казалось, проникла даже под одежду.

Вскоре утомленные путники увидели впереди, среди бесконечных лугов небольшое скопление берез и единодушно решили остановиться там на привал. Рядом не оказалось никаких источников воды, но они были рады даже слабой тени, которую давали редкие деревья. Лошадей распрягли и пустили пастись, благо травы вокруг хватало, а люди расположились на земле, кто сидя, кто лежа. Больше всех от жары страдал советник Балвин, который и в сырую погоду умудрялся постоянно потеть, а теперь, несмотря на то, что ехал в экипаже, выглядел так, будто пешком с самого утра. Его сын, благодаря тренировкам с мастером Энарином и своему молодому возрасту, выглядел бодрее и не жаловался, но Ритгард видел, что Вейсу, как и всем остальным, пришлось несладко. Солнце не щадило их сегодня, даже

Энарин казался утомленным и не отказался прилечь подремать в тени березы.

–Проклятое солнце, палит так, будто хочет нас сжечь живьем, — еле ворочая языком проговорил Коррин, обращаясь к Ритгарду.

Он решил воспользоваться передышкой, чтобы отдохнуть и немного перекусить, но в такое пекло кусок не лез в горло, и парень так и держал надкусанное яблоко в руке.

–Ммм… — промычал Ритгард, соглашаясь с другом.

Пиво, купленное накануне в деревенской таверне, где они останавливались на обед, нагрелось, и превратилось в противное теплое пойло. Но это было лучше, чем ничего, учитывая жару и отсутствие чистой воды.

Принц огляделся, рассматривая сонных, разморенных на солнцепеке людей. Энарин посоветовал переждать здесь хотя бы пару часов, и Ритгард был с ним полностью согласен. Ни к чему спешить, все равно они пошлют гонца, и барон Приан приготовит к их приезду постели и ужин. Ритгард стряхнул с руки заплутавшего муравья, лег на спину и прикрыл глаза. Густая мягкая трава прогнулась под тяжестью его тела, словно тонкая перина, в воздухе стояли запахи разнотравья, изредка слышался стрекот кузнечиков и задорные крики стрижей, болтающих друг с другом в высоком небе. Казалось, что все здесь, даже сам воздух, потрескивает от жары. Принц пару раз зевнул, поерзал, устраиваясь поудобнее, и, спустя какое-то время, задремал.

Проснулся Ритгард от того, что кто-то осторожно тряс его за руку и говорил, что пора ехать дальше. Он открыл глаза и увидел над собой лицо Коррина. Ритгард потянулся и зевнул. Сейчас ему было определенно легче, хотя перспектива ехать еще несколько часов под палящим солнцем его совсем не вдохновляла.

–Лошади готовы, и Энарин велел тебя разбудить, — сказал Коррин извиняющимся тоном.

–Иду. Скорее бы уже добраться до замка, — откликнулся Ритгард.

–Надолго мы к барону?

–Думаю дня на три, не больше, иначе мы не объедем Йельмер и за год.

Принц снова зевнул и потянулся, поднял с земли свой мешок и флягу, и коротко скомандовал:

— Пойдем.

Парни подошли к дожидавшимся их всадникам, вскочили в седла, и лошади лениво понесли их через луг, к пыльной дороги, ведущей в замок барона Приана. Сейчас в глубине души Ритгард жалел о том, что он принц, и ему пришлось отправиться в это путешествие. Он откровенно завидовал йельмерским крестьянам, которым нет нужды собирать всю дорожную пыль королевства и целыми днями трястись в седле. Конечно принц знал о том, что жизнь простолюдина довольно трудна, но сейчас нарочно предпочел упустить эту ее сторону из вида в угоду своему юношескому нетерпению. Дорога приелась ему уже неделю спустя. Это оказалось вовсе не так увлекательно, как он себе представлял. Поля чередовались с лугами, луга с лесами, кое-где вклинивалась река или небольшое озеро, а потом все повторялось заново. Люди в сущности все были похожи друг на друга. В каждой деревне крестьяне радостно приветствовали своего будущего короля и стремились поднести ему кружку лучшего пива или сидра, просили благословить детей и пускали его переночевать в лучший дом, подавая ужин, который явно не могли себе позволить.

И везде, как отметил принц, люди сначала очень пристально вглядывались в него, а потом принимались говорить, как он похож на свою матушку и деда, покойного короля Реймарта, причем в их речах явно звучало облегчение. Ритгард знал, что еще до его рождения по Йельмеру ходили слухи о предполагаемом отце принца, но когда он появился на свет с родимым пятном точь-в-точь как у почившего короля-консорта, то слухи эти мгновенно прекратились. Однако, по всей видимости, это касалось только столичных жителей. Провинциальный народ, видел королеву очень редко, и теперь стремился посмотреть на ее сына,

чтобы окончательно убедиться, что принц не какого-нибудь духова племени, а сын Мелезии и Оина.

Все это было не очень-то приятно, но мать и наставники всегда твердили ему, что у будущего правителя есть долг перед своим народом, что люди должны видеть, знать и любить того, кто правит их страной. Они всегда настаивали на таком подходе, хотя Ритгард знал, что есть и другие, менее лояльные к простым людям способы управления королевством. На ум приходила история Тейваза, страны, расположенной на втором большом материке, по другую сторону Длинного моря. Тейваз всегда делал ставку на войны и жестокую политику подавления своих собственных жителей и не чурался той же тактики в завоеванных землях, стремясь насадить свои обычаи и культуру среди коренного населения. В Тейвазе долгое время правили короли, или, как называли их сами тейвазцы, владыки, но затем, после череды кровавых дворцовых переворотов, было решено выбрать советников из самых богатых и родовитых семей, которые ограничивали бы власть королевской семьи. Так был создан совет десяти, но в итоге просуществовал он недолго. Советники занимались лишь дележкой власти, прибыли и выгодных торговых сделок. Они настолько увлеклись своими играми, что не заметили, как растущий подле них наследник последнего короля, убитого в собственной постели младшим братом, подрос и постепенно начал набирать себе союзников. Мальчик был послушным и спокойным, советники думали, что смогут крутить им, как угодно, и не воспринимали юного короля всерьез. Однако после совершеннолетия король, успевший набрать популярность среди армейских чинов за свою искреннюю любовь к военному делу и охоте, в вечер празднования своего девятнадцатого дня рождения, приказал закрыть все двери и перерезать глотки приглашенным на праздник членам совета десяти. Головы их выставили на пиках возле городских стен, и они долго еще внушали ужас проходившим мимо горожанам. Юный король показал нрав и ясно дал понять, что время совета закончилось, и править он будет единолично.

Ритгард так задумался о кровожадном тейвазском правителе, который был во время этих событий ненамного старше его самого, что не заметил, как солнце начало клонится к земле. Тени уже стелились по дороге длинными темными полосами. Клонившееся к горизонту солнце, напоследок, перед тем, как окончательно уступить место сумеркам и грядущей ночи, щедро посылало прощальные жаркие лучи в спины усталых путников.

–Через час-другой увидим замок, ваше высочество, — сказал Энарин, поравнявшись с принцем.

Он всегда использовал формальное обращение, когда вокруг были другие люди.

–Я отправил вперед гонца, он предупредит о вашем приближении, да и в замке, думается не будут зевать, догадаются поставить кого-нибудь на стену.

–Скорее бы уже доехать, Энарин. Сегодня такой солнцепек, хуже чем в той костегрейке, которую Лотиус велел построить по чертежам барона, — устало ответил Ритгард.

–К старости человек становится теплолюбивым, — рассмеялся Энарин. -Я и сам теперь не прочь погреть кости время от времени, но конечно не в такую жару, как сегодня.

Принц улыбнулся наставнику. Он-то до сих пор очень живо помнил, как около семи лет назад придворный маг, состоявший в постоянной переписке с бароном Деметром Прианом, уговорил королеву на постройку так называемой парилки.

Парилка представляла собой подобие домика без окон, с маленькой отдушиной, которую можно было открыть, когда становилось совсем уж жарко. Внутри располагалась сложенная из камней печь, иногда ее покрывали специальным раствором глины и красили известью. От печи через крышу выходила труба, а для растопки использовались дрова, торф, либо древесный уголь. Ритгард вспоминал, как Лотиус несколько раз в месяц приказывал протапливать свою парилку так, что наверное сами огненные духи взвыли бы от жары, а потом отправлялся туда греться и мыться, заранее принесенной слугами водой. В замке мало кто разделял странное увлечение старика, но тот твердил,

что это полезно для здоровья и Ритгарду несколько раз доводилось посидеть в, как называли парилку замковые слуги, «костегрейке», после чего принц зарекся от дальнейших посещений этого места. В деревушках он замечал похожие постройки у зажиточных крестьян, городские не могли бы позволить себе парилку, даже если бы захотели, места в городе не хватало.

За разговором с Энарином время пролетело довольно быстро, солнце уже почти скрылось и земля постепенно остывала, отдавая накопленное за день тепло. Когда отряд въехал в очередную деревню, и вдали замаячили очертания баронского замка, все вздохнули с облегчением и оживились, предвкушая еду, отдых и возможность смыть с себя дорожную пыль и пот. Коррин и Вейс подъехали ближе к принцу, и принялись мечтательно обсуждать, как будут есть и пить, пока у них не лопнут штаны. Стражники тоже были оживлены, они перебрасывались шуточками, и не всегда приличными. Ритгард и Коррин тихо прыскали в кулаки, а Вейс отчаянно краснел, пока Тедар Балвин наконец не одарил вояк таким тяжелым взглядом, что они решили придержать языки. И, хотя никто всерьез не боялся нервного пухлого торгового советника, с ним все же предпочитали находиться в хороших отношениях. У Тедара Балвина были деньги и влияние, к тому же ходили слухи, что королева вскоре пожалует ему титул. Вылететь с престижного поста королевского стражника никому не хотелось, поэтому мужчины благоразумно предпочли не перечить торговому советнику.

Всю дорогу Балвин-старший сидел в дорожной карете, едва живой от жары, казалось, что его полное тело вот-вот начнет таять на солнцепеке как свиной жир. Тем не менее он добросовестно делал заметки о численности населения, средней урожайности, количестве голов в стадах и прочие, нужные ему как торговому советнику данные. Ритгард считал, что эту работу он вполне мог доверить любому помощнику или даже Вейсу, но Тедар Балвин был из тех людей, которые хотят все видеть собственными глазами. Когда он рассказывал Ритгарду об основах торгового дела и торговых связях Йельмера, то как-то обмол-

вился, что нельзя просто высоко взлететь, надо всегда стараться делать свое дело как можно лучше. «Так вот откуда у Вейса эта настойчивость» — только сейчас дошло до принца.

Едва они успели проехать пару тихих дворов, как путников, ободренных видом далеких замковых стен и башенок в красном мареве заката, прервала высыпавшая чуть ли не под копыта лошадей толпа деревенских жителей. Подошел местный староста и с поклоном поприветствовал принца и его спутников. Вперед несмело выступила девица в праздничном наряде йельмерских крестьянок — темно-красном платье без рукавов со шнуровкой по бокам. Платье надевалось поверх льняной небеленой рубашки, отделанной обережной вышивкой, и подпоясывалось широким поясом с кисточками. Девушка несла блюдо с яблочными пирожками, а следом за ней шли двое парней с кувшинами светлого прохладного пива, прямиком из погреба. Пришлось спешиться и попробовать подношения, хотя всем им не терпелось добраться до замка. Ритгард поблагодарил селян за гостеприимство, смущенно приложил руку ко лбу пары младенцев (считалось, что это благой знак и жизнь ребенка будет легкой и счастливой), пожелал богатого урожая и приплода от скота, а затем вскочил на лошадь и дал знак отправляться.

К замку подъезжали медленно, по дороге пришлось сделать небольшой крюк, чтобы переправиться по крытому мостику через узкую, но довольно глубокую речку. Копыта лошадей уныло цокали по скрипучим доскам, утомленные всадники сохраняли молчание. Пирожки только раздразнили здоровый аппетит путников, и каждый, глядя на приближающийся в сумерках замок, мечтал о сытном ужине и мягкой перине.

Ночь постепенно брала свое, и к обители барона Приана отряд подъехал уже почти в полной темноте. Путешественники пересекли опущенный через ров мост и очутились во дворе. Замок оказался небольшим и насчитывал всего два этажа. Посреди двора возвышался колодец, закрытый толстой деревянной крышкой. В одном из углов замкового двора стоял небольшой сарай, неподалеку от него располагалась конюшня. Слуги

тут же увели лошадей, и стражники, убедившись, что принцу здесь ничего не угрожает, отправились на кухню, где их ждал ужин. Принца, Балвина с сыном, Энарина и Коррина проводили в трапезную. Ритгард был удивлен, что барон не вышел ему навстречу, это заметил и Тедар Балвин, но даже он, видимо, был настолько вымотан, что не стал ворчать по этому поводу, лишь едва заметно неодобрительно покачал головой.

Гостей провели на второй этаж в просторную комнату, служившую трапезной. В дверях их встретила миловидная белокурая женщина, судя по довольно дорогой одежде и серьгам, жена барона Приана. Она присела в реверансе и поспешила извиниться за то, что барон не встретил принца сам. За спиной ее выстроились дети. Ритгард насчитал пятерых — двух девушек примерно его возраста и троих мальчишек, двое из которых были похожими друг на друга как две капли воды близнецами. По виду им было не больше десяти лет. Третий же мальчик был еще совсем мал, и, судя по заспанным глазам, уже давно должен был быть в постели.

–Прошу простить, ваше высочество, я супруга барона Приана. Мое имя Эльга, а это наши дети, — она махнула рукой в сторону своих отпрысков и перечислила их имена. — Господин барон, убереги его душу добрые духи, большой чудак, вы же знаете. Привез из Кесса какую-то новую корову, чтобы разводить здесь, а сегодня отправился в соседнюю деревушку, чтобы проследить, потому как она возьми и начни телиться. Мы послали за ним слугу, как только прибыл ваш гонец, но боюсь, что раньше десерта приехать он не успеет. Прошу вас и ваших спутников к столу. Думаю вы слишком устали с дороги, чтобы дожидаться моего мужа, — она мягко улыбнулась, явно чувствуя себя неловко из-за отсутствия барона, и указала в сторону длинного стола, покрытого льняной скатертью.

–Благодарю вас, госпожа, и надеюсь, что барон вскоре присоединится к нам, — проговорил Ритгард, очень стараясь выглядеть бодрым и вежливым, а на деле еле сдерживая смех.

Его спутники тихонько прыснули. На барона никто не думал обижаться, у него давно была репутация человека своеобразного и «духами попутанного на ведении хозяйства и своих экспериментах», как говорили в столице. Однако это не отменяло того факта, что он не поприветствовал своего будущего короля. Ритгард, который и сам не слишком любил официальные ритуалы, несмотря на то, что ситуация показалась ему комичной, в глубине души все же почувствовал себя самую малость уязвленным.

Он поцеловал руку жене барона и прошел в трапезную. Остальные последовали примеру принца, поприветствовали хозяйку дома и, без лишних церемоний поспешили ополоснуть руки в специально подготовленном медном тазу и сесть за стол. Госпожа Эльга заняла место по правую руку от принца, как и полагалось хозяйке, а ее дети расселись кто куда. Мальчишки, возбужденно перешептываясь, во все глаза смотрели на мечи, которые гости сложили на ближайшую лавку, а девицы неловко улыбались и прятали глаза.

Трапезная была просторной и довольно уютной, большую часть комнаты занимал длинный стол, по обе стороны которого располагались деревянные лавки со спинками. Он был застлан простой скатертью, обшитой по краям темно-красной каймой, и сервирован расписанными глиняными тарелки, литыми серебряными кубками, блюдами и кувшинами. Возле каждой тарелки лежали начищенные серебряные ложки и какие-то странные вилки, имевшие в отличие от тех, которыми пользовались в столице, не два зубца, а три. От закрытых крышками горячих блюд шел легкий пар, а тарелки с хлебом источали приятный аромат свежей выпечки. Госпожа быстро Эльга подала знак слугам, и те принялись наполнять кубки гостей вином.

Ритгарда усадили во главе стола на резной тяжелый стул, и со своего места он мог хорошо видеть большой, выцветший ковер на стене напротив. Там была изображена сцена охоты. На полу, под старым ковром стоял длинный деревянный сундук, украшенный резным изображением герба рода Прианов — вет-

вистыми оленьими рогами. В одном из углов комнаты виднелся массивный комод, едва освещенный светом, стоящих на столе свечей, а в другом зиял черной дырой пустой камин. Стены выкрашенные белой известью, почти не имели украшений. На них красовалась лишь пара каких-то декоративных тарелок да два-три маленьких гобелена. Узкие застекленные окошки были открыты настежь, чтобы хоть как-то прогнать скопившуюся за день духоту. Над каждым из них висели легкие тонкие шторы, пропускавшие воздух, но задерживающие назойливых насекомых, стремящихся на свет свечей с улицы.

Окинув помещение быстрым взглядом, принц пришел к выводу, что жилище барона, несмотря на репутацию его хозяина, выглядит вполне традиционно, и принялся за еду. Лишь после этого взялись за ложки и остальные.

В самой большой латке обнаружилась тушеная крольчатина с ячменем и травами, в горшках поменьше блестел жиром густой суп с большими кусками оленины, свежие хлебные караваи с укропом так заманчиво пахли, что их тут же разобрали с блюда, и госпожа Эльга отправила на кухню за новыми. Без внимания не остались и блюда с ветчинными рулетиками, начиненными вареными яйцами и лососем, тарелка с сырами и несколько кувшинов с красным и белым вином.

Пока гости набивали животы, госпожа Эльга рассказывала о жизни в замке, попутно развлекая их веселыми историями о неудачных экспериментах своего мужа. Все знали, что барон был немного чудак, Ритгард слышал также, что даже жену он взял из зажиточного крестьянского дома, чем вызвал в свое время немало толков. Сейчас, глядя на довольную улыбку госпожи Эльги и ее цветущее потомство, Ритгард подумал, что единственное, чем она может выдать свое происхождение, это некоторая круглолицесть, свойственная жителям северной части страны. В остальном же жена барона вполне подходила под определение знатной дамы, разве что не заискивала перед Ритгардом, как обычно делали жены лордов. Принцу сразу понравились простые и непринужденные манеры этой женщины, и он поду-

мал, что должно быть госпожа Эльга очень хорошая жена и хозяйка в своем доме, которая пользуется всеобщей любовью.

Когда гости немного насытились и смогли принять более живое участие в беседе, госпожа Эльга принялась расспрашивать, как проходило их путешествие, что запомнилось им на пути. Ритгард чувствовал, что вопросы она задает с искренним интересом, а не ради того, чтобы угодить принцу, поэтому отвечал с охотой, не скупясь на подробности. Даже Энарин, не слишком-то разговорчивый в повседневной жизни, присоединился к разговору, также как и разом подобревший от хорошей еды и вина Тедар Балвин. Только Коррин и Вейс помалкивали, они оказались за столом напротив дочек барона, и ничто не могло смутить их больше, чем две молодые девицы, то и дело бросающие на них любопытные взгляды.

Прежде чем внесли десерт, в зал поспешно вошел запыхавшийся мужчина лет пятидесяти в одежде из простой, но добротной ткан. Он поклонился Ритгарду, кивнул остальным и принялся шумно извиняться перед гостями за то, что не встретил их лично. Барон оказался высоким и крепким мужчиной. У него были голубые, слегка навыкате глаза, и добрейшая улыбка. Ритгард сразу почувствовал расположение к этому человеку и просто не мог не улыбнуться в ответ на искреннее раскаяние барона.

–Прошу прощения, ваше высочество! Я выехал, как только смог, но все равно опоздал. Ничего не мог поделать, новая порода! Очень важно отследить состояние теленка. Если мне удастся закрепить результат, то получится как минимум на треть увеличить надои и выносливость, — барон Приан выпалил все это, садясь по левую руку от принца.

Его дружелюбная улыбка и простые манеры покорили и остальных гостей, и они вскоре позабыли о том, что барон проявил крайнюю бестактность, не встретив будущего короля лично.

–У вас репутация эксцентричного человека, барон, но даже я не ожидал, что мой приезд затмит появление потомства у коровы, — смеясь ответил принц.

Этими словами он явно давал понять, что не злится на своего родича. Ритгард заметил, как расслабились плечи госпожи Эльги, и с каким облегчением переглянулись ее дочки. Господин барон действительно был человеком со странностями и не желал никого обидеть, но его жена, женщина земная и практичная, прекрасно понимала, что не стоит портить отношения с будущим королем Йельмера. Понимали это и дочери, которые в отличие от братьев были уже достаточно взрослыми, чтобы разбираться в подобных тонкостях.

Госпожа Эльга одарила принца благодарным взглядом и подала слуге знак, чтобы внесли десерт. Стол быстро заполнился блюдами с запеченными в меду яблоками, финиками и сладкими пирожками с каким-то новым, особенным сортом слив, как позже пояснил барон. Начинка желтого цвета была гораздо слаще обычной сливовой, имевшей, как правило, кисловатый привкус. Все с удовольствием поедали принесенные сласти. Барон рассказывал Балвину и Энарину о пасеках, которые он организовал неподалеку, о том, как влияют на вкус и аромат меда, цветы и травы вокруг ульев. Его слушали с интересом, поскольку подобное в Йельмере было в новинку. Пчеловодство еще не было широко распространено в королевстве, и большинство населения добывало мед по старинке — разыскивали в лесах ульи диких пчел и доставали мед оттуда.

Ритгард, лишь делавший вид, что его интересует разговор о пчелах, внимательно рассматривал сидящее за столом семейство, умудряясь при этом вежливо отвечать госпоже Эльге на ее вопросы о жизни при дворе и здоровье его матушки, госпожи королевы. Он обратил внимание, что дочки барона, судя по всему погодки, были очень похожи друг на друга, только старшая, Ленна была более бойкой и яркой, чем младшая, которая производила впечатление очень уж серьезной девицы. Девушки носили похожие прически и были одеты в одинаковые голубые платья, различавшиеся лишь цветом поясов. Правда, старшая, Ленна, имела уже более оформившуюся фигуру и была на полголовы выше сестры. Младшая же, Миленна,

только-только начинала входить в пору своего расцвета и немного терялась на фоне старшей сестры.

Дальше сидели сыновья барона и госпожи Эльги, светловолосые, голубоглазые мальчишки, шустрые и подвижные. Они, ощутив всеобщее хорошее настроение, то и дело принимались толкаться, шумно возиться и ели сладости, сколько влезет, пока родители были заняты беседой с гостями, а сестры — разглядыванием, разумеется исподтишка, Ритгарда, Вейса и Коррина. Последний был явно недоволен таким вниманием, почти не участвовал в беседе, но не отказывал себе в возможности вкусно поесть после тяжелой дороги.

Ритгард вдруг ощутил, как уютно ему здесь с этими простыми жизнерадостными людьми, с которыми пару часов назад он даже еще не был знаком. Он подумал, что такой покой и умиротворение чувствовал последний раз наверное еще в детстве, когда мать навещала его простуженного, принося такие же горячие сладкие пирожки, вино с медом и травами, а потом рассказывала или читала ему легенды, сказки и разные истории.

Нежный, успокаивающий аромат, источаемый маканными свечами в подсвечниках наводил на принца легкую грусть, выпито вино дурманило голову. Разговор потихоньку стал затихать, и, видя это, госпожа Эльга поднялась, вновь поблагодарила принца за оказанную его приездом честь, а потом предложила всем отправляться спать.

–Ваше высочество, господа, вас проводят в отведенные покои. Я велела подогреть воды, чтобы вы могли помыться с дороги. Желаю вам доброй ночи, да защитят вас духи от дурных снов! — она ласково улыбнулась гостям, поклонилась принцу и, поманив за собой детей, вышла из комнаты.

Барон вызвался лично проводить Ритгарда до покоев. По пути он еще что-то болтал о каких-то полях и посевах, но Ритгард уже едва слушал. Как только барон ушел, а приставленный к нему слуга подал полотенце и мыльный отвар, принц сбросил грязную одежду и залез в большой чан. Он быстро помылся, вытерся, велел слуге завтра выстирать его дорожный костюм, и по-

чти упал на мягкую прохладную постель, даже не успев толком разглядеть отведенные ему покои.

***

Комната Энарина и Коррина оказалась рядом с покоями Ритгарда. Наскоро помывшись, они тоже улеглись спать: один на большую широкую кровать, а другой на длинную лавку, покрытую легкой периной. Энарин уже спал, и со стороны кровати доносилось его глубокое шумное дыхание, а Коррин, разочарованный тем, что ему досталась лавка, какое-то время ворочался. Усталость, вызванная дорогой, пробудила в нем недовольство и раздражительность, которые он обычно держал при себе.

«Черт, я всего лишь оруженосец в их глазах. Так, чуть выше слуги. Чего я ожидал? И вовсе никто не обязан обо мне печься, как о принце или о знатном дурне, вроде Вейса. Как же надоело быть незаметным среди этих знатных выскочек!» — парень в бессильной злобе ударил кулаком пухлую подушку и отвернулся к стене, плотнее закутываясь в тонкое одеяло.

Всю жизнь он чувствовал на себе презрительные взгляды знатных господ в королевском замке, напоминавшие о том, что он просто сирота Коррин, которому когда-то повезло подружиться с принцем. Только наедине с Ритгардом, и, пожалуй еще с Лестером, Коррин забывал о своем положении в обществе. Однако принц никогда не проявлял к нему любовного интереса, и порой, если уж быть честным, Коррина очень раздражал его покровительственный тон. Разница в общественном положении, которая была не слишком заметна между двумя десятилетними мальчишками, лазающими по чердакам и крышам замка, грызущими украденные с кухни яблоки и мечтающими о славных битвах и подвигах, стала слишком явной между двумя взрослыми юношами, одному из которых предстояло стать правителем целой страны, а второму разве что королевским стражником.

Коррин не раз порывался поговорить об этом с Ритгардом, но в последние годы им гораздо реже доводилось проводить время вместе, а когда это время приходило, то он был слишком рад увидеть друга, слишком горд, чтобы первым обратить вни-

мание Ритгарда на растущую между ними пропасть. Парень боялся, что подобный разговор может лишь ускорить разрыв их дружбы, который, судя по всему, рано или поздно все равно случится.

Коррину казалось, что Ритгард со своей стороны вообще не замечает никакой разницы, будто для него ничего не изменилось с тех времен, когда их дружба только зарождалась. «Просто для него ничего не поменялось, потому что он всегда мог быть собой, когда мы общались, да и сейчас может, а мне постоянно приходилось притворяться: наедине я был ему другом, а при других просто слугой. Он всегда был добр ко мне, его отношение не изменилось и теперь. А я… кажется я уже не хочу больше притворяться. Только как мне добиться такого положения при дворе, чтобы все начали воспринимать меня всерьез, и я бы смог спокойно оставаться там?» — задавался вопросами парень, ворочаясь на своей лавке.

Он всегда, еще со времен той истории с Ронаном, был благодарен Ритгарду и восхищался им. Это и удерживало Коррина от того, чтобы открыто высказать свои мысли другу. Ему казалось, что Ритгард попросту не поймет его терзаний, ведь самому ему ничего подобного переживать не приходилось. Он с рождения был принцем, а в будущем станет королем, Ритгарду не нужно пробираться наверх, ведь он итак находится на вершине всех человеческих мечтаний. С этими беспокойными мыслями Коррин и заснул. В своих сновидениях он бежал по высокой, выше любого замка, каменной лестнице без перил. Лестница угрожающе качалась, из-под ног Коррина сыпалась каменная крошка, а внизу зияла бездонная тьма, из глубин которой доносился хохот жутких невидимых созданий.

***

Лунный свет мягко освещал старый замок, оттеняя темные контуры стен, башен и окон. Ночь постепенно остужала нагретые за день каменные стены. Вейсу не спалось, несмотря на тяжелый день и поздний час. Его отец уже похрапывал на соседней кровати, порой ворочаясь во сне, а Вейс все лежал и думал

о том, какие милые и веселые дочери у барона Приана, особенно старшая, Ленна. Он вспоминал, как за ужином, во время разговора с бароном, почувствовал на себе чей-то взгляд, поднял голову и увидел, как Ленна смотрит на него, и в глазах ее скачут озорные искорки. Конечно она просто потешалась над ним, наверное ему не стоило задавать вопросы о новой системе выращивания пшеницы, но ведь ему и впрямь было интересно. Отец всегда говорил, что своим имуществом нужно распоряжаться разумно, и Вейс знал, что скоро, когда он достигнет совершеннолетия, титул, замок и земли его деда полностью перейдут в его руки. Конечно он хотел научиться управлять ими хорошо и правильно, чтобы не разочаровать отца, хотя и сомневался, как всегда с ним бывало, если речь шла о его собственных возможностях, что сможет быть хорошим хозяином своей земли.

«Она такая хорошенькая, а такие девушки не обращают на меня внимания. И кажется принцу она понравилась тоже» — думал парень, все больше растравляя себе душу. Он признавал, что Ритгард привлекает девушек не только как принц и будущий король. Он и сам по себе был довольно симпатичным. Даже Коррин, гораздо менее приятный внешне, чем принц, все-таки время от времени цеплял девичьи взгляды. Это Вейс замечал не раз, еще живя в королевском замке. О себе, к сожалению, парень такого сказать не мог. Вейс видел перед мысленным взором свое одутловатое лицо, склонное то и дело заливаться румянцем, почти бесцветные светлые брови и ресницы, такие же белесые волосы, и как-будто выгоревшие на солнце бледно-голубые глаза. Если прибавить к этому высокий рост, неуклюжесть и склонность к полноте, доставшиеся ему от отца, то картина становилась совсем уж грустной. Правда, благодаря тренировкам с мастером Энарином, неуклюжесть его заметно уменьшилась, а полнота не пробиралась сквозь молодые натренированные мышцы, но Вейс, как всегда склонен был недооценивать себя, а потому не очень-то умел посмотреть на собственную персону глазами других людей.

–Ленна, — прошептал он тихонько, как будто пробуя звучание имени на вкус.

Парень тяжело вздохнул и попытался отогнать навязчивый образ голубоглазой девицы. Он долго ворочался и совсем измучил себя мыслями, когда решил наконец выйти во двор подышать свежим ночным воздухом. Он надел штаны, заправил в них рубашку, взял свечу, в надежде поджечь ее от какой-нибудь масляной лампы или факела, и вышел из комнаты. В коридоре оказалось темно как у духа в кармане, так когда-то выражалась его покойная няня. Парень смутно припомнил нужное направление. Постепенно глаза привыкли к темноте, и он заметил силуэт большой деревянной двери, ведущей на лестницу. Вейс осторожно открыл ее и с радостью увидел, что кто-то оставил свет у подножия лестницы. Парень спустился вниз и действительно увидел прикрепленную к стене и чадящую масляную лампу. Он поджег от нее свечу и открыл дверь напротив лестницы.

Легкий ветерок заставил пламя свечки трепетать, как паруса торгового судна в непогоду, и Вейс понял, что вместо ожидаемых коридора или комнаты он оказался сразу во дворе. Свечу пришлось задуть, здесь в ней не было никакого смысла. Весь двор был залит ярким светом растущей луны. На какое-то мгновение Вейсу показалось, что замок пуст, и он здесь совсем один. Несмотря на теплоту летней ночи, по спине пробежал озноб.

Он постоял какое-то время, не решаясь отходить далеко от двери, но тут услышал тихий скрип. В дальнем углу двора стояло небольшое строение, кажется, конюшня, если Вейс правильно запомнил. Судя по звуку, оттуда кто-то вышел. В ночной тишине раздался тихий звук шагов и, прежде чем Вейс успел испугаться и придумать оправдание, почему он бродит среди ночи по чужому замку, из тени появилась фигура барона Приана.

Барон на секунду замешкался, увидев Вейса возле двери, но затем, подойдя поближе, узнал одного из своих гостей и тут же дружелюбно улыбнулся.

–Не спится, мой юный друг? — ласково спросил он, подойдя к Вейсу и отечески потрепав его по плечу. -А я ходил посмот-

реть, как устроили ваших людей и глянуть на лошадок. Вижу, что принц предпочитает кесские породы. Спору нет, они легкие и быстрые, но никто не сравнится по выносливости с нашими северными скакунами. Хотя, я и сам подумываю купить парочку кесских беговых. Коровы у них оказались неплохие, может и лошадок сможем улучшить.

–Я даже не задумывался, столько есть разных пород, пока вы не упомянули об этом за ужином, — осмелился поддержать разговор Вейс, чувствуя, как покрывается краской, и отчаянно надеясь, что в темноте это не слишком заметно.

Знания барона и его бережное отношение к своей земле приятно удивили его, ведь такое среди знати встречалось довольно редко.

–О, их очень много, мой мальчик, я могу рассказать тебе о них завтра, если появится свободная минутка. У меня тут масса всего интересного, сейчас мой друг, маг Дрейн уехал в Кесс за саженцами новой культуры, не доверяет он посторонним. Она называется еще кесским земляным яблоком, слышал о такой? Говорят, что она может давать неплохой урожай и весьма вкусна, а также хорошо хранится в прохладном подполе. Жаль, что мало кто разделяет мои интересы в сельском хозяйстве. Используют землю как попало. Люди жадны до урожая, а земля тощает.

Барон Деметр явно воодушевился, найдя собеседника, с которым можно обсудить свои любимые занятия.

–Мой отец говорит, что землю по-настоящему ценит только крестьянин, потому что только она его и кормит, — робко прервал его Вейс и тут же добавил, боясь показаться непочтительным. — Но я вовсе не хотел сказать, что вы… ну, крестьянин, просто это и правда необычно, когда знатный человек так заботится о своих угодьях. Я бы хотел… –Вейс замялся, оборвав свою речь на полуслове.

–Я вовсе не обижаюсь на такое сравнение. Твой отец прав. Знатен ты или нет, но тебя, как и любого другого, кормит природа: земля дает плоды, вода дает рыбу, а леса — дичь. Разница лишь в том, что когда ты знатен, то не копаешься в земле сам,

но я считаю, что все мы вышли из крестьян, из природы, все одинаковы, просто кому-то посчастливилось иметь больше золота, а кому-то нет. Я считаю себя таким же сыном земли, как и мои крестьяне. Так что ты хотел сказать, мой мальчик? Я слишком много болтаю, уж прости меня, старика.

Искренность барона подкупала, Вейс чувствовал расположение к этому человеку, и ему пришла в голову мысль, которой он решил поделиться с бароном. Почему-то пареньку показалось, что Деметр Приан не станет смеяться над ним.

–Вы же знаете, господин барон, что после совершеннолетия мне достается дедовский замок и земли. И мне, ну, хотелось бы научиться управлять ими хорошо и правильно. Отец, он очень любит меня, я знаю, но он боится, что я не смогу, не справлюсь. Он не говорит этого конечно, но я вижу это в его глазах, когда речь заходит о наследстве. Он все никак не решится позволить мне учиться этому, надеется на то, что я устроюсь при дворе, — неловко заговорил Вейс на одном дыхании, словно боясь, что его прервут. — Может быть вы… может я могу иногда спрашивать у вас совета насчет ведения хозяйства? Вы так хорошо разбираетесь в растениях, породах и все такое.

Он закончил фразу почти что шепотом, ощутив, как покрывается легкой испариной от волнения. Когда же Вейс осмелился поднять глаза на барона Деметра, то увидел, что тот улыбается такой счастливой улыбкой, точно нашел добрую сотню золотых.

–Мальчик мой, я почту за честь помочь тебе в деле разумного использования земли и ее даров. И не нужно стыдиться того, что хозяйственные дела тебе интереснее, чем беседы с послами и пиры в королевском замке. У каждого из нас свой путь, и твой выбор тоже достоин уважения, — говоря это, барон обнял Вейса, и дружески похлопал парня по спине.

–Если захочешь, то можешь писать мне, и я могу отправить к тебе Дрейна, когда придет время. Он же земляной маг, прекрасно видит, что и где можно посадить, даже может сказать, на каком лугу лучше пасти стадо, знает, когда почва истощилась. Жаль, что в нашей стране не слишком то ценят

земляных, — снова увлекся барон, перескочив на любимую тему.

–Спасибо вам, барон, — Вейс почувствовал, что с души его упал камень.

Он не нашел других слов, однако его благодарные глаза сказали барону все, что не смог донести язык.

–Не стоит, мальчик мой, не стоит. Вот что, пойдем-ка спать, а то жена с меня три шкуры спустит, если узнает, что я заболтал нашего гостя и не дал выспаться своими наставлениями. У нас есть еще пара дней, успеем наговориться.

Они вошли в ту же дверь, через которую Вейс попал во двор, разошлись по своим комнатам, и во дворе снова воцарилась тишина.

От распахнутого окна на втором этаже, отошла девушка в ночной рубашке. Ей не спалось, и она невольно подслушала разговор своего отца с сыном Тедара Балвина.

«А он милый, даже несмотря на свою стеснительность. Отец действительно мог бы многому его научить» — подумала Ленна. Она только теперь заметила, что растрепала пальцами всю косу, пока прислушивалась к разговору, и сердце ее бьется чаще, чем обычно. «С чего это я так разволновалась?» — удивилась Ленна сама себе и принялась переплетать свои длинные светлые волосы. Завязав конец косы лентой, девушка промочила горло травяным чаем и тихо забралась на большую кровать, которую из-за приезда гостей вынуждена была делить с младшей сестрой. Ленна закуталась в одеяло и какое-то время лежала, рассматривая полосы лунного света на стенах. Наконец, девушка прикрыла глаза и вскоре заснула, обхватив подушку руками. На лице ее, даже во сне, играла легкая улыбка.

5

Утром Ритгарда разбудил слуга, приставленный к нему госпожой Эльгой. Мальчишка, явно смущенный тем, что ему доверили прислуживать будущему королю Йельмера, пролепетал что-то про завтрак и воду для умывания. Принц неспешно потянулся, встал с кровати, натянул штаны с сапогами и слуга с готовностью схватил кувшин, чтобы помочь ему умыться. Ритгард насухо вытер лицо и руки полотенцем, на котором красовался семейный герб барона, и это напомнило ему о вчерашнем вечере. Наверное сама госпожа Эльга или ее дочки сделали эту вышивку. В уме принца невольно возникла картина — возле камина в тяжелом кресле сидит Ленна и аккуратно разглаживает ткань, прежде чем воткнуть в нее иглу с яркой нитью, а затем из-под пальцев девушки появляется красивый узор. Принц постарался тут же отбросить эту мысль. Жаркая погода только распаляла молодую кровь, а тут еще и красивая девушка будет мелькать перед глазами.

Решив отвлечься на что-нибудь, не имеющее отношения к дочери барона, Ритгард занялся завтраком. На столе его ждало блюдо с привычными ветчиной, колбасами и сыром, несколько кусков холодного пирога с голубятиной, тарелка с хлебом и бледно-желтое сливочное масло. В ближайшем кувшине оказалось белое вино, а рядом стоял еще один с водой, на случай, если гостю захочется разбавить напиток. Ритгард отослал мальчишку в покои Энарина и велел позвать к нему оруженосца. Вдали от двора их с Коррином общение не так бросалось в глаза, поскольку вокруг принца было гораздо меньше людей и казалось приемлемым, что он проводит много времени с людьми из своей свиты.

Ритгард подумал, что друг будет рад случаю позавтракать вместе с ним и обсудить вчерашний ужин с семьей барона При-

ана. Он взял ломоть свежего чесночного хлеба, уложил сверху пару кусков ветчины и налил в кубок немного вина.

В этот миг дверь открылась, и в комнату вошел Коррин, судя по недовольному выражению лица, проснулся он совсем недавно. Парень подошел к столу, буркнул под нос приветствие и остался стоять. Ритгард поднял на него недоуменный взгляд. Обычно друг вел себя более непринужденно, когда они были одни.

–Гляжу, ты не с той ноги встал? — шутливо спросил принц, пытаясь втянуть друга в беседу. — Садись, поешь, может повеселеешь.

Ритгард указал на стул. Коррин бросил на принца быстрый взгляд, уселся напротив него и молча приступил к еде. Он все еще был полон вчерашних мыслей, а потому сам не понимал, как лучше себя вести с Ритгардом.

–Я отлично спал, никогда не думал, что буду так скучать по перинам, — продолжал Ритгард, с аппетитом поедая завтрак. — А ты?

–Мне досталась вполне сносная лавка с достаточно мягким матрасом, ребра даже не упирались в дерево, — ядовито ответил Коррин, не сумев все-таки сдержать раздражение и обиду, которые при виде довольного лица Ритгарда взыграли в нем с новой силой.

Ритгард с удивлением посмотрел на друга, он не привык к таким явным проявлениям недовольства. Принц поставил кубок на стол, подлил себе еще вина, отряхнул руки и одежду от крошек, вытер губы салфеткой и принялся внимательно наблюдать за другом. Тот с мрачным видом жевал еду, запивая вином. Волосы Коррина были растрепаны, а сонные глаза слегка припухли.

–Если ты недоволен постелью, я могу приказать принести для тебя кровать, но, Коррин, ты же понимаешь, что странно было бы требовать этого от хозяев замка? Они предложили тебе все то, что предложили бы любому другому оруженосцу. Конечно я могу сказать лишь слово, и каждый из моих стражников по-

лучит по огромной перине и отдельной комнате, но это будет против существующего порядка. Ты долго жил в замке и должен понимать это, — обратился он к другу, пригубил вина и, не дожидаясь ответа, продолжил. — К тому же ты знаешь, что я не могу выставлять нашу дружбу напоказ, как бы мне этого ни хотелось. Статус накладывает определенные обязательства, но ты никогда не перестанешь быть моим хорошим другом. Разве я когда-то давал повод сомневаться в постоянстве своих дружеских привязанностей, Коррин? Я понимаю, тебе было нелегко все эти годы держать дистанцию и…

–Нелегко?! — взорвался Коррин, и неожиданно для самого себя вскочил со стула, чуть не опрокинув кувшин и кубок. — Ты принц, и ты не можешь даже близко представить, что я пережил. Ты идешь на пирушку со своими знатными друзьями, а я иду чистить сапоги Энарину! Ты празднуешь Зимостой, катаешься на санях с визжащими от восторга герцогскими дочками, а я лишь могу покидаться снежками с детьми кухарки, ты занят приемом кесских послов, а я точу мечи в обществе тупых гогочущих стражников, только и знающих, что хватать за задницы городских девок да хлестать дешевое пиво по тавернам! Ты с Лестером и Клайном тайком сбегаешь развлекаться в веселые дома, а я сижу в покоях, слушая пустую болтовню Кайлы и ее сюсюканья с ребенком. Как ты можешь знать, каково мне было, когда тебе никогда не приходилось притворяться, терпеть тычки и злобные взгляды? Как вообще могли мы стать друзьями, если ты принц, а я никто, и мы никогда не были на равных?

Ритгард был ошарашен, он никак не ожидал такой вспышки гнева от Коррина, который до этого за столько лет ни разу не высказал ни единой жалобы. Сначала ему стало неловко и стыдно за то, что он мало обращал внимания на чувства своего друга. Наверное ему и впрямь тяжело было жить в замке, не имея практически никаких прав и привилегий, в том время как он, Ритгард, будучи принцем, имел богатство, статус, титул, друзей и семью. Однако, мгновение спустя, и в нем проснулась обида. Коррин несправедлив к нему. Да,

хорошо быть принцем, но и в этом положении есть свои недостатки.

–Можно подумать, что ты знаешь, каково было мне? Ты хоть представляешь, что значит с рождения слышать от окружающих об ответственности, которая лежит на плечах правителя, о том, что нужно внимательно выбирать друзей и уметь разбираться в их мотивах. Знаешь, каково это, когда тебе всего восемь лет, гадать, улыбки, обращенные к тебе, настоящие, а какие фальшивые? Думаешь так просто быть принцем? Мне тоже было нелегко. Не нравится посол — приходится быть с ним предельно вежливым, с тобой флиртует девица, а ты думаешь, правда ли ты нравишься ей сам по себе или это только потому что ты принц? Ты думаешь я не предпочел бы уехать на охоту или даже просто провести день, бесцельно бродя по лугам, вместо того, чтобы сидеть на глупых приемах или нудных заседаниях совета? Но я буду королем, и я должен быть к этому готов, даже если мне что-то не нравится. Я сижу на совещаниях, вникаю в дела и политику, хотя порой у меня от скуки сводит зубы. Я думал, что ты, мой лучший друг, прекрасно это видишь, — горько произнес принц.

Коррину почудилось, что в голосе Ритгарда помимо горечи сквозило и разочарование. И сам он, хоть и был еще зол, ощутил из-за этого сильную неловкость. Парень действительно не задумывался, что у Ритгарда могут быть свои трудности. Оставалось только удивляться, как такое могло произойти, ведь они считали друг друга близкими друзьями? И тем не менее сейчас, еще не успев остыть, Коррин не готов был извиниться или признать, что Ритгард в чем-то был прав. Он упрямо тряхнул головой и, злясь уже на самого себя, брякнул первое, что пришло в голову.

–Я хочу уехать в Кесс, когда закончу обучение у Энарина. Здесь я стану разве что начальником твоей стражи годам к сорока. И мы никогда, никогда не сможем быть просто друзьями. Всегда будешь ты — принц, потом король, и я — сирота-оруженосец, — со злостью и досадой произнес он, и тут же пожалел о своих словах.

В глубине души Коррин надеялся, что Ритгард, обычно более отходчивый, чем он сам, переведет все в шутку, или предложит спокойно обсудить разногласия, но он недооценил, насколько глубоко задел своего друга. В этот раз Ритгард не настроен был ни шутить, ни дипломатично сглаживать острые углы в разговоре.

–Тогда я полагаю, что ты можешь свободно это сделать, — холодно и жестко ответил он Коррину. — Энарин даст тебе хорошие рекомендации.

Ритгард встал, захватил куртку, меч и направился к двери. Дойдя до середины комнаты, он остановился, обернулся и добавил:

–Я не могу отказаться от своей судьбы, ты всегда знал, что я буду королем, а я всегда старался, как мог, быть тебе другом, Коррин. Однако, если ты выбираешь Кесс, то я не стану тебя отговаривать.

Коррин не успел собраться с мыслями и ответить, а принц уже вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Парень бросил недоеденный бутерброд на тарелку, допил остатки вина, с грохотом отодвинул стул, вылез из-за стола и пошел в отведенные им с Энарином покои. Как оруженосец он должен был сопровождать своего господина и принца во время прогулки по замку и окрестностям. На душе у парня помрачнело. Коррину казалось, что теперь друг, который для него был почти всем миром, друг, которого он любил, потерян для него навсегда.

***

При свете дня Ритгард и его спутники смогли лучше разглядеть родовой замок барона. Он был в разы меньше королевского, и за счет этого казался даже более уютным. Особенным было то, что в постройке использовался камень темно-красного цвета, которого в свое время было в этой провинции в избытке. Верхние части башен были выкрашены белой известью, иначе красные, словно обмазанные глиной стены, просто слились бы с рыжей, выгоревшей на солнце черепичной крышей. Ритгарду еще не доводилось видеть подобного, в столице и тех немногих замках, где он успел побывать. Чаще всего в других провинциях для

постройки использовался камень серого или черно-коричневого цвета.

В замке семейства Приан было всего два этажа, не считая подвалов и высоких башен. В остальном он не отличался от иных — те же хозяйственные постройки и помещения вроде прачечной, конюшни, кухни и кладовых, спальни, охотничий зал, трапезная и библиотека. Покои хозяев и их детей располагались в центральной части, и окна их смотрели прямо на ворота, чуть подальше, в правом крыле, находились гостевые комнаты, внизу жила челядь.

Библиотека занимала отдельную большую комнату в левом крыле на втором этаже. Помимо книг там была представлена история рода Приан в виде портретов, элементов доспехов и вышитых гобеленов, иллюстрировавших знаковые моменты из жизни предков барона Деметра. Ритгарда больше всего привлек охотничий зал, увешанный головами зверей и рогами оленей. Зал этот служил также местом для проведения досуга, здесь стоял столик для шахмат из черного дерева и карточный стол, который использовался еще и для игры в триктрак.

Водя гостей по замку, барон рассказывал о разных новшествах, которые он внедрял у себя дома и в окрестных деревнях. Он вдохновенно объяснял придуманную им и местным магом Дрейном систему многополья, которая, согласно их исследованиям, должна быть куда более эффективной, чем система трехполья, используемая в традиционном земледелии Йельмера. Ритгард слушал вполуха, как и погруженный в свои мысли Коррин, а Энарин просто вежливо кивал, даже не давая себе труда вникать в такую чуждую для него область, как земледелие. Только Тедар Балвин живо участвовал в разговоре, как торговый советник и казначей он сразу чуял, что это сулит выгоду. В здешней, северной части страны, погодные условия позволяли выращивать совсем немного зерна, в основном упор шел на скотоводство и неприхотливые овощные культуры. Однако барон, с неутомимой энергией каждый год пробовал сажать фруктовые деревья и теплолюбивые виды овощей, надеясь, что рано или поздно что-

нибудь приживется. Вместе с земляным магом они целыми днями пропадали в полях, огородах и на пастбищах, и иногда действительно достигали хороших результатов, благодаря своей работе.

Барон Приан и его гости стояли на крепостной стене, рассматривая открывающийся с высоты пейзаж, который включал в себя примыкавшую к замку деревню, и большой огород с фруктовым садом. Ровные рядки ягодных кустов и невысоких плодовых деревьев радовали глаз своей упорядоченностью, и Ритгард, глядя на них сверху и слушая вдохновенные речи барона, только диву давался, насколько этот человек любит свою землю.

–Дрейн полагает, если заменить в системе многополья бобы за земляные яблоки, это скажется на состоянии почвы и приведет к повышению урожайности. Он говорит, это как-то связано с содержанием неких веществ в стеблях и корнях растения. Конечно полноценно использовать здесь, на севере, эту систему не получится, но если наш крупный эксперимент увенчается успехом, то я хочу официально предложить совету и ее величеству начать внедрять многополье по всей стране, особенно в южных провинциях, которые и поставляют нам основную массу пшеницы. Таким образом мы сможем повысить урожайность, избежим истощения почвы и сократим закупки зерна из Кесса, — громко вещал барон Деметр Приан.

–Это все очень интересно, господин барон, но напомню вам об обещании показать мастерскую по изготовлению стекла. Стекло — материал будущего и если вам удалось научиться изготавливать более гладкие элементы, то, клянусь, вы обязаны получить на него патент, и ни вы, ни королевская казна не останутся в накладе. Вся знать захочет иметь окна с с гладким цветным стеклом! Ваше высочество, согласитесь, было бы чудесно, будь в замке такие стекла вместо нынешних? А насчет многополья, я буду ждать от вас письмо с подробным описанием результата экспериментов, господин Приан. И можете рассчитывать на любую помощь в его проведении, — воодушевленно говорил Тедар Балвин.

Он уже представлял, сколько сделок с соседними странами можно будет заключить, если наладить производство такого стекла.

–Барон, мы будем вам очень обязаны, если Йельмер опередит Кесс, Номию да и все остальные страны на обоих континентах в изготовлении гладкого стекла, — вежливо сказал Ритгард,.

Он старался помнить о своем долге и проявлять внимание к подданным, как его и учили с самого детства, хотя настроение его сейчас оставляло желать лучшего. Принц был еще расстроен из-за утренней перепалки с Коррином и хотел поскорее пообедать, а затем спокойно отдохнуть в своих покоях. Погода снова была жаркой, но на этот раз на солнце иногда набегали огромные пушистые облака, походившие на перины для сказочных великанов, и ненадолго закрывали людей от зноя. Здесь, на стене, дул легкий ветерок. Он трепал волосы и раздувал рубахи, и это было куда приятнее той беспощадной жары, которая накануне так отравляла путникам дорогу к замку барона. Ритгард время от времени поглядывал на Коррина, но тот лишь бросал на бегающих во дворе слуг угрюмые взгляды, либо смотрел за стены, куда-то вдаль, словно хотел увидеть, что скрывается за горизонтом. Энарин улучил момент, пока его воспитанник, барон и мастер торговых дел прошли немного вперед и приблизился к принцу.

–Отправляемся завтра утром, как и планировали? — спросил он, понимая, что нужно будет успеть организовать сборы стражников и нагрузить телегу провизией.

–Думаю, да, Энарин, если мастер Балвин закончит сегодня свои записи. Послушай, что за муха укусила Коррина?

Ритгард попытался выяснить, что спровоцировало друга на такие резкие слова. Энарин был одним из немногих, возле кого не было нужды притворяться принцем и слугой, а можно было свободно и просто общаться на равных. Он учил их обоих с десятилетнего возраста, а Коррина Энарин и его жена и вовсе считали приемным сыном.

Сам Энарин никогда не озвучивал своего мнения на этот счет, но предпочитал не слишком вмешиваться в отношения

между его подопечным и принцем, полагая это меньшим из зол. Мальчишки вырастут и скорее всего эта дружба просто постепенно закончится, так он считал.

–Если бы я знал, — пожал плечами мастер меча, — Он же всегда был скрытным, наш Коррин, разве что Кайла может вытянуть из него хоть что-то. Я и сам беспокоюсь о нем. Помню себя в его возрасте, я тогда только и думал, как бы удрать из дому и отправиться путешествовать, хотя, видят духи, родители меня любили и не хотели отпускать. Может быть какая-нибудь девица отвергла его ухаживания? Хотя, я не замечал, чтобы он за кем-то приударял.

–Ну, думаю о девице он бы мне рассказал, — отозвался Ритгард и тут же, припоминая сегодняшнее утро, засомневался в собственных словах. Он уже не понимал, насколько на самом деле друг успел отдалиться от него.

–Я попробую с ним поговорить, хотя сомневаюсь, что преуспею в этом, — кратко ответил Энарин и развернулся, чтобы спуститься со стены и проверить, все ли готово к отъезду.

–Он сказал, что хочет уехать в Кесс после того, как закончит обучение у тебя, — неожиданно выпалил Ритгард, умолчав, правда, о ссоре.

Энарин снова повернулся к нему, и Ритгард заметил, как темные брови мужчины нахмурились, и между ними тут же пролегла глубокая складка. Возможно не стоило так сразу выкладывать подобную новость, но принцу было тяжело на душе и хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль о том, как эгоистично он поступает, ведь для Энарина Коррин практически как сын, и ему наверняка тяжело было услышать эти слова. Однако юность бывает довольно жестокой в своей прямоте и примитивном желании вылечить собственную боль, причинив такую же боль другому. И потому принц одновременно с легким уколом вины ощутил и некоторое успокоение от того, что ему есть с кем разделить переживания о друге.

–Когда он это решил? — спросил мастер меча.

В голосе обычно спокойного и сдержанного мужчины Ритгард услышал легкую тревогу.

–Кто знает? Мне показалось, что сегодня и решил. Мы повздорили за завтраком, — неохотно признался Ритгард, хотя до этого момента совершенно не собирался посвящать кого-либо в детали их с Коррином перебранки.

–Хм, может быть он сказал это сгоряча. Я все же поговорю с ним, когда будет подходящий момент.

Энарин кивнул принцу и удалился, а остальные, вслед за бароном, направились осматривать те самые сливовые деревья, чьи плоды пошли на вчерашние пирожки и так впечатлили гостей замка.

***

После посещения мастерской, располагавшейся в деревушке возле замка, барон с Тедаром Балвином засели за бумаги. Никто, кроме барона и торгового советника, казалось, так и не понял ничего в устройстве огромной печи для стекловарения, кроме того, что она работает на угле, и стекло, раньше изготавливавшееся в два этапа, теперь можно делать гораздо быстрее и легче. Всем понадобилось некоторое время, чтобы отдышаться, когда они вышли из мастерской, где, несмотря на заверения барона о том, что раньше было куда хуже, воздух был полон дыма. Ритгард тем не менее пообещал барону украсить какую-нибудь комнату в королевском замке цветным стеклом, которое барон собирался прислать, как только они наладят производство и сделают пробную партию. Принц предоставил Балвину-старшему разбираться с данными, нужными ему для отчета королеве, сочтя, что исполнил свои обязанности на сегодня, посмотрев адскую печку барона.

Пока же хозяин замка был занят, госпожа Эльга предложила остальным свободно воспользоваться комнатой для досуга, которую гостям показали еще утром. Было решено скоротать время за картами или триктраком. Ритгард, Коррин и Энарин выбрали карты, к ним присоединились жена барона и ее младшая дочь, Миленна. Старшая, Ленна, велела принести маленький

ткацкий станок, который использовался для плетения поясов, шнуров и прочих небольших вещиц и попросила Вейса, отец которого не поощрял карточных игр, помочь ей выбрать узор для пояса. Сыновья барона отсутствовали: старшие были заняты учебой, а самый маленький разревелся из-за того, что у него выпал зуб, был напоен травяным чаем и теперь мирно спал в своей комнате.

–Должно быть в замке послеобеденное время проходит куда интереснее, ваше высочество? — вежливо поинтересовалась госпожа Эльга, выкладывая первую карту.

–Не могу жаловаться, занятия обычно находятся, тем ценнее для меня возможность просто посидеть и сыграть в карты, зная, что за спиной не стоит очередной советник или посол со скучными докладами, госпожа Эльга, — ответил принц.

Ритгард знал много вариантов ответа на подобные вопросы. Этикет диктовал свои условия, необходимо было показать хозяевам, что пребывание в их доме ему приятно. Однако он сам удивился тому, что в этот раз слова его были искренними. Принц не лукавил, ведь возможность просто скоротать время за развлечениями теперь действительно выпадала ему крайне редко. Чем старше становился принц, тем больше советники настаивали на его участии в управлении королевством, и королева Мелезия была согласна с ними в этом.

Раздался негромкий смех, даже Коррин, как не преминул отметить про себя принц, кисло улыбнулся. С тех пор, как он подрос, Ритгард начал понимать, что люди зачастую притворяются и стараются заслужить его расположение, потому что он наследник трона. Принц время от времени задавался вопросом, на самом ли деле ли им смешно, когда он шутит, правда ли ему идет новый костюм, как говорят ему окружающие? Девицы кокетливо хлопают ресницами, потому что им нравится он или его корона? Но сейчас он почему-то был уверен, что семья барона Приана действительно рада видеть его под своим кровом. Сколько ни пытался, он не смог уловить никакого лицемерия в доброжелательных словах баронессы или смехе ее дочерей. Эти люди ка-

зались Ритгарду простыми и цельными, словно их не раздирали никакие внутренние противоречия. Они четко знали свое место в мире, принимали его и чувствовали себя хорошо и свободно. Они были семьей, и семьей, судя по всему, счастливой, может быть поэтому общение с семьей барона оказалось таким легким и приятным. Принцу вдруг подумалось, что очутись они в королевском замке, вряд ли станут вести себя иначе. Ритгард повеселел и поймал себя на том, как расслабились его плечи, а в голове начинает крутиться веселый мотив легкомысленной народной песенки.

Тепло, спокойствие и легкость — пожалуй, именно так можно было охарактеризовать ощущения, которые испытывали сейчас и хозяева, и гости. Даже Коррин, такой раздраженный и ехидный утром, теперь как-будто бы немного успокоился и приободрился. Краем глаза принц заметил, что Ленна, чьи голубые глаза внимательно следили за нитью в станке, а пальцы деловито и неспешно перемещали челнок, что-то тихо говорит сидящему подле нее Вейсу Балвину, а тот, в свою очередь, не сводит взгляда с ее рук. Было заметно, что даже он, вечно краснеющий и смущающийся, сейчас выглядит вполне уверенно и даже что-то увлеченно отвечает. Ритгард улыбнулся и перевел взгляд на карты. Пусть Вейс в кои-то веки пообщается с девушкой, может это придаст ему

Пока Миленна обдумывала свой ход, Ритгарду пришло в голову, что наверное хорошо иметь вокруг столько любящих тебя людей, и он пожалел, что вся его семья состояла в сущности из него самого и королевы, его матери. Принц осознал вдруг, что в его собственной жизни было мало подобных приятных моментов, наполненных теплотой и дружелюбием, таких, воспоминания о которых согревают сердце, когда тебе плохо или одиноко. Однако игра возобновилась и Ритгард, отвлекшись от своих размышлений, сосредоточил все внимание на картах.

За небольшим столом у открытого окна, пока позволял долгий летний день, Ленна продолжала плести пояс, который прекрасно бы подошел к одному из новых платью. Мать обещала,

что к осени для нее сошьют два. Пояс для первого, красного с бледно-желтой рубашкой, она уже сплела, и теперь из-под ее пальцев пестрой бело-зеленой змейкой выходил еще один. Она болтала с Вейсом о разных вещах, пока остальные осваивали новую карточную игру, модную сейчас в столице. В какой-то момент Ленна не заметила, как забросила работу и просто слушает и отвечает на вопросы неожиданно разговорившегося парня.

Поначалу разговор шел туго, Вейс Балвин явно стеснялся ее, да и девушка ощущала непривычное для себя волнение. Обычно ей не стоило труда разговорить кого угодно, поддержать простую светскую беседу, подбодрить собеседника улыбкой. Она по натуре была жизнерадостной и любопытной, ей было интересно, что можно узнать в разговоре с новыми людьми, к тому же, жизнь в отдаленном от столицы замке была довольно скучной для молодой девушки, обладавшей весьма живым нравом. Потому-то интерес ее был вполне искренним, что всегда подкупало собеседников. Вспомнив, о чем Вейс разговаривал ночью с ее отцом, Ленна, перевела тему на управление хозяйством, нововведения, которые ее отец внедрял в своих землях, и парень, сначала робевший, постепенно втянулся в беседу.

–Твой замок находится на юго-востоке, верно? — пытаясь припомнить карту провинций, спросила девушка у Вейса.

–Да, юго-восточная провинция, примерно посередине между северными и южными землями, если судить по карте, но там довольно тепло, почти как у Вельского леса и в Кессе. Если когда-нибудь ваша семья будет поблизости, то я буду всегда рад принять вас как желанных гостей, — сказал Вейс.

В порыве чувств, он взял руку девушки в свою и пожал ее. Правда, тут же, испугавшись собственной дерзости, парень отпустил девичьи пальцы, сконфузился и замолчал. Ему казалось, что Леннарассердится на него за это, но пару мгновений спустя, она сама взяла его за руку, ободряюще сжала ее и отпустила, вернувшись к плетению.

–Я была бы рада, если бы этот день настал как можно раньше, — тихим голосом ответила девушка, не сводя глаз со станка.

Когда парень осмелился заглянуть ей в лицо, он увидел, что глаза девушки снова следят за челноком, а на губах светится смущенная улыбка. Это казалось странным, но необычайно волнующим. После ее последних слов Вейс не знал, что еще добавить, и беседа завершилась сама собой.

От неловкого молчания их избавило приглашение к ужину. Слуга доложил госпоже Эльге о том, что барон и торговый советник уже ждут в трапезной. Принц тут же предложил проводить к столу хозяйку замка, Энарин подал руку Миленне, явно польщенной вниманием красивого взрослого мужчины, а Вейс, радуясь и все еще смущаясь, составил пару Ленне. Лишь Коррин оказался один, но оруженосцу и не полагалось провожать дам к столу, разве что когда кто-то оставался без кавалера. Он шел позади процессии, после Вейса и Ленны. Старшая дочь барона, вопреки своему общительному характеру, сейчас молчала, и ее пальчики, незаметно для окружающих, поглаживали сукно на рукаве спутника. Сам же Вейс был так поражен ее вниманием, что был не в силах вымолвить ни слова.

Ужин прошел спокойно, уютно и совсем по-домашнему. У каждого участника застолья был свой повод для радости. Тедар Балвин и Деметр Приан увлеченно обсуждали перспективы поставки стекла и делали какие-то подсчеты. Ритгард беззаботно болтал с сыновьями барона, расхваливая им мастерство Энарина, а мальчишки громко упрашивали последнего показать им какие-нибудь приемы после ужина. Сам Энарин тихонько посмеивался, вспоминая, как начинал учить Ритгарда и Коррина, когда те были примерно в таком же возрасте, что и эти мальчики. Мастер меча пообещал им научить правильно держать меч, если они смогут его поднять. Близнецы напомнили ему о своей семье, о надежде на рождение сына, о жене и маленькой дочке, которые остались в столице. Энарин решил попросить Коррина или Вейса написать письмо Кайле, духи знают, когда еще ему предоставится возможность черкнуть ей пару строк. Он мог бы написать его и сам, но мечом Энарин владел куда лучше, чем пером, писал он медленно и редко, а потому не любил это занятие.

Жена барона, госпожа Эльга, пыталась поначалу разговорить Вейса и Коррина, но потом поймала выразительный взгляд старшей дочки и тактично перенесла внимание на принца и своих младших детей. Коррин, который сидел рядом с Миленной, едва потрудился высказать несколько приличествующих ситуации замечаний о хорошей погоде, уютной комнате и вкусной еде. Девушка что-то односложно ответила, ей был совершенно неинтересен этот мрачный паренек. Куда любопытнее было исподтишка наблюдать за сестрой и сыном торгового советника, которые с каким-то особенным взаимопониманием тихо беседовали или загадочно переглядывались. Эти двое по-видимому даже не обращали внимания на то, что они ели.

А ужин, тем временем был очень хорош: запеченная рыба с первой зеленью с огорода барона, свежий белый хлеб с орехами, гарнир из каких-то новых овощей, которые Деметр Приан называл фиолетовой грушей, тушеные куропатки со сметаной и укропом, жареные куриные сердца в золотистых кругляшах моркови, утопающие в ароматной густой подливе. Ритгард и его спутники от души наслаждались вкусной и сытной едой, понимая, что дальше не всегда смогут ее себе позволить, ведь если доведется ночевать в поле или в лесу, то на изысканные блюда рассчитывать не приходится.

В качестве десерта на этот раз подали большие круглые пироги с начинкой из груши и первой в этом году жимолости, традиционные сушеные фрукты, вымоченные в вине с медом, и оладьи, к которым прилагалась глубокая тарелка со сладким сметанно-ягодным соусом.

–Я велела кухарке отобрать для вас в дорогу копченого мяса с травами по нашему семейному рецепту, несколько сырных кругов, грушевого сидра и дюжину хлебных караваев, ваше высочество, — обратилась к Ритгарду баронесса, ласково глядя на него.

Ритгард хорошо знал этот заботливый взгляд, также смотрела на него собственная мать. Теплое чувство шевельнулось

у него в груди, и он поспешил поблагодарить баронессу за ее хлопоты.

–Я очень признателен вам, госпожа Эльга, — принц взял ее свободную руку и почтительно поцеловал. -Буду рад принять вас в королевском замке, если вы соберетесь приехать в столицу.

Госпожа Эльга одарила его доброжелательной улыбкой, думая, что скоро и ее мальчики превратятся в таких же взрослых статных юношей, как молодой принц. «Из него выйдет хороший и добрый король. Как раз такой и нужен Йельмеру» — подумала женщина.

6

Солнце, безжалостно припекающее с раннего утра, обещало очередной жаркий день, и было решено выдвинуться пораньше, а самые жарки часы переждать в какой-нибудь роще или лесу. Во дворе замка уже стояла карета, чья крыша проседала от нагруженных на нее продуктов, и оседланные лошади, нетерпеливо пританцовывающие под сидящими на них стражниками. Тедар Балвин спешно проверял, все ли бумаги уложены в нужном порядке. Наконец документы были помещены в небольшой сундучок, с оббитыми железом краями. Не доверяя слуге такой ценный груз, торговый советник лично понес его к экипажу. Проходя по галерее второго этажа, Балвин-старший выглянул в оконце и увидел, что все семейство Приан уже стоит внизу, чтобы проводить гостей. Тедар Балвин заторопился. Некрасиво заставлять ждать хозяев замка и тем более принца. Он быстро зашагал по длинной галерее, отчаянно пыхтя и мысленно проклиная свое пристрастие к вкусной еде, которое, по словам лекарей, и было причиной его полноты и одышки. За тяжелой деревянной дверью начиналась лестница во двор, и Тедар Балвин поспешил вниз. На середине лестницы нога его неудачно встала на узкую ступеньку, соскользнула, и торговый советник, выругавшись с перепугу, шумно рухнул на спину, а подлетевший вверх сундучок приземлился острым углом с металлической набойкой точнехонько ему на ногу. Торговый советник взвыл от боли и обхватил руками пострадавшую ступню.

На крик прибежали слуги, а пару минут спустя вокруг несчастного Балвина уже суетились и хозяева замка. Торгового советника тут же перенесли в покои, которые он только что покинул, ногу осмотрели, и лекарь заявил, что предполагает как минимум два сломанных пальца.

–Благодарите Единых, духов или в кого вы больше верите, за то, что это всего лишь пальцы и кажется кость не раздроблена, а просто сломана, — ворчал старик-лекарь, привязывая деревянные дощечки к пострадавшим пальцам Балвина, чтобы кости срослись правильно.

–Думаю не идет и речи о том, чтобы господин Балвин куда-либо ехал теперь, — обратилась к принцу госпожа Эльга, обеспокоенно поглядывая на расстроенного Тедара Балвина.

–Конечно, мы предоставим господина Балвина вашим заботам, госпожа Эльга, — ответил Ритгард, весьма раздосадованный задержкой отъезда.

Утро выдалось беспокойным, Коррин все еще игнорировал его, сновавшие туда-сюда слуги вызывали раздражение, а теперь еще эти неприятности с советником свалились как снег на голову.

Балвин рассыпался в извинениях перед принцем. Пальцы его жутко болели и, пока лекарь готовил болеутоляющий настой, советник изо всех сил старался сдержать готовые вырваться наружу проклятия. Вейс вызвался остаться с отцом, и Ритгард не видел причин отказать ему. Он, выслушивая советы и наставления Балвина по поводу той информации, которую нужно собрать для отчета королеве, не заметил, как просветлело лицо Балвина-младшего и как старшая дочь барона тихонько вышла из комнаты, не сумев сдержать улыбки.

В результате происшествия с торговым советником выехали на три часа позже, чем планировали. Отряд, уменьшившийся на два человека, выступил за пределы замка барона и двинулся дальше на восток. Правда, теперь они могли двигаться гораздо быстрее, ведь карету пришлось оставить у барона Приана, вместе с частью припасов. Энарин посоветовал каждому взять с собой небольшой запас еды и питья, убедив Ритгарда, что они всегда могут купить еду у крестьян или на худой конец поймать рыбу или кроликов.

Ритгард ехал в середине процессии, а Коррин и Энарин в самом начале. Снова нещадно палило солнце, но в этот раз жару

было легче переносить из-за теплого ветерка, мягко обдувающего лицо. Из-за задержки решили не останавливаться днем надолго, и наскоро пообедали в деревенском трактире, где хозяин, уже наслышанный о том, что в их земли наведался сам принц, подавал самые лучшие свои блюда. Едва путники успели поесть сами, накормить и напоить лошадей, как снова пришло время выдвигаться в путь.

Ближе к границе провинций, которая проходила по краю небольшого леса, отряд подъехал уже в сумерках. Энарин выбрал для ночевки небольшую поляну, и мужчины начали разбивать лагерь. Когда закончили ужинать, уже наступила ночь, и каждый принялся готовить себе подстилку из еловых лап. Ритгард, которого сильно задевало показное равнодушие Коррина, всю дорогу думал о том, как ему вести себя с другом. Принцу вовсе не хотелось, чтобы Коррин уезжал, не хотелось терять близкого человека. За этими мыслями он и задремал, вдыхая аромат хвои, пробивавшийся от подстилки даже сквозь наброшенное на нее одеяло. Через несколько часов принца разбудил резкий крик какой-то ночной птицы, он сел, огляделся вокруг и увидел, что Коррин тоже не спит. Парень вызвался караулить, и теперь коротал время за резьбой по дереву. Ритгард встал и направился к нему, понимая, что больше не хочет терпеть это состояние неопределенности. Ему нужно еще раз обсудить все с Коррином и на этот раз спокойно. За весь день он едва перемолвился парой слов с Энарином, на которого теперь легла обязанность отслеживать маршрут, и чувствовал себя одиноко, что было для него, выросшего в замке с постоянно снующими вокруг людьми, крайне непривычным ощущением. Ритград присел возле друга и прямо заявил:

–Коррин, я не хотел бы, чтобы ты уезжал. Ты мой друг, и мне хочется видеть тебя рядом. Ты можешь поступить в стражу после обучения у Энарина. А еще я должен принести извинения за то, что тогда вспылил.

–Да брось, Ритгард, я сам накинулся на тебя, — Коррин как будто бы был рад тому, что принц заговорил первым. — Прости.

Но я много думал и вот что хочу сказать. Ты не можешь просто так взять и сделать меня бароном или герцогом, знать не одобрит этого и никогда не примет меня, я стану еще большим изгоем. Поступать в стражу по твоей протекции я тоже не хочу, не хочу чувствовать себя обязанным, ты итак сделал для меня очень много. Нет, дай мне договорить, пожалуйста. Ты был моим единственным и лучшим другом все это время. Но мы всегда прятались в тени, потому что никто не одобрял, что принц водится с нищим сиротой. Между нами всегда была эта пропасть, но ее не слишком замечаешь в детстве. Жизнь все равно разведет нас по разным дорогам. Поэтому я просто должен уехать и попробовать чего-то достичь сам. Правда, равным тебе я никогда не стану, даже близко не смогу подойти. Ты будешь королем, будешь править, а рядом с правителем нет места для таких как я.

Ритгард беспомощно смотрел на друга, ему казалось, что где-то он уже слышал похожие слова. Принц попытался собраться с мыслями и как-то вразумить Коррина, но как назло никаких стоящих аргументов не приходило на ум. И тут он вспомнил, откуда ему знакомо то, что говорил Коррин.

–Когда-то то же самое сказала мне мать, — задумчиво промолвил он и посмотрел на друга. -Она говорила еще, что мне будет больно, когда я потеряю друга.

–И она была права. Энарин всегда говорит, что боли не избежать, рано или поздно придется встретить ее. Раньше я думал, что он говорит о синяках и прочем, только теперь начал понимать, что не о них одних, — горько усмехнулся Коррин.

–Коррин, я не понимаю. В конце концов это все глупые условности. Подумай, по крайней мере, перед тем как решить окончательно, — сказал Ритгард, чувствуя себя беспомощным как ребенок.

–Я подумаю. Спасибо, — ответил Коррин. –Время еще есть. Тебе лучше отдохнуть, Рит.

Принц, не зная, что еще сказать, постоял какое-то время молча, затем развернулся и ушел. Коррину почудилось, что он

слышал тихий печальный вздох, когда друг отвернулся и направился к подстилке. Со своего места у костра он видел, как Ритгард поправил разъехавшиеся еловые лапы и улегся, кутаясь в шерстяное одеяло.

Коррин потер усталые глаза, взял нож и принялся резать дальше. Со стороны казалось, что ничего не произошло, только плечи парня слегка поникли. Всего пару недель назад Лестер прощался с ним, а теперь он в некотором смысле сам оказался на его месте. И только сейчас смог оценить, как тяжело даются подобные решения. Коррин испытывал странное чувство, будто что-то в его жизни переменилось навсегда. Он еще не осознавал, что сделав подобный выбор, он переступил некую невидимую границу между юношеством и взрослым миром.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, он принялся терпеливо обрабатывать болванку, с одного края которой уже вырисовывался изгиб крыла. За этим занятием остаток его караула прошел незаметно и, когда его сменил один из стражников, Коррин, успокоенный наконец этим нехитрым занятием, быстро заснул и крепко проспал до самого утра.

Ритгард же долго лежал и думал, пытаясь понять своего друга. Сон все не шел к нему, в мыслях крутились слова матери и все то, что сказал ему Коррин. Уснул он нескоро, совершенно измученный, и почти сразу к нему пришел какой-то странный сон. Он шел через туман, белый как молоко и такой густой, что вокруг лишь угадывались стволы многочисленных деревьев, проступавших сквозь белесую пелену. Принц понимал, что он должен что-то найти, но не знал, как это сделать в таком густом тумане. Он блуждал и блуждал, а туман и тишина, поглощавшая его шаги, словно бы давили на него и не отпускали, тая в себе нечто зловещее.

Наконец парень вышел на поляну, на краю которой рос большой дуб с круглым дуплом. Ритгард подошел ближе, и ему удалось рассмотреть, как впадины на коре дерева скручиваются, образуя спираль, центром которой и являлось дупло. Он прикоснулся к узору на коре, и пальцы его будто наяву ощутили грубую

поверхность дерева. И тут Ритгард почувствовал на себе тяжелый взгляд кого-то невидимого. Этот кто-то явно следил за ним, скрываясь за завесой тумана. Принца обуял такой ужас, что ему захотелось поскорее покинуть это место, но тело не желало слушаться, и Ритгард стоял, не в силах отнять от дерева намертво приставшие к нему пальцы. Внезапно раздался ледяной смех, глухим эхом отозвавшийся в густом тумане, а потом невидимая рука, державшая принца в параличе, ослабила хватку, и он проснулся.

Какое-то время Ритгард просто лежал и судорожно дышал, боясь открыть глаза. Сердце колотилось словно после бега, но теперь он хотя бы мог шевелить руками и ногами. Ритгард сглотнул и с облегчением глубоко вдохнул прохладный ночной воздух, по-видимому он не кричал и не метался как в прошлый раз, когда Вейс разбудил его. «Нужно что-то с этим делать, какой-то оберег, талисман или просто успокаивающая настойка из трав» — подумал он, решив при первой же возможности поговорить с лекарем или магом. Он вспомнил, что в детстве его какое-то время также мучили кошмары, и тогда мать отвела его к Лотиусу. Придворный маг прочитал заклинание, и дурные сны ушли. «Наверняка у герцога есть свой маг в замке, надо будет спросить его, но как-то незаметно. Не дело это, если люди будут знать, что я пугаюсь собственных снов» — заключил принц. Он перевернулся на бок и поплотнее закутался в плащ, надеясь, что кошмары больше не побеспокоят его сегодня.

Утро встретило принца неприветливым пасмурным небом и мелко накрапывающим дождиком. Энарин велел стражникам и Коррину спешить со сборами, боясь, что дождь усилится и придется мокнуть всю дорогу, либо вообще разбивать еще один лагерь в лесу, чтобы переждать непогоду. Согласно заметкам Балвина и карте, они должны были добраться до замка герцога ближе к вечеру. Завтракали уже на ходу, торопливо жуя хлеб с сыром и кутаясь в плотные плащи.

Коррин и Ритгард, не сговариваясь держались поближе к Энарину. Обоим не хватало сейчас некоторой устойчивости,

ощущения безопасности и покоя, а их наставник, как никто другой, умел сохранять спокойствие среди треволнений жизни. Обычно люди чувствовали исходящую от мастера меча доброжелательную силу и какое-то, сродни отцовскому, покровительство. Сама внешность играла Энарину на пользу. Лицо с крупными рублеными чертами и красивые миндалевидные глаза густого синего цвета, массивное телосложение и высокий рост, благодаря которому он напоминал безмятежную древнюю гору неизменно производили впечатление. Часто Ритгард думал, что его наставник похож на какого-то легендарного воина на заре времен или героя старинных сказаний — все это привлекало и располагало к нему людей, им казалось, что возле этого могучего невозмутимого человека проблемы их мельчают, а из сердец уходит тревога. Еще будучи мальчишками, Ритгард и Коррин уловили эту особенность, и со всеми своими детскими заботами шли к Энарину, как к отцу, которого у обоих никогда не было. И тот, надо отдать ему должное, был с ними терпелив, выслушивал, давал дельные советы, хвалил или распекал, сообразно ситуации.

Дождь все сыпал мелкой моросью, и плащи уже начали отсыревать, когда отряд наконец выехал из леса. Вдали, в пелене дождя, где-то в получасе езды, виднелись крыши деревенских домиков, а вскоре показались и выгоны. Люди ехали молча, никому не хотелось ни шутить, ни просто болтать, а мысли были заняты лишь мечтами о растопленной печке, у которой можно обсохнуть, и сытном горячем обеде. По краям дороги виднелись длинные тонкие стебли травы, унизанные мелкими каплями, и закрывшиеся от непогоды бутоны цветов. Низкое серое небо нависало над всадниками, подгоняя их и чавкающих по грязи лошадей к приветливо дымящимся трубам домов.

Навстречу путникам, несмотря на промозглую погоду, вышли все жители. Ритгард старался помнить о своих обязанностях и не показывать дурного настроения. Он вежливо ответил на приветствие, улыбнулся и, вручив поводья одному из крестьян, торопливо вошел в дом, где ему и еще троим его спутникам предложил остановиться деревенский староста. Остальные

стражники разместились в трактире. Принц откинул влажный капюшон, снял сырой плащ, и жена старосты, назвавшаяся Анной, проводила его к растопленной печке. Энарин, Коррин и один из стражников тоже вошли в дом и сели поближе к печи, повесив свои плащи на спинки стульев.

–Сейчас принесут поесть, ваше высочество. Погрейтесь, господа, а то с сырости и простыть недолго, — сообщила женщина, суетливо расправляя складки их мокрых плащей.

–Благодарю, от хорошего обеда мы не откажемся, госпожа Анна, — учтиво произнес Ритгард.

После сегодняшнего кошмара ему не удалось толком выспаться, всю дорогу он клевал носом в седле и последнее, чего принцу сейчас хотелось бы — это пустые церемонии и болтовня. Однако Ритгард, вспоминая, как сдержанно и учтиво всегда ведет себя мать по отношению к любым людям, постарался все же держаться с достоинством, несмотря на усталость.

Вскоре подали горячий суп с горохом и потрохами, хлебный каравай и ломти копченой свинины, из напитков на столе было легкое ячменное пиво. Когда все отогрелись и расслабились у теплой печки, Энарин обратился к Ритгарду:

–Заночуем здесь, а с утра отправимся прямиком в замок герцога Локвуда?

–Да, так будет лучше всего. Жаль там не будет Лестера, с ним было бы веселее, а так придется выслушивать бесконечные заискивания его отца, — вяло ответил Ритгард, наслаждаясь состоянием сытости и покоя.

Коррину при упоминании имени Локвуда стало не по себе, однако, поразмыслив, он решил, что будет даже любопытно увидеть замок, в котором родился и вырос Лестер, а заодно убедиться в том, что своей гордыней тот точно пошел в папашу. Он видел герцога Локвуда всего пару раз на пиру, когда тот приезжал проведать сына, поэтому ему сложно было составить четкое впечатление об этом человеке. Однако Коррин прекрасно помнил слухи, ходившие о характере герцога, и, насколько ему было известно, все люди, которые знали герцога лично, их только

подтверждали. «Ну, по крайней мере скучно нам точно не будет» — закончил он свои размышления, лениво шевеля пальцами ног в отсыревших сапогах.

7

Замок герцога Локвуда был построен не так давно (строительство завершилось при прадеде нынешнего владельца) и являл сильный контраст с родовым гнездом барона Приана. Он, как и все замки, был окружен толстой высокой стеной, края которой поддерживали дозорные башни, но все линии здесь были плавными, башни и башенки имели круглую форму, из-за чего замок выглядел уютным и не походил на древний громоздкий форт, в отличие от более старых построек. Замок герцога Артимера Локвуда стоял на невысоком холме, и вся прилегающая к нему территория была густо засажена рядами смородиновых кустов и шиповника. Климат не позволял выращивать виноград в северных краях, поэтому здесь отдавали предпочтение ягодам, из которых можно было делать различные наливки и настойки.

Путники медленно приближались к холму, пробираясь по деревенской улочке, а вдоль дороги стояли любопытные крестьяне, желавшие посмотреть на своего принца и его свиту. Герцог Локвуд выехал навстречу Ритгарду при полном параде. Высокомерие этого человека просто не позволяло ему поступить иначе. Герцог облачился в праздничную рубашку бледно-желтого цвета, подчеркивающую его светлые волосы, темно-синие бархатные бриджи, высокие сапоги из осветленной кожи и черный плащ с золотой вышивкой. Встретив отряд принца посреди дороги, он отвесил Ритгарду глубокий поклон, а его спутникам едва кивнул. После Артимер Локвуд недовольным взглядом остановил крестьян, желавших поприветствовать принца традиционным угощением и напитком, развернул коня и дальше поехал уже рядом с Ритгардом, как бы в очередной раз подчеркивая свое высокое положение. Герцог Локвуд был несомненно красив и умел произвести впечатление, но вот характер его

оставлял желать лучшего. Глядя на него, принц прекрасно видел, откуда у детей герцога, Дореты и Лестера, такая яркая, даже слишком картинная красота и непомерная гордыня. «От лошади волк не народится» — вспомнил он слова своей старой няни, слушая приветственные речи Локвуда.

Ритгарда, который к своим шестнадцати годам уже давно знал герцога и его любовь к демонстрации богатства и статуса, такое поведение совсем не удивило. Сам он был одет довольно просто, по-дорожному, но глядя на гордую осанку и спокойный уверенный взгляд, никто бы не усомнился, что перед ним настоящий принц. Только пара колец на пальцах и цепочка с небольшим знаком королевского дома украшали его в поездке, тогда как герцог демонстрировал всем толстую цепь с огромной золотой подвеской с обережными камнями, еще одну поменьше, с символом своего рода — крылатым львом, печатки и кольца с большими камнями и застежку для плаща с, по словам Коррина, «неприлично огромным рубином».

Принц заметил пришедших в замешательство крестьян, дружелюбно улыбнулся им, слез с лошади, принял простой деревянный кубок со светлым пивом и угостился местным сыром. Он коротко поблагодарил их за еду и питье, задал несколько вопросов об урожае и погоде, и только потом забрался обратно в седло. Герцог Локвуд поджал губы, выглядел он крайне недовольным, но тем не менее не посмел перечить принцу.

Энарин и его оруженосец ехали немного позади Ритгарда и герцога, тихо перебрасываясь шутками и замечаниями. Спесь герцога Локвуда уже стала притчей во языцех, но оскорблять его в его же владениях было бы крайне глупо и невежливо.

–Я не удивлюсь, если его светлость велит постелить нам в сарае, ведь примерно там, по его мнению, самое место таким как мы, — мрачно пошутил Коррин.

Однако при том, что ему совершенно не понравилось поведение герцога, парень испытал немалое удовлетворение, представляя, как вытянулось бы надменное лицо Артимера Локвуда, если бы тот узнал о его отношениях со своим сыном. «Лес ко-

нечно тоже не подарок, в нем такая же прорва этой локвудовской гордости, но он, не знаю, больше похож на человека, уж точно больше, чем его разряженный высокомерный папаша» — размышлял Коррин.

–Я бы лучше спал в сарае и ужинал там же, чем слушать речи Локвуда за столом, — прервал его мысли Энарин. -Величие рода, наследие — вся эта чепуха. Но, бьюсь об заклад, он захочет задобрить принца и удивить нас роскошной едой и обстановкой.

Энарин был уверен, что желание показать свое богатство и величие пересилит в герцоге презрение к мастеру меча и безродному сироте, и Коррин, поразмыслив, согласился с ним.

–Наверное ты прав, скорее всего так и будет, — отозвался парень.

Ритгард и герцог Локвуд в это время уже проехали подъемный мост, слуги тут же забрали поводья и увели лошадей, а герцог, лицемерно сокрушаясь по поводу отсутствия Тедара Балвина, повел принца внутрь замка. Но тут Ритгард настоял на том, чтобы дождаться своих спутников, на что герцог с довольно кислой миной все же согласился. Обычных стражников проводили на замковую кухню, а принца, мастера меча и оруженосца отвели в выделенные им покои. Переодевшись и умывшись, они спустились в главный зал, который сегодня служил и трапезной по случаю приезда знатного гостя и явно был призван показать богатство рода Локвудов.

Зал был украшен новыми гобеленами, подсвечники сверкали начищенными серебряными боками, льняная скатерть, кипельно-белая и явно совсем новая, была расшита бледно-желтыми лилиями, и спускалась почти до самого пола. Длинный старинный стол из темного дуба тянулся на половину комнаты и мог бы запросто вместить до двадцати человек, вместо простых лавок герцог распорядился подставить к нему тяжеленные стулья со спинками, покрытыми крупной резьбой. Несколько слуг, бледные от волнения и оказанной им чести прислуживать будущему королю, стояли у дверей, ожидая, когда все займут свои места.

Сегодня герцог велел поставить на стол старинный сервиз из черненого серебра, который служил его семье уже несколько поколений. На всей посуде повторялся один и тот же мотив — тонкие, аккуратные листья яблоневого дерева, на кроне которого тут и там виднелись плоды. Особенно красиво выглядели кубки: сама чаша была стилизована под крону, ножка изображала ствол дерева, а основание кубка покрывал узор из переплетенных корней. «Это, пожалуй, смотрелось бы достойно и в королевском замке» — подумал Ритгард, рассматривая кубки, и дал себе зарок тоже обзавестись чем-то подобным.

–Я приношу свои искренние извинения, ваше высочество, что вся моя семья не смогла приветствовать вас здесь. Лестер был крайне расстроен, но договор есть договор, он сейчас уже должен быть на пути в Кесс. А моя дочь, Дорета, вы ее наверняка помните, редкая красавица, и ее супруг никак не смогли приехать, несмотря на мои настойчивые просьбы. Она сейчас в положении и лекарь запретил ей любые поездки, но они готовы встретить вас в своем доме, когда вы доберетесь до южных провинций, — обратился к принцу герцог.

Он все говорил и говорил, и гостям уже начинало казаться, что его речам не будет конца, когда в противоположном конце зала открылась дверь и на пороге появились две женщины.

Гости сразу обратили на вошедших свое внимание, радуясь возможности отвлечься от болтовни Артимера Локвуда, который практически не давал вставить в свои речи ни единого слова. Когда женщины подошли ближе, стало заметно, что одна из них совсем еще молодая девушка. Спутнице девушки было на вид около тридцати лет, и она, по всей видимости, была второй женой герцога.

–Моя супруга, герцогиня Алалия. Моя двоюродная племянница Тиана Корк, дочь покойных лорда и леди Корк. Матушка Тианы — была моей кузиной. Она и ее супруг покинули нас всего несколько месяцев назад и я, как опекун, забочусь о Тиане, — сообщил герцог.

Герцогиня и Тиана присели в реверансе, когда прозвучали их имена, и Ритгард приветливо улыбнулся и кивнул обеим.

–Мы так рады приветствовать вас и ваших спутников в нашем доме, дорогой принц, — обратилась к Ритгарду леди Алалия. -Вы должно быть голодны с дороги.

Принц, уловив намек, предложил ей свою руку, чтобы проводить к столу, и заверил, что очень ценит гостеприимство герцога и его семьи. Следом пошел сам герцог, взявший под руку племянницу, завершали процессию Энарин и Коррин, обменявшиеся за спиной герцога веселыми взглядами.

Леди Алалия производила впечатление женщиной симпатичной, но по-видимому не обладала глубоким умом. Однако ее едарований хватило, чтобы несколько лет назад окрутить герцога и стать его законной женой. Она была из обедневшего, но старинного знатного рода, и все диву давались, когда Артимер Локвуд женился на ней. Да, род невесты был почитаемым и древним, но уже несколько поколений назад утратил прежние богатства и постепенно приходил в упадок. Говорили, что ко времени рождения самой Алалии, отец ее настолько обнищал, что его бедная жена вынуждена была сама учиться готовить еду для себя и мужа. Несколько удачных вложений в торговлю, о чем никто из семьи не любил упоминать, однако немного поправили их положение.

Ходили слухи, что когда герцог, уже бывший в то время вдовцом, гостил проездом в родовом замке отца Алалии, она тайком пробралась к нему ночью и показала себя в постели настолько хорошо, что герцог закрыл глаза на ее нищету, и спустя уже месяц-другой повел как невесту к духову камню. Сейчас леди Алалия Локвуд была еще молодой женщиной с округлой, приятной глазу фигурой, и Ритгард подумал, что герцога в общем-то можно понять. Наверняка в юности Алалия была очень мила. Ее большие карие глаза до сих пор имели несколько наивное выражение, что казалось слегка не к месту теперь, когда она уже давно вышла из девичьего возраста. Ритгард отметил про себя, что леди Алалия, также, как и ее супруг, не поскупилась

на украшения, выбирая наряд для встречи принца. На ней было платье из дорогого ярко-красного сукна с низкой талией и расширяющимися от бедер юбками. По вороту и подолу платья шла узкая черная тесьма, расшитая мелким жемчугом, на бедрах красовался широкий плетеный пояс с золотой пряжкой, а на груди сверкало тяжелое золотое ожерелье с алыми капельками рубинов.

Ее племянница выглядела и держалась гораздо скромнее, наверное такого поведения и требовал герцог от дальней родственницы, которая обязана выглядеть прилично, но при этом ни в коем случае не должна затмить свою цветущую тетушку.

Тиане на вид было около шестнадцати-семнадцати лет, она была худенькой, среднего роста, держалась спокойно и с достоинством. Темные волосы девушки были заплетены в простую косу и перевиты тонкой черной лентой в знак траура по родителям. Ее платье цвета темной зелени, разбавленное лишь вышивкой по подолу и вороту, ярко контрастировало с нарядом молодящейся Алалии, и, как ни странно, эта простота радовала взор больше, чем нарочитая роскошь герцогини.

На шее у девушки висела круглая серебряная подвеска с нефритом, других украшений Ритгард на ней не заметил. Девушка показалась ему куда приятнее своей тетки, и он принялся исподтишка разглядывать ее. Лицо Тианы имело немного вытянутую форму, нос был с едва заметной горбинкой, но все внимание приковывали к себе глаза. Большие, открыто смотрящие на мир и светло-зеленые, как сочная луговая трава, они и были главным ее украшением, а цвет платья и камня в подвеске, лишь подчеркивал их необычный оттенок. Было заметно, что ей неловко в обществе чужих людей. Однако находясь под опекой герцога, девушка явно вынуждена была жить по правилам, установленным Артимером Локвудом. И правила эти определенно предполагали радушную встречу будущего короля, независимо от того, есть ли у тебя настроение и желание это делать или нет.

Как и предположил Энарин, герцог Локвуд расстарался на славу, чтобы впечатлить принца и заставить его спутников

восхищаться величием его рода и щедростью оказанного им приема. Он не учел лишь одной детали — оба они, и Коррин, и Энарин давно уже жили в королевском замке, поэтому поразить их роскошью обстановки или изысканными блюдами было сложно.

К ужину в качестве основных блюд подали запеченных фазанов, напичканных курятиной, томленой в сладких яблоках, ароматную похлебку из красной рыбы, огромный свиной окорок, маринованный в смородиновой наливке, а также многочисленные закуски и свежайший, еще теплый, хлеб с хрустящей корочкой.

Разговор за ужином поддерживали в основном герцог и его жена, тогда как остальные предпочитали время от времени вставлять короткие вежливые замечания. Ритгард отметил, что Артимер Локвуд периодически бросал на племянницу суровые взгляды, как-будто был чем-то недоволен, а та продолжала есть и старалась не смотрела в его сторону. Лишь изредка девушка отвечала на вопросы, которые задавал ей сидевший подле нее Энарин. Наконец, герцог устал сверлить племянницу взглядами и, когда унесли последние блюда произнес:

–Ваше высочество, я помню, что вы любите охоту. По счастью Тиана тоже обожает охотиться. Быть может вы составите ей компанию завтра утром? Конечно ваши спутники тоже могут присоединиться.

Ритгард отметил про себя, что девушка поглядела на герцога то ли с беспокойством, то ли раздражением, и снова отвела взгляд.

–Я бы с радостью согласился, но боюсь, что мне лично придется заняться записями господина Балвина. Матушка будет ждать отчета, когда мы вернемся в столицу, — ответил он герцогу, пригубив сладкой ягодной наливки.

–О, за это не беспокойтесь, ваше высочество! Я уже все подготовил, вам останется только дополнить эти сведения своими выводами. Мне не хотелось бы, чтобы в моем доме вы утруждали себя такими хлопотами, вы итак взяли на себя большой труд

объехать все провинции. Сейчас в нашем лесу появились чудесные кабаны, не далее как неделю назад мой ловчий сообщил об этом. И оленей в этом году очень много, — настойчиво продолжал герцог.

Ритгард, перекинулся быстрыми взглядами со своим наставником, одобрительно улыбнувшимся в ответ на слова Локвуда, и решил, что раз дел здесь будет немного, можно позволить себе небольшое развлечение. Заодно охота даст ему минимум полдня отдыха от общества четы Локвуд. Принц изобразил задумчивый вид, будто взвешивает все за и против, а потом все же согласился, после чего герцог расплылся, пожалуй, в самой своей любезной улыбке.

–Тогда решено. Утром моя племянница составит вам компанию с великим удовольствием. Верно, Тиана, дорогая? — обратился к девушке герцог с некоторым нажимом в голосе, однако при этом даже не взглянув на нее.

–Как вам будет угодно, дядюшка. И вам, ваше высочество, — ответила Тиана, бросив короткий взгляд на герцога и тут же переведя его на пустую тарелку.

После ужина герцогиня предложила сыграть в карты, на что согласились лишь Ритгард и Энарин. Герцог же сослался на необходимость срочно написать письмо, но обещал как можно быстрее вернуться. Тиана тоже извинилась, сказав, что у нее разболелась голова, и тихонько выскользнула из зала.

Некоторое время спустя, Коррин, у которого не было настроения играть, вызвался проверить, как устроили приехавших с ними стражников. Вечер грозил быть скучным до одури, и парню хотелось отвлечься от слащавых речей Артимера Локвуда хотя бы на время. Он вышел из зала несколькими минутами позже герцога и его племянницы и пошел по длинной галерее, ведущей к лестничному пролету. Не успев дойти и до середины коридора, парень увидел приоткрытую дверь и услышал доносящийся оттуда недовольный голос герцога Локвуда. Некоторые интонации его до того напомнили Коррину Лестера, что парень застыл в замешательстве. Он тряхнул голо-

вой, прогоняя наваждение, и уже собрался было идти дальше, когда различил произнесенное герцогом имя Ритгарда. Замешательство парня тут же сменилось любопытством, и он, оглядевшись по сторонам, подкрался поближе, решив узнать, что за интриги плетет Артимер Локвуд.

–Видят духи, Тиана, ты испытываешь мое терпение. Завтра на охоте изволь улыбаться и быть приветливой с принцем. Я надеюсь, ты помнишь наш план? Ночью ты отправишься к нему в покои и не уйдешь оттуда, пока он не будет доволен. Мы с Алалией лично проводим тебя туда, — злобно шипел герцог из-за приоткрытой двери.

Девушка что-то сказала, но голос ее был тихим и Коррин не услышал, что именно она говорила. Локвуда, по всей видимости, ответ Тианы ответ не устроил, и он снова заговорил, на этот раз перейдя к прямым угрозам.

–Твои родители больших богатств тебе не оставили, и, пока тебе не исполнится семнадцать, ты должна слушаться меня, иначе не получишь вообще ничего. Я предлагаю тебе возможность выйти замуж за принца, стать в будущем королевой, а ты так просто отказываешься! Это же связи, положение, престиж, деньги! Помяни мое слово, Тиана, я выдам тебя за старого графа Бонка, если будешь артачиться в этом деле, или за полоумного сынка барона Тревина.

Голос Артимера Локвуда становился все громче и выше, герцог явно вышел из себя и уже не заботился о том, что его могут услышать.

–Хороша забота — пусть сначала принц попользуется, а если не понравится, так подсунем другому? — ответила девушка дрожащим от гнева голосом. — Вы помешались на своих связях, положении в обществе и на своей гордыне, дядя! Ваша жена не смогла вовремя родить вам детей, а теперь я должна расплачиваться за то, что оказалась единственной родственницей подходящего возраста, чтобы соблазнить принца!

Раздался звук пощечины, и Коррин понял, что нужно уходить, пока его не обнаружили. Он быстро двинулся в сторону за-

ла, где Ритгард и Энарин коротали время за игрой в карты в обществе леди Алалии. Какое-то время до него еще доносился громкий голос герцога, а затем дверь открылась, и из кабинета выскочила заплаканная Тиана. Прижав ладонь к правой щеке, она побежала в противоположную от парня сторону. Коррина она не заметила, и тот с облегчением вернулся в зал. Парень прикрыл за собой дверь и последовал к столику, где шла своим ходом довольно вялая игра. Леди Алалия вместо того, чтобы следить за своими картами, откровенно разглядывала Энарина, а тот делал вид, что не замечает ее явного внимания. Ритгард едва сдерживал улыбку, он встретился взглядом с Коррином и взглядом указал ему на жену герцога, показывая, как его смешит эта ситуация. Коррин понимающе улыбнулся и сел одно из свободных кресел, ему стало так тепло и хорошо от этого привычного жеста, как-будто между ним и Ритгардом не было никакой ссоры и тяжелого разговора. Однако, как парень ни старался сосредоточиться на хорошем, перед его мысленным взором весь остаток вечера маячила фигурка девушки, бегущей прочь от дверей герцогского кабинета, а в ушах все еще звучали жестокие слова ее опекуна.

Вскоре вернулся и сам герцог, он извинился, сказав, что письмо потребовало больше времени, чем предполагалось. Коррин любопытства ради стал следить за ним, гадая, отразится ли ссора с племянницей на поведении Локвуда, но герцог играл свою роль радушного хозяина очень хорошо и вел себя так, будто ничего не произошло. «Вот ведь гад. Нужно рассказать Ритгарду о девчонке. Раньше у него хватало ума не тащить в постель каждую девицу, которую пытаются ему подсунуть такие вот заботливые родственники» — подумал парень. Он конечно знал о визитах друга в веселый дом, что же касалось знатных девиц, Ритгард обычно старался избегать их, говоря, что у девушек из веселого дома скромнее аппетиты по поводу денег и сильнее по поводу удовольствий. В чем-то он определенно был прав, ведь ни одна из девушек госпожи Агнеты, ложась в постель с принцем, не рассчитыва-

ла на то, что он женится на ней или признает ее незаконного ребенка.

Остаток вечера прошел довольно скучно, под трескотню герцогской четы и зевки Коррина, который ждал подходящей возможности рассказать другу о подслушанном разговоре. Наконец, сославшись на усталость после дороги, Ритгард и его спутники пожелали герцогу и герцогине добрых снов и отправились в выделенные им покои. Их провожали слуги, освещая дорогу, а позади, пристав к Ритгарду, точно репей, шествовал сам герцог. Ему хотелось лично проводить принца и убедиться, что тот оценил роскошное убранство выделенных ему комнат. Покои Ритгарда располагались на другом конце длинной галереи, сложно будет пробраться туда незамеченным. Однако для начала следовало дождаться, пока герцог уберется восвояси. Коррин проследил за удалявшимся по коридору Ритгардом тоскливым взглядом и только после этого понял, что слуга завел их с Энарином не в те комнаты, где они переодевались сразу после приезда. Парень вошел внутрь вслед за наставником и едва удержался от того, чтобы громко присвистнуть.

Даже при слабом свете свечей было видно, насколько богато обставлена спальня. Комнату заполняла тяжелая старинная мебель, вся в затейливых резных узорах, среди них сразу выделялись две кровати с пологом, а на стене в толстой красивой раме красного дерева тускло блестело большое зеркало. Пол спальни был устлан мягким ковром, на столе гостей ждал кувшин с вином и ваза с сушеными фруктами.

–Леди Алалия велела переселить вас сюда, она надеется, что вам здесь будет удобнее, — объяснил слуга и спешно откланялся.

–Леди Алалия, — сказал Коррин, обращаясь к Энарину, когда слуга скрылся за дверью. — после ужина чуть не съела тебя вместо десерта.

–Запри-ка дверь, Коррин, — рассмеялся тот. –Придется ей поголодать сегодня.

–Так и сделаю, только мне нужно сказать Ритгарду кое-что.

–Коррин, если ты окончательно решил ехать в Кесс, я могу написать паре знакомых, чтобы помогли тебе с местом. Только побудь положенный срок оруженосцем, и через год-другой сможешь отправиться, — неожиданно произнес Энарин

Он решил воспользоваться моментом, чтобы выполнить свое обещание принцу и поговорить с воспитанником об отъезде.

–Он рассказал тебе, да?

Коррин заерзал, неловкость и чувство стыда всколыхнулись у него внутри. Он не собирался так скоро посвящать в свои планы Энарина и совершенно не подумал о том, что может расстроить его своим решением.

–Да, Ритгард волнуется о тебе, также как я и Кайла. Просто подумай хорошенько, у тебя еще есть время, — серьезно ответил Энарин.

–Подумаю.

Коррин заторопился уйти, стараясь не смотреть наставнику в глаза. Когда он покинул спальню, свечи в галерее еще горели, и парень, время от времени оглядываясь и прислушиваясь, добрался до ее противоположного конца. Он прильнул к двери, чтобы по звукам попытаться понять, один ли Ритгард в покоях, а затем осторожно постучал. Послышались легкие шаги, и принц открыл дверь. Судя по недовольному лицу, он ожидал увидеть кого-то другого, однако, поняв, что перед ним лучший друг, отступил в сторону, пропуская его внутрь комнаты.

–Я думал это Локвуд, он ушел минут десять назад. Еле выпроводил его, изображая жуткую зевоту. Он все распинался про завтрашнюю охоту и спрашивал, нравятся ли мне покои, — объяснил принц, запирая дверь.

–Где слуга? — осторожно осведомился Коррин.

–Я отослал его, сказал вернуться через час.

Ритгард махнул рукой в сторону стола, приглашая друга присесть. Коррин уселся, нервно вздрогнув, когда под ним скрипнул стул. Он не знал, как начать разговор. После размолвки в замке Приана, оба друга все еще чувствовали некоторую неловкость, к тому же после беседы с Энарином у Коррина на душе остался

неприятный осадок. Принц налил себе вина и придвинул кувшин к другу, тот тоже плеснул себе немного в красивый литой кубок.

–Что случилось, Коррин? — спросил Ритгард, видя, что парень в нерешительности крутит кубок в руке, но так и не сделал ни одного глотка. Он уже не держал зла на друга и, поразмыслив, стал надеяться, что идея с отъездом в Кесс возможно была простой бравадой.

–Ммм, помнишь, когда вы сели за карты, я вышел, чтобы поискать наших ребят и расспросить, как их устроили? — начал Коррин, наконец отпив немного вина.

–Прекрасно помню. С ними плохо обошлись? — брови Ритгарда удивленно приподнялись.

–Нет-нет. Ну, я не знаю, по правде говоря. Я шел по галерее и случайно кое-что услышал, — замялся Коррин.

Он рассказал Ритгарду, как подслушал ссору герцога с племянницей. Ритгард молча выслушал друга и не особенно удивился. Коррин, собственно говоря, и сам не был поражен планами герцога, который был далеко не первым, кто пытался подсунуть свою юную родственницу в королевскую постель. С тех пор как принцу минуло четырнадцать, и он здорово вытянулся, с ним уже успели побеседовать на эту тему и отчаянно краснеющий Тедар Балвин, и даже обычно невозмутимый Энарин, которому в тот раз было явно не по себе.

Умнее всех поступил в итоге военный советник Кордин, чей сын Клайн был приятелем Ритгарда и жил в замке с двенадцати лет. Будучи на пару лет старше принца, парень уже успел стать завсегдатаем веселого дома и порой приводил в свою спальню некоторых замковых служанок. Кордин велел сыну втайне от всех отвести принца в бордель, чтобы тот получил нужный опыт, и не оказался случайно жертвой махинаций какой-нибудь знатной семейки, подсунувшей ему свою дочку в надежде на откупные или даже брак.

–Старый дурак, — заявил Ритгард. -Не скажу, что девчонка мне не понравилась, она по-своему милая, но не в моем вкусе,

если уж говорить честно. Судя по всему, она и сама не в восторге от затеи Локвуда. Думаю, если предложить ей притвориться, то она согласится. Так мы оба будем в выигрыше, и Локвуд не сможет ни в чем упрекнуть ее, а мне он попросту не посмеет ни о чем даже заикнуться.

–Если ты не намерен и впрямь с ней спать, то это единственный вариант, — ответил Коррин. — Мне пора идти, я обещал Энарину, что зайду к тебе ненадолго.

Парень встал из-за стола, поставил на место пустой кубок и направился в сторону двери, когда с другой стороны раздался тихий несмелый стук. Коррин замер на полпути и обернулся к Ритгарду, взглядом спрашивая, что теперь делать, а тот негромко прыснув в кулак, махнул в сторону большого шкафа. Коррин быстро прокрался за шкаф и встал, прижавшись к стене. Он уже жалел, что не ушел раньше, но делать было нечего. Тем временем стук повторился. Ритгард подошел и открыл тяжелую дверь. На пороге, как и ожидалось, стояла племянница герцога. Все в том же платье, что было на ней за ужином, только прямые темные волосы распущены и переброшены вперед через левое плечо. Лицо девушки ничего не выражало, но голос звучал натянуто и она явно нервничала.

–Ваше высочество, мне очень нужно поговорить с вами, прошу, позвольте мне войти, — скороговоркой пробормотала Тиана, стараясь не смотреть принцу в глаза.

–Не думаю, что тебе прилично находиться здесь, Тиана, но дело, как видно, важное. Проходи.

Ритгард изобразил удивление, как-будто вовсе не ожидал прихода девушки, пропустил ее в комнату и закрыл дверь. Щелкнула задвижка и девушка вздрогнула, она все еще не решалась говорить, но приняла приглашение присесть. Тонкие пальчики в волнении смяли подол платья. Принц без лишних слов наполнил кубок, из которого пару минут назад пил вино его друг, и протянул Тиане.

–Послушай, Тиана, так получилось, что я знаю, зачем ты пришла. Я знаю, что задумал герцог, и знаю, что тебе, как и мне,

кстати, это не по нраву, — сразу сказал он девушке, чтобы избавить ее и себя от излишней неловкости и объяснений.

Он заметил, как девушка на несколько секунд задержала дыхание, словно не веря его словам, а потом глубоко вздохнула и плечи ее расслабленно опустились.

–Откуда вы узнали? — спросила она уже более спокойно и без прежнего напряжения в голосе.

–Коррин случайно подслушал ваш разговор и передал мне, — Ритгард указал в ту сторону, где стоял парень, и девушка обернулась.

Увидев прятавшегося Коррина, она даже улыбнулась, понимая всю комичность происходящего. Парень вышел из-за шкафа и тоже присел за стол вместе с ними.

–Спасибо тебе, — сказала она, обращаясь к оруженосцу. -Я просто не представляла, что мне делать. Дядя вбил себе в голову, что ему нужно породниться с королевской семьей так или иначе. Он угрожал мне.

–Всегда пожалуйста, — ухмыльнулся Коррин. -И что же вы теперь будете делать? Просто скажете ему, что его, кхм, план, сработал и все?

–На какое-то время это его успокоит, правда, боюсь, что потом, когда окажется, что я не беременна королевским бастардом, он все-таки выдаст меня замуж, — с грустью произнесла Тиана, прихлебывая вино, а затем добавила. -И вряд ли он будет выбирать, исходя из того, хороший человек или нет. Ему важны только кошелек и знатность.

–Тебе в любом случае предстоял бы договорной брак. Так всегда было в нашем сословии, — ответил принц.

Ритгард пытался быть рассудительным, однако вид расстроенной девушки все же задел некие благородные струны в его душе.

–Все это так, но как вы полагаете, я бы предпочла не слишком знатного, но молодого и здорового мужа, или же дряхлого, но богатого старика-графа, который одной ногой стоит в могиле? Конечно был бы договор, но мои родители, в отличие от дя-

ди, не были такими тщеславными, и выбрали бы мне кого-то более подходящего по возрасту, — отпарировала Тиана.

Коррин слушал молча, ему понравилось, что девушка рассуждает здраво и не тушуется перед Ритгардом, как часто бывало и с более взрослыми людьми при общении с принцем.

–Тут ты меня подловила. Кстати, можешь обращаться ко мне просто по имени, и думаю, если ты хотя бы пару раз сделаешь это при герцоге, он, пожалуй, охотнее поверит в обман, — рассмеялся Ритгард, подливая себе еще вина.

Оно оказалось приятным и легким, кажется герцог говорил, что дочь и зять раз в полгода отправляют ему это вино прямиком со своих земель.

–Я могу еще чем-то помочь тебе? — неожиданно спросил принц у Тианы.

–Может быть рекомендательное письмо к какой-нибудь баронессе, графине или кому там еще? Титул мне не важен. Я предпочла бы быть хоть служанкой, чем сидеть здесь в ожидании, когда меня продадут кому-нибудь по дядюшкиной прихоти.

–Послушай, Ритгард, — неожиданно для себя самого вмешался Коррин. -Королева хотела, чтобы Кайла отдохнула перед рождением ребенка. И кажется Кайла упоминала, что нынешней девушкой не очень довольны. Может быть Тиана могла бы заменить ее при твоей матери на время? А там уже будет видно.

–Идея хорошая, — Ритгард задумался ненадолго, а потом обратился к девушке. –Я могу отправить письмо матери с просьбой пристроить тебя к ней или к другой даме. Нужно будет дождаться ответа, но я думаю, что прямого приказа королевы герцог ослушаться не посмеет.

–Если это поможет мне выбраться отсюда, то я согласна хоть полы в таверне скрести. Мне нужно продержаться еще год, до совершеннолетия, а там я смогу уже сама выбирать себе мужа, если вообще захочу выходить замуж, — ответила Тиана, с благодарностью глядя на Ритгарда и Коррина.

Какое-то время они еще поговорили о завтрашней охоте, Тиана рассказала немного о своей жизни в замке, задала

несколько вопросов о столице, в которой, как оказалось, бывала всего пару раз и то проездом. За беседой кувшин с вином постепенно опустел, к тому же скоро должен был явиться приставленный к нему слуга, и Ритгард предложил всем отправляться спать.

–Что ж, тогда решено — завтра после охоты я напишу матери. Пожалуй, пора расходиться, времени прошло достаточно, чтобы твой дядя подумал, что все прошло по плану, — обратился Ритгард к Тиане. -Сначала пойдешь ты, а потом Коррин. Думаю, что с Локвуда станется дожидаться на галерее, пока ты выйдешь.

–Ты прав, скорее всего он и Алалия давно там, — Тиана поморщилась.

Ритгард проводил девушку к двери, и даже вышел с ней за порог. Напоследок, развеселившись от выпитого вина и глупой ситуации, в которой оказался из-за герцога, парень решил разыграть сцену прощания так, чтобы Локвуд и его жена, если они и впрямь следят за дверью в его покои, убедились, что их план сработал.

–Что ж, я очень жду встречи с тобой завтра, Тиана. Надеюсь, ты снова придешь и согреешь мою одинокую постель, — негромко проговорил он, пытаясь, насколько это возможно, чтобы голос звучал томно и страстно.

Принц слегка наклонился вперед, поцеловал девушку в щеку, погрузив пальцы в распущенные волосы Тианы. Он приподнял прядь темных волос, словно любуясь их блеском. Девушка очень правдоподобно изобразила смущение и потупила взгляд, а потом, змейкой выскользнула из объятий принца и направилась в свои покои. Со стороны могло показаться, что ей неловко и стыдно, но на самом деле Тиана едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Когда фигурка девушки скрылась за поворотом, Ритгард снова запер дверь. Он повернулся и встретился взглядом с Коррином, секунду-другую уголки ртов у обоих слегка подергивались, а потом парни разразились дружным хохотом. Коррин хохотал так сильно, что на глазах его выступили слезы.

–Духи, Рит, где ты подхватил эти банальности про постель? А этот томный голосок. Похоже на сцену из пьесы бродячей труппы, — сказал парень, вытирая повлажневшие от смеха глаза.

–На самом деле оттуда и взял. В прошлом году мы с Клайном ходили на выступление за городом. Я запомнил кое-что, — ответил Ритгард, держась за ребра.

Ему было так легко, как уже давно не бывало в обществе Коррина. Сейчас они словно вернулись в прежние времена, когда ни один из них не задумывался о разнице в положении и о расходящихся на жизненном пути дорогах. Сегодняшняя ситуация с Тианой будто вновь объединила их, и Коррин возвращался в отведенные ему и Энарину покои с легким сердцем. Ритгард же дождался слугу, велел ему запереть дверь и только потом забрался в постель. Едва голова его коснулась подушки, как принц провалился в сон.

Он шел по теплому летнему лесу, мягкая хвоя заглушала шаги и покорно вжималась в землю под подошвами тяжелых сапог. Солнце золотило стволы деревьев, темные сочные стебли травы и пустую нахоженную тропу, узкой лентой уходящую вглубь леса. Сон был настолько прекрасным и светлым, настолько похожим на реальный мир, что Ритгарду казалось, будто он кожей ощущает тепло солнца и явственно чует в воздухе аромат хвои. Принц устремился вперед по тропе, вокруг шелестели травы и звучали птичьи трели. Ритгард не сразу заметил, когда тепло и свет начали исчезать, не сразу услышал, как в птичьи напевы вплелись посторонние шепотки. Чьи-то голоса звали его, ласково манили в самую гущу леса, и он, поддавшись их чарам, беспечно шел вперед.

Наконец, принц вышел на поляну, неестественно круглую и сплошь заросшую мелкими белыми цветочками, источавшими сладкий медовый запах. Он стоял, совершенно зачарованный и одурманенный звуками и ароматами леса, и поздно заметил, что за кустами и деревьями замелькали чьи-то тени и послышался смутно знакомый прохладный смех. Смех этот волной пронесся над поляной и как-то вдруг отрезвил Ритгарда, он увидел,

что солнце исчезло, а небо и кроны деревьев заволокла туманная дымка. Тепло сменилось неприятной сырой прохладой, и тени, поначалу державшиеся на расстоянии, начали постепенно окружать принца. Он же стоял и не мог сдвинуться с места, потерянный, беспомощный и пораженный тем, насколько реальным был этот сон.

Постепенно тени подошли совсем близко. Тонкие руки, белые, коричневые, зеленоватые замелькали вокруг него, и в вихре кружащихся размытых силуэтов парень сумел разглядеть, как ему показалось, женские фигуры. Они шептали прямо ему в уши, и сейчас он наконец смог различить слова, которые вылетали из их темных губ: «Пойдем! Пойдем, он ждет тебя, господин ждет тебя! За нами, юный принц, иди за нами!» Ритгард увидел, как на краю поляны стволы деревьев разошлись в стороны, образовав проход в виде арки. Принц уже двинулся по направлению к нему, ведомый хороводом круживших подле него призрачных фигурок, когда чей-то звенящий голос внезапно вырвал его из этого красивого и жуткого сна.

–Ваше высочество! Ваше высочество!

Тонкий голосок мальчишки-слуги настойчиво и громко звучал в утренней тишине.

— Ваше высочество, пора вставать, охота скоро! — повторял мальчик.

Ритгард, сообразивший наконец, что он уже не в лесу и может шевелиться, открыл глаза и сделал глубокий вдох.

Рассветное небо, розово-золотое, с раскиданными тут и там небольшими облаками, виднелось за узким оконцем, и отблески утреннего солнца преломлялись в неровных круглых стеклах. На столе уже стоял завтрак: салат из тонких обжаренных на масле полосок мяса, мелко нашинкованного лука, вареной моркови и зеленого горошка, к нему прилагались белый хлеб, вино и ветчина. При взгляде на еду Ритгарда одолела тошнота. Вялый и измотанный, словно ему всю ночь пришлось ехать верхом, принц сполз с кровати.

«Нужно умыться, поесть и ехать на эту проклятую охоту» — сказал он себе, сегодня как никогда жалея, что вынужден вставать в такую рань и выискивать в лесах кабанов.

Мальчишка лил ему на руки прохладную колодезную воду из кувшина, пока принц плескал ее себе на лицо, шею и на грудь, а затем подал чистое льняное полотенце. На ближайшем стуле висела вычищенная слугами одежда, а на полу рядом с ним стояли чистые, блестящие сапоги. Ритгард отослал мальчика и оделся сам, принцу не хотелось, чтобы ему помогал незнакомый человек. Он решил позавтракать в одиночестве. Так у него будет время прийти в себя и, возможно, все-таки охота и люди отвлекут его от ночного кошмара. Ритгард снова вспомнил то время, когда похожие сны преследовали его в детстве, вспомнил, что тогда Лотиус читал заклинание, чтобы они прекратились. Возможно, нужно снова попросить его сделать это, но домой он вернется только к осени, а до того, если кошмарные сны будут повторяться каждую ночь, он просто сойдет с ума. И парень вернулся к той мысли, которая посетила его еще на пути в герцогский замок.

–Нужно найти мага, — просто и тихо сказал принц, глядя на свое встревоженное лицо в зеркале.

Спустя некоторое время Ритгард спустился во двор, чтобы отправиться наконец на охоту. Коррин, Энарин и Тиана уже оседлали лошадей, у каждого был охотничий рог, рогатина и большой нож за поясом, даже у девушки, которая с оружием в руках выглядела еще более тонкой и хрупкой. Рядом беспокойно кружил с десяток крупных собак с большими круглыми головами и плотными складками кожи, свисавшими с шеи и массивной морды, нижние челюсти их немного выступали вперед. Такие же жили в замке принца и обычно их использовали как раз когда предполагалось забить крупного зверя вроде кабана, волка или даже медведя. Поблизости от своры невозмутимо стояли псарь и ловчий, они держали за поводья своих лошадей, а те пугливо пряли ушами и опасливо глядели на собачью возню. Ритгарду привели оседланного коня, и пода-

ли то же оружие, что и остальным, только нож принц оставил свой собственный.

Их маленькая, но шумная компания, проехала через деревню и направилась в видневшийся неподалеку лес. Пока они скакали по свежей росистой траве, наслаждаясь бодрящей утренней прохладой, Ритгард решил расспросить Тиану насчет мага. Вчерашний вечер и общая неприязнь к планам герцога как-то сразу сблизили их, и принц почему-то был уверен, что девушка не станет рассказывать кому попало о его желании навестить местного мага.

–Тиана, у герцога состоит на службе какой-нибудь маг? Я хотел бы встретиться с ним, — негромко спросил принц.

Он специально поехал рядом с девушкой, чтобы задать ей этот вопрос. Это дело Ритгард хотел провернуть один.

–Конечно, для него это вопрос престижа. Хотя дядя не особо часто пользуется его услугами, а вот местные обращаются к нему постоянно. Он живет в деревне при замке, в одном из крайних домов с южной стороны. Если нужно, я могу проводить… — начала она, но Ритгард прервал ее, решительно покачав головой.

–Нет, я пойду один. Как его зовут? — спросил он.

–Венсли, кажется местные зовут его еще Ворчливый Венсли, но только за глаза конечно. С тех пор как я приехала, он несколько раз приходил в замок на обед. Немного странный мужчина, но наверное все маги такие, слегка не в себе, — ответила девушка.

–Ворчливый Венсли? — улыбнулся Ритгард, и добавил уже более серьезным голосом. -Мне хотелось бы, чтобы этот разговор остался между нами, надеюсь, что и Венсли не из болтливых.

–Хорошо. Я могла бы проводить тебя к нему. Это меньшее, что я могу сделать, после того как вы с Коррином помогли мне вчера. После ужина ты можешь пригласить меня на прогулку. Дядя только обрадуется, и подозрений у него это не вызовет. К тому же это хоть какое-то развлечение, все лучше, чем сидеть

за картами с теткой каждый вечер, — предложила Тиана, накручивая на руку поводья.

–Хммм, думаю это действительно будет более правдоподобно. За ужином я поговорю с герцогом.

Ритгард ухмыльнулся, думая о том, как ловко у них выходит водить Локвуда за нос. Хорошее настроение возвращалось к нему, возможно уже сегодня он снова будет спать нормально, без всех этих жутких голосов и цепких рук, преследующих его во снах. Принц пришпорил коня и поскакал в сторону поджидавших их на кромке леса спутников. Тиана последовала за ним, гадая, для чего принцу понадобился маг, но вопросов ему задавать не стала.

Охота не прошла впустую. Несколько часов спустя утомленные всадники возвращались по той же дороге в замок вместе с трофеем — среднего размера кабаном. Собаки с лаем неслись впереди лошадей. Настроение Ритгарда улучшилось, удачная охота и время, проведенное на свежем воздухе в приятной компании помогли изгнать из памяти жуткий сон. Даже мысль о предстоящем ужине в компании герцога и его жены не казалась сейчас такой уж удручающей. Принц был молод, веселая, не омраченная большими потерями, не успевшая разочароваться и покрыться броней цинизма, юность стремилась жить и получать от жизни удовольствие. Он и Коррин рванули наперегонки, подгоняя коней громкими криками и оставляя всех далеко позади. Тиана усмехнулась, тоже подстегнула лошадь и, откинув за спину растрепанную косу, понеслась вслед за юношами. Верховая езда была одним из немногих развлечений, которые одобрялись ее дядей, и девушка обычно проводила многие часы в поездках по окрестностям, но она всегда была одна или со слугой. Сейчас же ей предоставилась возможность разделить удовольствие от скачки с другими, и девушка не раздумывая воспользовалась этим.

Энарин смотрел на удаляющиеся фигуры молодых всадников, и легкая грусть сковала его сердце. Грусть по своей ушедшей юности, по беззаботности, с которой эти трое мчались

по лугу. «До чего они все еще дети» — подумалось ему, и мужчина подумал о своей собственной дочери, о сыне, которого, как он надеялся, подарит ему Кайла этой осенью, и о том, что когда-то и его собственные дети вырастут, а сам он станет седым стариком. «Все идет свои чередом, все правильно» — сказал себе Энарин, и начал неторопливую беседу с ловчим и псарем, которые неспешно ехали рядом с ним.

8

На ужин подали большой мясной пирог, салат из желтых яблок, твердого сыра, орехов и зелени, заправленный винным уксусом с медом, пюре из сушеного гороха, тушеную в сливочном масле и молоке морковь, пирог с куропатками, свежий чесночный хлеб и несколько разных соусов. Главным блюдом конечно стало мясо добытого кабана, тушеное в сметане. Голову зверя запекли и выставили в центре стола, как трофей.

Несмотря на то, что пыл герцога в попытках засыпать принца комплиментами несколько поугас, когда он решил, что план с Тианой сработал, природная болтливость не позволяла ему долго молчать. Время от времени он шумно выражал восхищение охотничьими навыками Ритгарда, при этом будто бы невзначай забывая, что принц охотился не один. Его жена, Леди Алалия, все внимание уделяла Энарину, расспрашивая о новостях столицы и о путешествии, а он отвечал ей кратко и вежливо, не стремясь углубляться в беседу. Только Коррин и Тиана снова сидели молча, но обоих, в силу скрытности характера, это вполне устраивало. Они лишь порой бросали друг на друга веселые взгляды, когда герцог начинал свои пафосные речи.

Лишь к тому времени, как подали десерт, Артимер Локвуд наконец угомонился, видимо исчерпав весь свой запас комплиментов и тем для беседы, поэтому разговор дальше пошел довольно вяло. Когда слуги поставили на стол груши в винном сиропе с пряностями, сдобные булочки с начинкой из подслащенного творога и медовые тосты с кедровыми орешками, Ритгард подумал, что назойливость герцога Локвуда и его жены с лихвой возмещает прекрасная кухня. Все наелись вдоволь и уже было собрались, как и вчера, сесть за карты, когда Ритгард любезно предложил Тиане прокатиться по окрестностям.

–Вы же не возражаете, герцог, если мы вас ненадолго покинем? Тиана обещала показать мне деревню, и я думаю, что сегодня самое подходящее время для поездки. Солнце еще не село, и мы сможем полюбоваться закатом с холма, — поинтересовался Ритгард скорее для приличия, поскольку знал, что Локвуд будет только рад, считая это знаком особой благосклонности принца к его племяннице.

–Ваше высочество, я понимаю, что сидеть весь вечер в покоях такому молодому и энергичному человеку как вы, крайней сложно. Конечно нам будет не хватать компании, но для карт вполне достанет и четверых. Я уверен, что Тиана покажет вам все, что нужно, — ответил герцог с довольным блеском в глазах.

Он с плохо скрываемым одобрением посмотрел на племянницу, а та лишь слегка улыбнулась в ответ и опустила глаза, изображая смущение.

Вскоре Ритгард и Тиана сели на лошадей и выехали из замка. Венсли, по словам девушки, жил на окраине, хотя обычно маги предпочитали селиться непосредственно в замках нанимавших их лордов. До домика они добрались быстро, провожаемые любопытными взглядами немногочисленных жителей, оказавшихся на улице в этот час. По деревенским меркам дом мага оказался достаточно большим. Во дворе, огороженном невысоким каменным забором, виднелся маленький курятник, сарай и примыкающий к нему дровник.

–Мне нужно будет поговорить с ним наедине, Тиана, — предупредил девушку принц, слезая с лошади.

–Конечно. Я подожду здесь, — легко согласилась девушка.

В конце концов они знакомы всего пару дней, и со стороны принца было бы крайне глупо доверять ей какие бы то ни было секреты.

Ритгард открыл калитку и пошел по направлению к дому. На ней висело небольшое металлическое кольцо, принц взялся за него и постучал. Спустя минуту он услышал шаги, скрежет засова, а затем увидел и самого мага. Венсли оказался молодым мужчиной среднего роста. Плотный, коренастый, с загорелой ко-

жей и широким веснушчатым носом, он, по мнению Ритгарда, был больше похож на крестьянина, нежели на мага. Разглядев на груди пришедшего цепочку с королевским гербом, и быстро сопоставив эту информацию с новостью о приезде принца, Венсли, молча поклонился и пропустил принца в дом. Напоследок он подслеповато сощурил глаза, пытаясь разглядеть, кто приехали вместе с Ритгардом, наконец узнал Тиану, кисло улыбнулся ей, кивнул и поспешил закрыть дверь.

–Прошу, ваше высочество.

Венсли указал на свободный стул у очага, придвинул поближе свой табурет и без лишних словоизлияний приступил к делу.

— Чем я могу помочь? — деловито осведомился маг.

–Мастер Венсли, у меня есть к вам дело, заказ, называйте, как хотите. Единственное условие — об этом больше никто не должен узнать. Визит сюда я особо не скрывал, жители видели, как мы ехали к вам, и, если герцог будет задавать вопросы, просто скажите, что я зашел посмотреть, как вы живете.

Ритгард уже порядком устал за день и хотел закончить все побыстрее.

–Хорошо, — кивнул Венсли с таким видом, будто упоминание о герцоге было ему неприятно. -И что я могу сделать для вас? Лекарство, заклинание, оберег?

–Когда мне было около пяти лет, мать взяла меня в путешествие по Йельмеру, тогда меня начали мучить кошмары. Я совсем не мог спать, и моя мать обратилась к придворному магу, думаю вы знакомы с ним, — Венсли снова кивнул, и Ритгард продолжил рассказ. -Кажется он прочитал какое-то заклинание, после которого кошмары прекратились. Сейчас они начались вновь, и я хотел бы попросить вас о той же услуге — избавить меня от дурных снов.

Венсли посерьезнел и подался вперед, вперившись взглядом в сидевшего напротив принца так, словно пытался высмотреть что-то необычное в его облике.

–Сначала мне нужно кое о чем спросить, ваше высочество. Первый раз кошмары начались, когда вы поехали

по стране с королевой, так? — задал он вопрос, покусывая губу.

–Да.

–Вы тогда болели чем-нибудь? Может были отравления едой?

–Не припомню, но кажется нет.

–А сейчас?

–Я ел и пил то же, что и остальные, с едой все в порядке. Кошмары начались, когда мы выехали из столицы, но я сразу узнал их. Сны были такими же, как тогда, я хорошо их запомнил.

–Что вы видели в этих снах и почему придворный маг решил, что с ними не справиться обычный травяной настой? — Венсли выжидающе уставился на принца.

–Эти сны слишком реальны, они не похожи на обычные сновидения. В них я не просто сплю, в них я *присутствую* и вижу, чувствую, слышу все, как наяву. Чаще всего я видел руки каких-то существ, которые пытались утащить меня в глубину леса или затянуть в свой странный хоровод. Еще была поляна в тумане, с большим дубом, со спиралью вокруг дупла. И я слышал голос, жуткий холодный голос, он что-то говорил и смеялся, — ответил Ритгард.

–Расскажите мне как можно подробнее, все, что помните. Любая деталь может оказаться важной, — потребовал маг, нахмурив широкие брови.

Пока принц рассказывал, взгляд Венсли становился все тревожнее и тревожнее. Он был не очень опытным магом, ему было всего двадцать шесть и карьера его началась около трех лет назад, однако даже у него не было сомнений, что эти кошмары являются принцу не просто так.

–Послушайте, ваше высочество, такие сны сами не приходят. Вы принц и, думается мне, есть немало людей, которые могли бы желать вам зла. Но дело в том, что сны — это не стихия, и я не знаю никого, кто мог бы управлять ими. Я сделаю вам оберег, мне вполне по силам, — Венсли заколебался и замолчал.

–Ты хотел еще что-то сказать?

Ритгарду стало не по себе. Ведь правда, никто никогда не слышал о магах, способных управлять снами. Кто же тогда их насылает?

–Считается, что духи стихий могут заманивать людей к себе и посылать им кошмары или зовущие сны. Я где-то читал, что легче всего такому зову поддаются те, в ком течет их, духова кровь.

–Это глупости, Венсли. Откуда во мне кровь духов?

Ритгард постарался отмахнуться от слов мага, но внутренне сжался от подобного предположения. Он знал о слухах, которые ходили до его рождения, знал, что мать тогда пропала на три дня, но потом вернулась, а отец и сестра были разодраны в лесу дикими животными, когда искали ее. Но у него было такое же родимое пятно, как у отца, все твердили ему об этом с самого детства. Быть может духова кровь затесалась в королевскую семью через какого-нибудь далекого пращура?

–Нам ли знать все о наших предках? — спросил Венсли, словно угадав его мысли и задумчиво покусывая большой палец -Либо это, либо у вас есть враги, которые имеют доступ к какой-то новой, очень сильной магии. Я сделаю оберег, его должно хватит на пару месяцев. Будьте осторожнее и, когда вернетесь в столицу, расскажите обо всем господину Лотиусу. Лучше него вас никто не защитит.

Не дожидаясь ответа принца, маг встал со своего табурета и принялся рыться в ящиках комода, оставив Ритгарда в полной растерянности. Он вытащил небольшую ветхую книжку для записей, отыскал нужное место, заложил его, достал какую-то высушенную траву и маленький мешочек. По комнате поплыл знакомый терпкий запах. Бормоча заклинание из книжки, Венсли растер траву в руках и ссыпал часть ее в мешочек, крепко завязал его, затем воткнул прямо в столешницу большой тяжелый нож, несколько раз провернул оберег вокруг рукояти и только потом вручил его принцу.

–Здесь королевский шалфей, лучшая трава против кошмаров. Я укрепил оберег заклинанием, это должно помочь. Можете носить в кармане, но лучше всего повесить на грудь.

–Спасибо, и помни о своем обещании, Венсли.

Ритгард взял мешочек и положил на стол три золотых монеты.

–О, благодарю, ваше высочество. Я сохраню вашу тайну, можете не волноваться, — ответил Венсли, приятно удивленный щедростью принца.

Ритгард вышел на дворик, залитый отблесками закатного солнца, мешочек с шалфеем уже лежал во внутреннем кармане его куртки. Парень отвязал лошадь, запрыгнул в седло и, извинившись перед Тианой за долгое ожидание, предложил вернуться в замок. Они медленно двинулись по дороге, любуясь ярким малиновым небом без единого облачка.

Когда Ритгард поправлял воротник куртки, терпкий запах шалфея, успевший впитаться в его пальцы, приятно защекотал ноздри, и принц свободно вздохнул, предвкушая тихую спокойную ночь. Парень старался не думать о том, кому и с какой целью понадобилось насылать на него эти жуткие сновидения. Он займется этим, когда вернется домой. Пусть тогда Роймас поставит на уши всех своих соглядатаев, а Лотиус перевернет кучу древних рукописей в поисках подходящего заклинания и проверит теорию Венсли о новой магии. Сейчас Ритгарду хотелось просто приятно провести остаток вечера, а потом уснуть и крепко спать до самого рассвета.

***

Одинокий лунный луч прорвался сквозь щель в ставне и, проложил узкую дорожку света по большому мягкому ковру, добравшись аж до подножия двери. Принц Ритгард крепко спал, дыхание его было глубоким и ровным, из-под ворота рубашки выглядывал край мешочка с заговоренными травами. В покоях царила царили тишина и безмятежность, пока из-за двери не раздался шаркающий звук торопливых шагов. Звук постепенно нарастал и затих у двери в покои принца. Ручка дернулась, и, когда человек обнаружил, что дверь заперта, послышалось глухое ругательство и тихий осторожный стук. Мальчик-слуга, приставленный к наследнику трона, вскочил со своей постели на лавке и бросился открывать.

–Винс, идиот ты этакий, разве можно так вот запросто открывать двери в покои принца среди ночи? — раздалось недовольное шипение, и герцог Локвуд в ночной рубашке и накинутом поверх нее длинном бархатном халате появился на пороге.

–Вы ж так ругались, ваша милость, я завсегда ваш голос узнаю, — испуганно прошептал мальчик, потирая глаза.

–Уйди с глаз долой, не до тебя сейчас! — рявкнул герцог, отталкивая мальчика, и двинулся прямиком к постели принца.

Свеча в руках трепетала, озаряя его обеспокоенное лицо. Мужчина подошел к кровати, где безмятежно спал принц, наклонился к нему и забормотал взволнованным голосом:

–Ваше высочество!

Принц промычал что-то и перевернулся на бок.

–Ваше вввысочество, — герцог от волнения начал заикаться. -Прибыл гонец из столицы со срочной депешей.

Принц проснулся, открыл глаза и увидел склонившегося над ним бледного Артимера Локвуда. Не задавая лишних вопросов, Ритгард протер глаза и начал искать в полумраке свои штаны. Винс тем временем догадался зажечь масляную лампу, и теперь помогал принцу одеться. Взволнованный герцог стоял рядом, теребя в руках пояс своего халата. Когда Ритгард был готов, герцог повел его в свой кабинет. Слуга с любопытством проследил за ними, и, когда комната опустела, снова устроился на лавке, в надежде еще немного подремать.

Артимер Локвуд и принц Ритгард быстро шли к кабинету, где дожидался гонец. Гулкий звук их шагов нарушал ночную тишину и неприятно резал слух в темной пустой галерее, освещаемой лишь одной масляной лампой, которую нес Локвуд. Оба они молчали, лицо Ритгарда хранило встревоженное хмурое выражение, и герцог, бросив на него быстрый взгляд, решил не задавать лишних вопросов, дожидаясь, когда принц сам обратится к нему.

–Давно приехал гонец? — наконец спросил Ритгард.

Он боялся даже думать о том, что может оказаться в письме. Если его было велено доставить как можно быстрее и вручить

ему сразу по прибытию, независимо от времени суток, то новости могут быть только плохими. Оставалось лишь узнать, насколько.

–Нет, слуги сразу разбудили меня, а я лично пошел к вам. Он ждет около десяти минут.

Герцог, также как и принц, понимал, что дело серьезное, и скорее всего в послании содержатся дурные вести о королеве Мелезии. Иных оснований для такой спешки быть не может; Кесс был настроен мирно, и у жителей самого Йельмера не было веских причин для бунта.

В конце концов, миновав длинный коридор и пару лестниц, они приблизились к нужной двери, и герцог распахнул ее, пропуская Ритгарда вперед. В кабинете, с сумкой наперевес, сидел узмотанный мужчина, который сразу вскочил и спешно поклонился принцу. Герцог вошел вслед за Ритгардом и притворил за собой тяжелую дверь. Принц молча протянул руку и гонец тут же достал из своей холщовой сумки письмо с королевской печатью. Ритгард вскрыл его и начал читать, подойдя поближе к зажженной свече на каминной полке. Герцог и гонец молча глядели на принца. В тишине слышно было лишь дыхание присутствующих и потрескивание свечных фитилей.

Ритгард дочитал послание, нахмурился и закусил губу. Текст письма гласил: «Ваше высочество, возвращайтесь в столицу как можно быстрее. Придворный маг умер, и королева исчезла из замка вскоре после его смерти. Никаких следов похищения нет. Мы сообщили всем, что она тяжело больна, и никого не впускаем в ее покои. Лорд Роймас и я послали на поиски нескольких доверенных людей. Многих мы выделить не можем, дело слишком деликатное. Не забудьте сжечь письмо после прочтения. Военный советник, герцог Бентон Кордин».

–Герцог, позовите слугу, пусть гонца проводят на кухню, накормят и дадут отдохнуть, как следует перед обратной дорогой. Потом возвращайтесь сюда, мне нужно поговорить с вами, — приказал принц.

Локвуд, понимая, что дело серьезное, оставил в стороне свою обычную велеречивость и немедленно кликнул слугу, который терпеливо дожидался в коридоре зова хозяина. Герцог распорядился насчет гонца, велел принести вина и еще свечей, а затем закрыл дверь и повернулся к принцу в ожидании объяснений. Ритгард кратко поведал ему о том, что королева тяжело больна и советники срочно вызывают его в столицу. Он не собирался посвящать такого человека, как Артимер Локвуд, в то, что королева пропала.

–Духи, какое несчастье! Ваше высочество, я дам самых своих быстрых лошадей, собирайтесь и поезжайте сразу же. С большим обозом вы потеряете время, поэтому я предлагаю вам взять пару человек и отправляться налегке. Земли тут спокойные, опасаться нечего, да вы и сами видели. Ваши стражники могут отправиться на следующий день, как только будут готовы выехать, — быстро заговорил Локвуд, жалея, что теперь принц вынужден уехать на день раньше, чем планировалось. - Моя дорогая племянница будет расстроена, что не попрощалась с вами, да и леди Алалия тоже.

–Передайте ей и вашей супруге мои извинения, — сухо ответил Ритгард.

Он не настроен был сейчас продолжать ту комедию, которую они с Тианой затеяли, чтобы обмануть герцога.

–Со мной поедут Энарин и Коррина. Нужно разбудить их.

–Если вы полагаете, что они надежны… — туманно начал герцог и тут же замолк, увидев, взгляд, которым его одарил наследник трона.

В дверь постучали, вошел слуга с вином и двумя кубками, беззвучно поставил их на стол и застыл, ожидая дальнейших указаний. Его лицо явно выражало любопытство по поводу происходящего, а глаза перебегали с герцога на принца и обратно. Локвуд коротко объяснил ему, что пришла дурная весть о болезни королевы и дал распоряжения разбудить спутников Ритгарда, а также подготовить лошадей и еды в дорогу. Слуга расстроенно покачал головой, королеву в народе любили, как и молодого

принца. Быстро поклонившись и бросив на принца сочувствующий взгляд, он выскользнул из комнаты.

–Выпейте, ваше высочество, — Локвуд наполнил кубок белым вином и протянул его принцу. -Что может лучше поддержать в тяжелую минуту, чем хорошее вино? Я и сам выпью, такая жалость. Бедная наша королева, такая жалость.

–Благодарю, — принц принял вино и отпил немного.

Сладкое, легкое, как само лето, вино оставляло во рту приятное послевкусие, но, к сожалению, совершенно не отвлекло его от тяжелых мыслей. Принц быстро допил остатки и поставил на стол пустой кубок.

— Благодарю за гостеприимство, герцог. Мне пора в путь.

Ритгард убрал письмо за пазуху, не рискнув жечь его здесь, коротко кивнул герцогу и вышел в коридор.

Спустя час трое всадников покинули замок герцога Локвуда, они промчались по тихой безлюдной улице, освещенной холодным лунным светом и двинулись прочь из деревни. Ритгард растерянно смотрел на спящие дома, пока они проезжали деревню, и пытался собраться с мыслями. «Что если ее уже нет в живых? Получается, что я стану королем» — пронеслось у него в голове, и он ощутил такую тяжесть, будто весь мир лег ему на плечи. Ритгард всегда знал, что однажды он будет править, но теперь, когда корона и в самом деле замаячила на горизонте, он почувствовал себя маленьким и одиноким, как заплутавший в лесу ребенок. Путники промчались через широкий луг, залитый светом бледной луны, и поскакали по дороге в сторону леса. Оказавшись на вершине холма, под сенью деревьев, никто из них даже не оглянулся на оставшийся позади замок.

Ритгард ехал по темной лесной тропе и думал о матери. Нет, он не мог потерять ее сейчас, она же всегда была рядом. Принц старался не поддаваться мрачным мыслям, теша себя призрачной надеждой, что к его приезду королеву уже найдут и все это окажется всего лишь недоразумением. Энарин и Коррин молча скакали по обе стороны от него, держа наготове мечи и тревож-

но вглядываясь в темноту, когда луна на время скрывалась за пеленой облаков.

9

Они скакали весь остаток ночи, остановившись лишь раз, на рассвете, чтобы поесть и дать отдых лошадям. Ритгард объяснил спутникам, что произошло на самом деле, лишь сейчас, на привале, и они, пораженные услышанным, долго не могли произнести ни слова. Если кто-то похитил королеву, то следующим ходом этих людей вполне может быть похищение или убийство ее единственного прямого наследника, а значит необходимо держать ухо востро. Наконец, Энарин нарушил молчание, обратившись к принцу:

–Как только доберемся до столицы, я поеду на поиски, Коррин, ты со мной. Тебе лучше бы остаться в столице, Ритгард. Достаточно и того, что королева пропала, мы не можем потерять еще и тебя.

Весь вид мастера меча говорил об усталости: красные от недосыпа глаза, как-то вдруг углубившиеся морщины. Ритгард только теперь обратил внимание, как постарел его наставник. Парень устало прикрыл глаза и задумался. Спорить не было ни сил, ни желания.

–Я думаю тоже ехать, Энарин, я же не могу оставить ее в беде, — мягко возразил он.

–Тогда нам нужны будут доверенные люди, которые умеют молчать. Но, я боюсь, что таких много не наберется. К тому же будет очень подозрительно, если ты вернешься в столицу, а потом сразу же уедешь, когда все считают, что твоя мать тяжело больна, — спокойно произнес он, и Ритгард подумал, что слова его действительно не лишены смысла.

–Мы можем сказать, что я проведал мать, а после поехал дальше по провинциям.

–Не уверен, что это сработает, быть может советники смогут подсказать, как лучше поступить, — Энарин помолчал и добавил.

-Мне кажется, мы можем остановиться ненадолго в той деревушке, которую проезжали на пути сюда. Поспим пару часов, заменим лошадей и снова в путь. Позже можем разбить лагерь в лесу, когда почувствуем, что устали.

–Хорошо, — согласился принц. -Нужно сообщить о случившемся торговому советнику, ведь в столице не знают, что он сейчас там. Боюсь, правда, что уйдет много времени, если ехать самим. Наверное проще будет послать крестьянина с запиской.

–Барон мог бы дать свежих лошадей, — вмешался в разговор Коррин.

–Как и его крестьяне, а я не хочу терять время, — устало ответил Ритгард.

–Мы можем решить это позже, — Энарин встал и начал складывать остатки провизии обратно в сумку. –Пора выдвигаться.

Ближе к полудню маленький отряд достиг нужной деревни. Пока местные жители готовили им свежих лошадей, Ритгард, Энарин и Коррин смогли немного поспать и наскоро перекусить в деревенской таверне горячим жирным супом. Задерживаться в деревне надолго было нельзя, они итак потратят на дорогу около недели, и то если сильно сократят время сна и отдыха. Впереди их ждал лес, а за земли барона Приана и еще одна деревня, откуда Ритгард надеялся послать к Тедару Балвину человека с запиской.

В лес въехали ближе к ночи. Солнце уже почти село, подсвечивая верхушки деревьев и небосвод золотисто-сиреневыми полосами. Стало прохладнее, и Ритгард знал, что вскоре силуэты деревьев примут более зловещие очертания, и лес наполнится шорохами и перебранкой ночных птиц. Обычно он чувствовал себя неуютно в ночном лесу, особенно после всех тех кошмаров, но сегодня ему было не до страха. Все мысли крутились вокруг пропавшей матери, принц вспоминал письмо герцога Кордина и до сих пор не мог поверить в случившееся.

В дороге разговаривали по-прежнему мало, настроение у всех было подавленным. Ритгард вспоминал, как это путеше-

ствие начиналось. То радужное настроение, те предвкушения, та беспечность, которые тогда царили в его душе, исчезли без следа. Теперь он возвращался домой с тяжелым сердцем, не представляя, что готовит ему будущее. Слева от принца с мрачным видом скакал Коррин. Энарин тоже выглядел встревоженным, он беспрестанно хмурился и с удвоенными вниманием смотрел по сторонам.

Когда совсем стемнело и тучи заволокли небо, перекрывая лунный свет, решено было разбить лагерь. Несмотря на спешку, риск скакать в в темноте по неровной тропе с выступающими тут и там корнями деревьев, был слишком велик, да и усталость уже начинала сказываться на путниках. Энарин предложил в качестве места для ночлега небольшую полянку, которую сумел разглядеть лишь потому, что она была совсем рядом с тропой.

–Остановимся здесь. Если повезет и луна покажется хотя бы ненадолго, мы сможем собрать ветки и хворост для костра, — сказал он парням. -Коррин, займись лошадьми, а я попробую нарубить веток с этой вот сосенки. Она у самой дороги, и здесь хоть что-то видно.

–Я помогу тебе с лошадьми, — тихо сказал Ритгард, понимая, что другу сложно будет справиться одному в темноте.

Коррину показалось, что в голосе принца звучит что-то вроде смирения. Это было так непохоже на привычные интонации Ритгарда, сердце парня сжалось на миг при мысли о том, какие переживания сейчас таятся в душе его друга.

–Спасибо, Рит, — прошептал он, положил руку на плечо принцу и ободряюще сжал его. -Все обойдется, я надеюсь.

–Может быть, — безучастно ответил тот, стягивая с седла дорожную сумку.

Неподалеку уже слышался стук топорика Энарина и его негромкие ругательства. Рубить ветки в темноте было крайне неудобно и опасно. Однако тучи наконец немного разошлись, и слабый лунный свет слегка развеял темноту вокруг них. Он разливался все шире и шире, и, спустя полчаса, освободившаяся от туч луна уже зависла над лесом подобно большому бледно-

желтому фонарю. К этому времени путники перебрались поглубже в лес, чтобы не быть в опасной близости от дороги.

Вскоре на поляне уже вовсю трещал костер, а Энарин недовольно косился на луну, из-за которой ему пришлось орудовать топором в темноте. Все наспех поужинали хлебом и холодным копченым мясом, запивая его купленным в деревне пивом. Коррин вызвался караулить первым. Энарин с Ритгардом наломали лапника, устроили себе лежанки и сразу же улеглись спать, чтобы не терять драгоценные минуты отдыха.

Коррин сел, прислонившись спиной к дереву, и положил по правую руку лук со стрелой. Вынутый из ножен меч, покоился на его коленях, а слева на траве лежала кучка хвороста и веток для поддержания огня. Место было удобным для наблюдения за тропой, но время от времени он вставал размять ноги и осмотреться, чтобы проверить, все ли в порядке со стороны лесной чащи.

Тихо трещал костерок, шуршала на ветру листва деревьев, откуда-то издалека порой доносились крики ночных птиц. Коррин мысленно перечислял имена известных полководцев и королей, чтобы ненароком не задремать, когда вдруг ему почудилось, что в симфонию ночного леса затесался какой-то новый, чужеродный звук. Где-то вдалеке раздавалось тихое, неровное, ритмичное постукивание. «Духи, кажется кто-то едет» — встревоженно подумал парень, резко поднимаясь с земли.

Он вложил меч в ножны, закрепив его на поясе, взял лук, наложил стрелу и натянул тетиву. Осторожно подойдя к тропе, Коррин спрятался за дерево и снова прислушался. Тихий цокот копыт звучал приглушенно на утоптанной земле, лишь иногда усиливаясь, видимо когда на пути лошади попадались небольшие камни. «Судя по всему один всадник. Странно все это. Едет так, будто на прогулке, слишком медленно. Он просто идиот, если пробирается через ночной лес в одиночку. Хотя, быть может он ранен? А может это просто заплутавшая лошадь?» — размышлял парень. Стрела чутко смотрела в ту сторону, откуда, судя по звуку, должен быть выехать всадник.

В этот момент Коррин пожалел, что не упражнялся в стрельбе из лука почаще. Обычно он предпочитал меч, хоть и стрелял весьма недурно, но сейчас, ночью в лесу недостаточное упорство в тренировках может сыграть с ним и его друзьями злую шутку.

Парень уже почти не дышал, сосредоточившись на приближающихся звуках, когда на изгибе тропы наконец показалась белая лошадь. Всадник в плаще с капюшоном сидел неподвижно, оружия при нем не было, по крайней мере, Коррин не сумел разглядеть ничего похожего. Незнакомец не выглядел подозрительным, но Коррин рисковать не собирался. Лошадь постепенно приближалась и, когда она вошла в пятно лунного света, парень ругнулся от удивления и опустил лук.

–Тиана? Какого духа ты здесь? — вполголоса спросил он.

Девушка вздрогнула, когда услышала свое имя. Однако она по-видимому узнала голос Коррина, потому что тут же начала спешиваться. Девушка не без труда, как заметил Коррин, слезла с лошади. Было похоже, что она здорово устала и провела в седле много часов подряд. Наверное потому Тиана и не решилась ехать быстрее, несмотря на пугающие темные силуэты деревьев вокруг и безлюдную лесную тропу.

–Наконец-то я вас догнала, — выдохнула девушка. -Я все объясню, просто помоги мне с лошадью, ей нужен отдых.

–Как и тебе, судя по всему, — усмехнулся Коррин и повел ее к костру.

Усадив едва стоявшую на ногах девушку на свое место, Коррин без лишних слов протянул ей фляжку с пивом, кусок хлеба и мясо. Пока девушка ела и пила, он накормил ее лошадь, наломал еловых веток, чтобы сделать себе новую подстилку, и вернулся.

–Что ж, рассказывай, какие духи тебя погнали за нами? — вполголоса спросил он, усаживаясь рядом с девушкой.

Тиана вытянула к огню затекшие ноги, дорога измотала ее, но девушка понимала, что должна как-то объяснить свое присутствие в ночном лесу. Она вздохнула, потерла глаза и поплотнее закуталась в плащ, собираясь с мыслями.

–Если ты начнешь прямо сейчас, то успеешь закончить рассказ к тому, моменту, когда мне нужно будет будить Энарина, — проворчал Коррин. -Я итак уже лишних полчаса из-за тебя просидел.

–Ну, все довольно просто, — начала она. –Я поняла, что раз с королевой беда, то Ритгарду будет не до того, чтобы заниматься устройством судьбы малознакомой девицы из далекой провинции. Вскоре дядя поймет, что его план провалился и все-таки продаст меня какому-нибудь богатому знатному старику. Я узнала о королеве только утром, сказала, что поеду прокатиться, дядя был слишком занят, наблюдая за сборами вашего отряда. Алалия тоже ничего не заподозрила, только отмахнулась, ей было не до меня из-за всей этой суеты. Я поняла, что другого шанса улизнуть из замка у меня скорее всего не будет. Мне пришлось ехать, в чем была, удалось незаметно протащить на конюшню только маленькую сумку с одеждой и кошелек. Даже оружия я не смогла достать, только нож для фруктов, но куда он годится? Я сразу же поехала за вами. В дядину деревню по дороге соваться не стала, побоялась, что узнают. Пришлось сделать крюк через луг. Я совсем загнала Красавицу, она, бедняга, не привыкла к таким долгим поездкам.

Девушка бросила виноватый взгляд на белую лошадь, чьи белые бока казались рыжими в отблесках пламени.

–Ты не боишься, что герцог пошлет за тобой? Погоня может добраться до нас также быстро, как ты. Он не такой дурак, каким притворяется, и запросто может догадаться, куда ты направилась, — спросил Коррин, глядя на изможденную девушку.

–Ну, я думала об этом, поэтому мчалась почти без остановок и выбирала старые тропы, которыми мало кто пользуется. К тому же вряд ли он станет поднимать шум и посылать за мной, ведь если люди узнают, что я сбежала, это станет грязным пятном на его репутации. Мне главное продержаться до семнадцати, а потом дядя будет вынужден передать мне мое наслед-

ство, — закончила свой рассказ девушка и отпила немного пива, чтобы смочить пересохшее горло.

–Хотел бы я увидеть лицо герцога Локвуда, когда он поймет, что вы облапошили его, госпожа Тиана, да боюсь не вышло бы вам оно боком, — вдруг раздался совсем рядом спокойный голос Энарина.

Коррин и Тиана вздрогнули, они так увлеклись разговором, что не заметили его пробуждения. Чуткий слух бывшего охранника караванов уловил голоса и разговор, однако сначала ему показалось, что Коррин говорит с принцем, и только потом, прислушавшись, мужчина понял, кто пожаловал к ним в лагерь.

–У меня не было другого выбора, — потупилась девушка.

–Возможно, но решать будет принц, а сейчас идите спать оба. Я подежурю, — велел Энарин, усаживаясь у костра и доставая оружие. -Коррин, тебе следует быть внимательнее. К вам мог подкрасться кто угодно.

–Прости, — ответил парень, чувствуя себя крайне глупо и злясь на Тиану за то, что она поставила его в такое дурацкое положение.

–Позже обсудим. Иди спать, — скомандовал Энарин и подбросил веток в догорающий костерок.

Остаток ночи прошел спокойно, в это время года можно было не опасаться даже волков, поскольку в лесу сейчас было полно дичи, но мастер меча не терял бдительности. За пару часов до рассвета он разбудил принца, кратко рассказал заспанному Ритгарду о приезде Тианы и лег на хвойные ветки, чтобы подремать оставшееся до отъезда время.

Ритгард пытался отогнать сонливость, он знал, что уже скоро начнет светать, ночи сейчас короткие. Парень достал из сумки хлебный каравай и отломил небольшой кусок, раздумывая, как поступить с Тианой. «Если я соглашусь принять ее и сопровожу в столицу, то герцог будет недоволен, но сейчас я не могу бросить ее на дороге одну. Отправить обратно без сопровождающих тоже не могу. Пожалуй, можно по пути оставить ее в замке барона Приана, а Локвуд пусть дальше сам разбирается. Но так

мы потеряем как минимум день, это тоже плохо. Сейчас нужно вернуться в столицу как можно быстрее и найти матушку» — думал принц, раздраженный тем, что Тиана принесла с собой проблемы, решать которые сейчас ему совершенно не хотелось.

Промаявшись над этой дилеммой до рассвета, он не заметил, как пришло время будить своих остальных. Ритгард затушил уже ненужный костер и все принялись за еду. Ели молча, то и дело прерываясь на широкие зевки. Ни один из путников толком не выспался, но даже несколько часов сна были лучше, чем совсем ничего. Когда закончили завтракать, Ритгард, много чего передумавший за время своего дежурства, заговорил, наконец, с Тианой.

–Я думал все утро, и не скажу, что мне нравится идея тайного побега, но кажется есть способ обставить это так, чтобы все выглядело прилично. Ну, по крайней мере в глазах столичных жителей, за ваших из провинции не ручаюсь, — сказал он девушке, не слишком стараясь скрыть свое неудовольствие, из-за чего она почувствовала себя неловко.

–И как же это сделать? — Тиана ощутила, как в ней посыпается чувство вины. Она настолько хотела сбежать из замка герцога, что совсем не подумала о людях, которые будут вовлечены в этот план. Теперь девушка уже почти жалела о своем решении.

–Ты же знаешь, что Лестер Локвуд уже давно живет в королевском замке? Мы скажем, что ты собиралась ехать проведать его, когда пришли дурные вести из столицы. Отпускать тебя одну с толпой стражников-простолюдинов герцог не захотел, а сам не мог оставить жену, которая, допустим, внезапно захворала, поэтому ты поехала с нами, — быстро выложил свой Ритгард план, надеясь, что в свое время не зря учился дипломатии и разного рода уверткам у лорда Роймаса.

–Если это позволит мне поехать с вами в столицу, то я согласна. Только с кузеном я никогда не встречалась. Здесь я прожила всего пару месяцев, с тех пор как родители умерли, — ответила Тиана. Волна вины пошла на спад, сменяясь облегче-

нием. Если надо, она вытерпит встречу с кузеном, пусть даже он окажется таким же снобом, как его отец.

–Тогда вперед, пора выезжать, — коротко скомандовал принц.

Он старался не подавать вид, что упоминание о недавно умерших родителях Тианы теперь вдруг обрело для него новый, более страшный, чем раньше смысл. Слова девушки невольно вернули Ритгарда к мыслям о матери, о страхах и надеждах, которые будут мучить его до приезда в столицу, а может и до самой могилы, если все обернется плохо.

Путники сели на лошадей и поехали по лесной тропе. Несмотря на заверения герцога о том, что в его землях все спокойно, и разбойников уже давно не видели, наготове у каждого было оружие. Разбойничьи шайки действительно предпочитали промышлять на более прибыльных южных трактах, где были сконцентрированы все торговые пути, но Энарин не собирался рисковать. Лошади, успевшие отдохнуть, бодро несли всадников вперед, утренняя прохлада постепенно сменялась теплом, роса на придорожной траве подсыхала и воздух наполнялся ароматами смешанного леса. Запахи хвои, тысячелистника, медуницы и каких-то незнакомых растений окутывали сонных всадников. Впереди ехали Энарин и принц, Тиана и Коррин чуть отставали. Девушка решила воспользоваться возможностью, чтобы расспросить о своем троюродном кузене, раз уж ей придется с ним встретиться.

–Послушай, Коррин, а ты знаком с Лестером? — прямо спросила она, когда они снизили скорость, чтобы дать лошадям немного передохнуть. Ей показалось, что он слега вздрогнул, прежде чем ответить.

–Знаком, я проводил с ним тренировки на мечах, — ответил он осторожно, как и всегда, смущаясь и опасаясь, что кто-то узнал о его настоящих отношениях с сыном герцога.

–Ммм, а какой он, ну, как человек? Он похож на своего отца?

–Он не станет пытаться подсунуть тебя в постель своим высокопоставленным друзьям, если ты об этом беспокоишься. Ле-

стер, он по-своему неплохой парень. Возможно, он поможет тебе найти место у какой-нибудь знатной госпожи.

Коррин постарался посмотреть на Лестера сейчас не как на бывшего любовника, а как на постороннего человека. Ему вовсе не хотелось обмануть ожиданий девушки.

–По крайней мере у него много знакомств. И среди них много знатных девиц, так что у тебя есть шансы, я думаю, — добавил парень.

–Много девиц? — задумчиво переспросила девушка.

Ей Лестер виделся этакой копией герцога Локвуда, только помоложе, а герцог в по ее мнению был конечно красивым мужчиной, но с таким отвратительным нравом, что вся его внешняя красота ничего не стоила. Портретов кузена во взрослом возрасте Тиана не видела, у герцога хранился лишь детский портрет сына, но мало ли как он изменился с пятилетнего возраста. Однако судя по словам Коррина, кузен хорош собой, впрочем, женское внимание к нему могло быть вызвано и будущим наследством Лестера.

–Поклонниц у него, пожалуй, даже слишком много, — сказал Коррин.

Он усмехнулся, вспоминая порой удачные, а порой безуспешные попытки знатных девиц и дам привлечь внимание Лестера.

— Когда приедем в королевский замок, и ты увидишь среди собравшихся белобрысого красавчика с гордой физиономией, на которого пялится по меньшей мере пяток девиц, знай, что это и есть твой кузен.

Парень подхлестнул лошадь, ускоряя ее бег, ему даже стало немного весело при виде озадаченного выражения на лице Тианы. «Может и зря предупредил, надо было бы приберечь это до приезда. Лестер бы оценил такую реакцию» — весело подумал он, не вдаваясь в размышления о том, что его порадовало больше: выражение лица девушки или то, что скоро он снова увидит Лестера. Сейчас Коррин поймал себя на мысли, что даже соскучился по нему, по их препирательствам и тренировкам,

и по редким ночам, проведенным вместе. «Пусть мы решили расстаться, но это не значит, что мы не сможем иногда общаться как друзья. Если конечно он все-таки не успел уехать в Кесс до новостей о королеве» — подумал Коррин и, утешив себя подобным выводом, сосредоточился на дороге.

Девушка догнала его и дальше ехала молча, переваривая все, что сообщил ей Коррин о кузене Лестере. Возможно, он действительно поможет ей. Как бы то ни было, она сделала свой выбор, отступать уже поздно. «Красавчик с гордой физиономией» — повторила она про себя, затем пожала плечами, и тоже пришпорила лошадь. Лес как раз заканчивался, и впереди замаячил огромный луг, на другом конце которого, как она знала, находится деревня. Владения герцога закончились, и путники въехали на земли барона Приана. Всадники все также гнали, стараясь не терять времени даром, не обращая внимания на приграничные столбики, а вот Тиана заметила, что ей даже легче стало дышать. Теперь она была уже далеко от замка своего опекуна.

10

Мастер переговоров Роймас и военный советник Кордин сидели за столом в комнате совещаний. Оба смотрели на нового придворного мага с плохо скрываемым чувством неприязни и безысходности. Сейчас им, как никогда, была нужна его помощь, и это безмерно раздражало обоих советников. Они разослали нескольких самых доверенных своих людей на поиски королевы, тайком поведав им, что ее вероятнее всего похитили, но результатов пока не было никаких. Оставалось уповать на то, что этот юнец как-то поможет им с помощью магии.

–Если наши расчеты верны, то принц Ритгард прибудет примерно через неделю. И что же мы ему скажем? — спросил военный советник, устало потирая пальцами морщинистый лоб.

–Главное, чтобы не всплыла правда. Если все узнают, что королева исчезла прямо из-под нашего носа, то это уронит престиж Йельмера в глазах других стран. Кесс может отказаться от помолвки принцессы Селайны с принцем Ритгардом. К тому же давно ходят слухи о том, что Тейваз был бы непрочь присвоить себе наши территории, — высказал свое мнение лорд Роймас.

–Зачем им наши земли? Разве удобно править такой разрозненной империей? Они же по другую сторону моря. Однако, если до этого дойдет, мы не готовы к войне с Тейвазом. Они веками специализировались на оружии и муштре, это не страна, а один большой военный лагерь. Да, у нас есть свои войска, они обучены и вооружены, но нам далеко до мощи Тейваза. Остается лишь надеяться, что их правитель занят сейчас наведением порядка в собственной стране. Я слышал, там были восстания, и нам это только на руку, — принялся рассуждать Кордин, сердито поглядывая на своих собеседников.

–Затем, что у правителя Тейваза двое сыновей. Возможно, он захочет передать трон старшему сыну, а младшего посадить править покоренной странй. И лучше всего, если страна эта будет как можно дальше от Тейваза, чтобы исключить кровавую резню между двумя недовольными наследниками, — ответил Кордину Роймас, и добавил, переведя взгляд на Мейнана. -У нас есть лишь одно преимущество — маги. Тейваз всегда предпочитал грубую силу. Их народ и правитель питают древнее, как земля, отвращение и страх к магии, это может помочь нам.

Мейнан молча слушал слова советников, не спеша высказывать свое мнение. Он умел делать обереги, был сведущ в лекарском деле и, что самое главное, владел магией огненной и воздушной стихий. Огненная магия была попросту незаменима в условиях военных действий. Однако магов в стране было очень мало. Именно по этой причине советники в свое время отказались от идеи выделить какой-нибудь небольшой замок, где можно было бы поселить и обучать способных к магии юношей и девушек. С каждым десятилетием таких людей становилось все меньше, и устраивать столько хлопот ради дюжины учеников не было никакого смысла.

–Сейчас со всей страны едва ли наберется больше тридцати магов. Из них наверняка половина даже толком не обучена, и, если Единые будут благосклонны, среди этих тридцати наберется пяток огненных. Да и хватит ли их сил, чтобы жечь войска противников хотя бы час подряд? Водные и воздушные могут помочь, но это если мы увидим армаду на подходе. Один хороший шторм, и корабли Тейваза пойдут ко дну, — Кордин все еще сердился, понимая, что многое зависит от случайности.

–Война — это крайний вариант, Кордин. Полагаю, мы обсудим с принцем подготовку, когда он прибудет, а пока наша работа — найти королеву, а до того успешно скрывать ее отсутствие ото всех. Вы уже нашли что-нибудь, господин Мейнан? — лорд Роймас повернулся к придворному магу, надеясь услышать сегодня хоть какие-то хорошие новости.

После исчезновения королевы совет решил, что стоит перебрать бумаги старика, возможно там найдется какая-то подсказка о заклинании, которое он читал над ней во время болезни. Мейнан предположил, что старик в силу возраста мог допустить ошибку, и заклинание сработало с погрешностью. Может быть оно заставило королеву забыть какую-то часть своей жизни, может внедрило в ее голову идею о побеге или еще чего похуже.

–Утром я наткнулся на его книжицу с заметками, может быть там удастся найти какой-то след. После заседания я пойду изучать ее и сразу сообщу вам, если что-то обнаружу, — задумчиво проговорил Мейнан. Молодого мага угнетала необходимость присутствовать на совете, ведь она отрывала его любимых занятий — изучения магии и чтения. Но долг есть долг, и он обязан помочь в поисках королевы.

–Фрейлина все также отрицает свою причастность? — спросил военный советник.

–Да, судя по всему, она правда ничего не видела и не знает, — пожал плечами Мейнан.

–Все равно ее нельзя отпускать, пусть сидит в покоях королевы, пока мы не найдем ее величество, — велел Кордин.

–Согласен с вами. Девчонка может не удержать язык за зубами, а нам это не нужно, — поддержал его Роймас.

–Хорошо, на сегодня закончим. Если вы найдете что-то, Мейнан, сразу известите меня или Роймаса, и неважно, день это будет или ночь, приходите прямо в покои и колотите в дверь, пока вам не откроют, — несколько фамильярно обратился к придворному магу военный советник, прежде чем он и лорд Роймас встали и направились к выходу.

Мейнан тяжко вздохнул и одернул новую мантию, которая все еще казалась ему чужой и непривычной. Портной не успел украсить ее вышивкой, и выглядела она совсем просто. Унылая серая ткань делала внешность самого Мейнана еще более блеклой и незапоминающейся, но его это совсем не волновало. Сейчас молодого мага занимали другие вопросы. Предстояло выяснить все, что можно о пропаже королевы, а они пока

не продвинулись дальше того, что нашли потайной ход в покоях и прошли по нему до конца. Ход был старым, узким и заросшим паутиной, кое-где попадались крысиные скелеты, но королева определенно прошла по нему. По каменному полу, покрытому толстым слоем пыли, тянулась цепочка следов, и было ясно, что королева прошла здесь одна. Тайный ход заканчивался далеко за городом, и это означало, что выйдя из него, королева могла пойти в любом направлении. Могла ли она все это время оставаться незамеченной и неузнанной? Мейнан этого не знал. Люди Роймаса и Кордина осторожно расспрашивали жителей ближайшей деревни и прислушивались к шепоткам и слухам в тавернах, но все напрасно, королева Мелезия как в воду канула.

Советники долго обсуждали, кому могло быть выгодно устранить йельмерскую королеву, но так и не пришли к определенному выводу. Соседний Кесс был с Йельмером в наилучших отношениях, обсуждалась помолвка принца с дочерью кесского короля. Номия была достаточно далеко, общих границ с Йельмером у нее не было, из возможных вариантов оставался Тейваз, но страна находилась по другую сторону Длинного моря и давно не проявляла агрессии в отношении Йельмера. Разве что Роймас был прав насчет нынешнего правителя Тейваза и его подрастающих сыновей, но тогда возникал другой вопрос: почему удар было решено нанести именно сейчас? И, если тут действительно была задействована магия, то как тейвазцы, которые ее на дух не переносят, решились прибегнуть к такому средству?

Мейнан долго ломал голову, как кому-то удалось выманить королеву из замка, в конце концов он вспомнил, как фрейлина королевы Хильта говорила, что покойный Лотиус вроде бы читал какое-то заклинание над королевой в последнюю ночь своей жизни. Девушку тогда попросили переночевать в других покоях, но по обрывкам разговора между магом и королевой она поняла, что они задумали какой-то ритуал. И Мейнану показалось логичным, что старик, будучи уже в довольно преклонном возрасте, мог сделать что-то неправильно, либо вообще прочесть

не то заклинание. Когда он озвучил эту версию советникам, те надолго задумались, но пришли к выводу, что такое вполне возможно, однако не объясняет, почему королева не оставила никаких следов после того, как покинула потайной ход.

Быть придворным магом оказалось куда сложнее, чем всегда виделось Мейнану со стороны, к тому же ему не повезло приступить к обязанностям в такое тяжелое время. На членов совета навалилось сразу все: смерть старого мага, назначение нового, исчезновение королевы и тревоги за принца Ритгарда, которого пришлось вызвать из поездки по стране. Неудивительно, что все они нервничали и продумывали самые худшие сценарии.

С этими невеселыми мыслями Мейнан направился в свои покои. Здесь почти все осталось без изменений после смерти Лотиуса, Мейнан лишь попросил заменить старый матрас и подушки на кровати, а также вытрясти и выстирать все постельное белье и одеяла. Не будучи суеверным, он однако по негласной традиции окурил помещение полынью, которая считалась лучшей травой для очищения воздуха в месте, где кто-то умер.

«Нужно сделать травяной чай для успокоения нервов и отнести его госпоже Хильте, а потом сразу взяться за книжку с заметками. Старик-то оказался не так прост, как я думал все эти годы» — Мейнан мысленно прошелся по двум первостепенным задачам на сегодня и принялся за дело. Он достал из шкафчика с травами сушеный корень валерианы, несколько шишек хмеля и листья мяты, бросил все это в миску и направился на кухню за кипятком. День был слишком жарким, чтобы разводить огонь в комнате, даже несмотря на прохладу и сквозняки, царившие в коридорах старого замка.

Задумавшись о свалившейся на него ответственности, новый придворный маг чуть не пропустил нужный поворот и лестницу, ведущую на кухню. Кухарка, которую все звали теткой Изой, долгое время недолюбливала Мейнана, однако после того, как он вылечил ее от приступов кашля, позволила использовать кухонный очаг для кипячения воды и настоев в любое время дня

и ночи. Лотиус тогда позволил пареньку самому лечить Изу, и Мейнан решил попробовать новый рецепт, найденный им в очередном старом фолианте. Кашель у Изы прошел на удивление быстро, и громкость ее ворчания при виде молодого мага значительно снизилась. Окончательное же одобрение и допуск к очагу Мейнан получил после того, как изготовил на пробу мазь от ревматизма, рецепт которой уже придумал сам, прочитав над готовым составом усиливающее заклинание. Кухарка сначала с неохотой взяла склянку с мазью, подозрительно щуря на парня глаза, но все же решилась попробовать. Ее давно мучила спина, которая сильно уставала и болела из-за постоянной беготни по кухне и таскания тяжелых горшков и кастрюль, поэтому, когда лечение помогло, Мейнан, сам о том не подозревая, приобрел себе ценного союзника.

С тех самых пор между ним и старой Изой установилось некое взаимопонимание. Выражалось оно в том, что каждый раз, когда Мейнан попадался ей на глаза, Иза принималась ворчать о том, какой он тощий, и совала парню в руки свежие булочки, куски пирога с курятиной или пирожные, а то и вовсе прямо на кухне подставляла ему тарелку с горячим супом, рагу, запеченную рыбу, в общем все, что готовилось для королевского стола. Мейнан же в свою очередь был заинтересован тем, что старая женщина хорошо разбирается в травах. Бабка Изы была травницей, и она пересказала парню кое-какие рецепты. Молодой маг скрупулезно записал все, что смогла вспомнить Иза, и даже стал относиться к ней с некоторой долей тепла, что было ему в принципе несвойственно в силу замкнутого и отстраненного характера.

Как всегда, зайдя в замковую кухню, Мейнан окунулся в целое море запахов, где среди пара котлов и кастрюль, словно заправский генерал, командовала Иза. Ее высокую фигуру в коричневом платье и белом платке с подвернутыми кончиками, парень увидел издалека. Иза обернулась и кивнула ему в знак приветствия, Мейнан ответил ей тем же и подошел ближе.

–Доброго дня, тетушка Иза. Мне нужна колодезная вода и чистый маленький котелок, — вежливо произнес Мейнан, которого жизнь в замке все-таки научила кое-каким манерам.

–Ааа, будешь варить травки для королевы, да? Что ж, когда она поправится-то? Говорят, больна сильно, даже не встает. Правда, что за принцем даже послали? — тут же осведомилась Иза, прищурив свои темные глаза.

Она махнула рукой девочке-помощнице, и та тотчас побежала к колодцу во дворе.

–Все правда, королева очень больна. Принц прибудет через неделю, — Мейнан уже взял с полки начищенный котелок, высыпал в него смесь трав, и подкинул в очаг несколько поленьев.

–Да, смерть мастера Лотиуса ее здорово подкосила, королеву-то нашу. Итак всегда тоненькая была, а после совсем в тень превратилась, — тихо произнесла кухарка, как-то вдруг задумавшись и не сводя глаз с языков пламени, занявшихся вокруг новых поленьев.

–Ммм… — неопределенно промычал Мейнан, не зная, что ответить на слова проницательной старухи и поневоле тоже принялся разглядывать огонь.

Иза отвела взгляд от очага и, словно очнувшись, критически оглядела молодого мага, к извечной худобе которого добавились темные круги под бесцветными глазами. Решив, что паренек в стараниях вылечить королеву совсем не бережет себя, она укоризненно покачала головой и отошла к столу, где остывала в большой миске свежая выпечка.

–Возьми-ка, поешь, — женщина положила на блюдце две булочки с изюмом и протянула Мейнану. -Тощий ты, аж смотреть больно, а ешь ведь немало. Куда в тебя такая прорва еды девается-то?

–Мать всегда говорила, что легче прокормить дюжину взрослых мужчин, чем меня, — пожал плечами парень.

–Это уж точно, — усмехнулась Иза и тут же серьезно добавила. -Ты давай лечи нашу королеву. Она добрая женщина, хоть и ходили, помнится, всякие слухи, когда она пропала в средин-

ную ночь лета. Болтали даже, будто принцу покойный Оин не отец, а настоящий отец тот самый дух, который заманил ее в лес. Так-то. Ну, а я не верю в это, насочиняли поди. Принц же обычным мальчишкой рос всегда, уж я его с малолетства знаю. И пятно у него было еще на шее, говорили, как у отца его покойного, пусть его душа будет спокойна с предками.

Говоря все это, старуха держалась за оберег с цветными камешками. Старое суеверие — будто говоря о чем-то темном и дурном нужно приложить руку к духову камню или такой вот обережной пластинке.

Разговор их прервала вернувшаяся с полным ведром девочка. Она плюхнула его на скамью, и тут же старая Иза приставила ее к плите мешать нежное кроличье рагу, которое собиралась подать к обеду. Сама же старуха, оставив наконец молодого мага в покое, принялась шинковать пучок свежих трав. Волна пряных запахов поползла по кухне, вызывая в памяти у Мейнана незваные картины прошлого — многие из этих трав использовал и старик Лотиус, в том числе и в снадобьях для королевы Мелезии. У той часто бывали бессонница и беспокойное настроение.

Паренек устало вздохнул, подвесил котелок над огнем и принялся помешивать и притапливать плавающие в нем травы. Он знал, о том, что королева заблудилась в лесу много лет назад, а потом ее муж и дочь погибли, когда отправились на поиски в лесную чащу. Конечно после такого любой обзаведется бессонницей, однако сейчас парень почувствовал, будто эта история открылась ему с какой-то новой стороны. Что-то в словах Изы показалось ему важным, но он никак не мог понять, что именно. Его ум будто бы нарочно играл с ним, заставляя нужную мысль ускользать, как только Мейнану казалось, что он уцепился за нить. В конце концов он сдался, сделав все же в уме заметку, подумать об этом позже. Отвар начал закипать, маг поспешно снял его с огня, перелил в большой кубок, и тихонько ускользнул, пока занятая готовкой Иза снова не разговорилась. Парень боялся, что ее болтовня окончательно спугнет эту странную верткую мысль, которая сидела теперь притихнув где-то на задворках его ума.

Возле покоев королевы, как всегда, стояли стражники, но на этот раз из надежных людей военного советника. Эти были еще более молчаливы, чем предыдущие из обычной дворцовой стражи, четко следовали приказам и не задавали лишних вопросов. Мейнан беспрепятственно прошел в покои, которые теперь запирали на ключ, дверь за ним захлопнулась и раздался щелчок.

Молодой маг прошел через пустую темную приемную, постучал и открыл дверь в спальню. Ставни были прикрыты наполовину, но света в комнате было достаточно. Хильта, фрейлина королевы Мелезии, сидела возле окна за вышиванием, она устало подняла на него потухшие глаза цвета пасмурного неба и едва махнула кистью руки, приглашая присесть. Мейнану казалось странным, что она все еще продолжала следовать этикету, несмотря на сложное положение, в котором теперь оказалась. За все это время Хильту допрашивали, уговаривали и ей угрожали, пытаясь узнать, что случилось с королевой. Первое время она была испугана и часто плакала, но сейчас, по всей видимости, что-то в ней надломилось, слезы закончились, и все дни она проводила за своим вышиванием, притихшая и молчаливая. Мейнан, как новый королевский маг, должен был присутствовать при допросах, и, несмотря на свое обычное равнодушие к людям в целом, у него проснулось сочувствие к этой храброй терпеливой девушке, которая оказалась теперь запертой здесь, не имея возможности даже поговорить с кем-то.

–Я принес вам отвар, госпожа Хильта, — произнес он как-то робко, хотя в тишине комнаты его слова прозвучали, пожалуй, слишком громко.

–Благодарю вас, мастер Мейнан. Вы очень добры.

Молодая женщина отложила в сторону платье, рукава которого покрывала изящной вышивкой в виде виноградных лоз, и взяла кубок с травяным отваром.

Мейнан сел, потом тут же вскочил, заставив Хильту с изумлением посмотреть на него, полез в карман мантии и достал оттуда завернутую в чистый платок свежую булочку. Он аккуратно

положил ее на стол, и края платка сами собой раскрылись в стороны. Мейнан знал, что девушку кормили достаточно хорошо, но все же ощущал вину, будучи одним из ее невольных тюремщиков, и пытался как-то порадовать ее. Хильта посмотрела на принесенный магом сверток и лицо ее смягчилось.

–Спасибо, — просто сказала она и отставила кубок в сторону.

Мейнану показалось, что рука ее при этом слегка дрогнула. Он никогда особо не обращал внимания на людей вокруг, но эта женщина, она определенно вызывала в нем какие-то смешанные чувства, которые Мейнану было сложно распознать. Однажды она даже приснилась ему. Тот сон он увидел под утро, в один из этих тяжелых дней после исчезновения королевы Мелезии. И в этом сне молодая женщина не была грустной и заплаканной или излишне надменной и уверенной в себе, какой он знал ее до этого происшествия. Она плясала и смеялась, а солнечный свет красиво играл в ее медных волосах. И еще она была почти без одежды. Мейнан ощутил огромную неловкость, глядя на нее сейчас, такую непохожую на образ, явившийся ему в сновидении. Видимо он вздохнул очень уж громко и тяжело, потому что Хильта пристально посмотрела в его сторону и истолковала это по-своему.

–Я все еще не могу ничего добавить к своему рассказу о той ночи, когда исчезла моя королева, — коротко произнесла она.

–О, я вовсе не… Я не собирался спрашивать про ту ночь, — смутился еще больше Мейнан, надеясь, что по его лицу это не слишком заметно. -Я хотел лишь спросить, вела ли королева Мелезия какие-то записи, заметки? Видите ли, мы предполагаем, что мастер Лотиус мог ошибиться с заклинанием, и это вызвало такие последствия. Я сейчас просматриваю его записи.

–К сожалению я больше ничем не могу помочь вам, мастер Мейнан. Не припомню, чтобы госпожа королева любила делать записи. Спасибо за отвар, после него мне и правда лучше спится, — ответила Хильта, снова взяла платье и принялась за вышивку.

Какое-то время оба они молчали, затем молодой маг снова вздохнул, поднялся и, коротко кивнув на прощание, ушел. После того, как дверь за ним закрылась и ключ щелкнул в замке, Хильта достала из потайного кармашка платья, над которым работала, маленький конверт, записку и королевскую печать. Она долго держала письмо в руках и рассматривала наверное в сотый раз с тех самых пор, как нашла его утром у своей кровати. «Единые, дайте мне сил выполнить этот приказ моей королевы» — мысленно произнесла она, пряча обратно письмо с печаткой и снова перечитывая записку. молодая женщина понимала, что ей может грозить смерть за то, что она скрыла от советников это письмо. Вдруг там какая-то важная информация? Но королева велела ей отдать его принцу лично в руки, и никому другому даже не упоминать о письме. Что там написано? Пощадит ли ее принц, когда узнает о содержимом письма или велит повесить на городской площади, как вешают убийц? Что если маг прав, и мастер Лотиус напутал с заклинанием, а королева повредилась в уме после этого, написала прощальное письмо и сбежала? Эти вопросы продолжали осаждать мысли бедной фрейлины, лишая ее покоя.

Она в который раз перечитала записку: «Милая Хильта, мне тяжело так прощаться с тобой. Ты всегда была мне не только фрейлиной, но и хорошим другом. Прошу тебя, нет, даже приказываю тебе отдать это письмо в руки только моему сыну. Когда меня начнут искать, советники будут задавать тебе вопросы, ты должна честно ответить на все, но ни в коем случае не отдавать им письмо. То, что написано в нем касается лишь Ритгарда и может погубить его, моего дорогого сына, если попадет к кому-то другому. Это мой последний приказ и просьба — отдай ему письмо и печать. Прощай».

Не было похоже, что королева писала это, повредившись в уме, а значит, она, Хильта, все сделала правильно. Фрейлина спрятала записку в карман и вернулась к своему монотонному занятию, стараясь не думать, как она посмотрит принцу в глаза, когда он вернется в столицу и придет сюда, чтобы поговорить с ней.

11

Целую неделю маленький отряд ехал, делая лишь короткие остановки на сон, даже есть приходилось на ходу. Лошадей они меняли так часто, как могли. К середине пути все уже падали от усталости, практически засыпая в седлах. Тела болели, ноги сводило и, когда удавалось остановиться и размяться, то от постоянной скачки и тряски всем чудилось, будто земля уходит из-под ног, как у моряков, спустившихся наконец с корабля на сушу. Никто не жаловался, потому что сил на это попросту не оставалось. Если удавалось остановиться в таверне, то, наскоро перекусив, все шли отдыхать, а потом, прикупив у трактирщика еды в дорогу, прыгали на свежих лошадей и скакали дальше.

В последнюю ночь путники разбили маленький лагерь в лесу, откуда планировали отправиться за час до рассвета. Так они успеют въехать в город, когда на улицах уже появятся жители, но еще не будет больших толп, и заодно смогут отдохнуть как следует. Энарин посоветовал Ритгарду не спешить и дождаться утра, чтобы люди видели, как он возвращается в город. Это должно их немного успокоить после тревожных вестей о болезни королевы. Ни Энарин, ни Коррин не упоминали при Тиане настоящих обстоятельств, заставивших принца прервать путешествие, да она и не задавала лишних вопросов, слишком измученная тяжелой дорогой.

Когда Коррин разбудил принца для дежурства у костра, до рассвета оставалось около трех часов. Ритгард не выспался, но все же успел немного отдохнуть. На восточном склоне неба уже тянулась узкая полоска грядущего рассвета, и в черноту ночи начинал постепенно пробираться свет. Принц осторожно, стараясь не угодить ногой в нору и не подскользнуться на покрытом росой камне, обошел полянку по кругу, затем рискнул отойти подальше в лес и обнаружил неподалеку маленький

родник, который они не заметили ночью. Он умылся холодной водой, от которой по коже побежали мурашки, а потом набрал немного в котел. Вода и ходьба взбодрили его и немного прояснили ум.

Ритгард подвесил котелок с водой над костром и принялся ссыпать туда травы, которые накануне собирал вместе с Тианой. Когда отвар был готов, принц снял котелок, зачерпнул оттуда жидкость глубокой деревянной миской и принялся терпеливо ждать, пока отвар остынет. В голове его роились тревожные мысли. Теперь, когда Ритгард осознал, что через считанные часы он будет дома, в груди его всколыхнулась волна беспокойства.

Даже если мать найдут, она наверняка будет слишком слаба и больна, а значит бремя власти целиком ляжет на него. Ему придется править, принимать сложные, иногда судьбоносные решения, и настанет конец его беззаботной жизни. Ритгард пригубил травяной отвар, еще слишком горячий, и обжег себе губы. Кожа на них тут же начала неприятно пульсировать. Парень облизнул обожженные губы и продолжил размышлять о том, что ждет его дома.

Конечно ответственность, столь внезапно свалившаяся на его плечи, слегка пугала принца, но с другой стороны, разве не к этому готовили его всю жизнь, начиная с колыбели? В конце концов, когда он разыщет мать, то всегда сможет прийти к ней за помощью, к тому же есть еще и королевский совет — Роймас, Кордин, Балвин и кто там теперь вместо доброго старого Лотиуса. Скорее всего ученик, бледный как моль, тощий и длинный, будто жердь, Мейнан. Но ведь он же едва старше самого Ритгарда! Хотя Лотиус всегда говорил, что парень умен и со временем в учености обойдет даже его. «Ладно, с этим разберемся потом, посмотрим, как он себя покажет» — подумал принц и тут же опешил от собственных мыслей. Невольно он начал рассуждать так, словно уже стал королем.

Ритгард, никогда не бывший особо суеверным, в этот миг схватил и сжал в руке висевший на шее знак Единых, свой обережный кулон с камнями он потерял где-то во время обратной

дороги. Принц мысленно попросил бога и богиню, чтобы мать его оказалась жива и здорова, и, лишь когда собрался спрятать знак под куртку, заметил, что вместе с цепочкой держал и запутавшийся в ней маленький мешочек с заговоренной травой внутри. Принц распутал шнурок и машинально поднес мешочек к носу. Теплый крепкий запах, знакомый с самого детства, коснулся его ноздрей, даря покой и утешение. Ритгард не знал, что помогло ему больше, знак Единых или зачарованная трава, но в итоге ему все-таки стало легче. Угасшая было надежда найти мать, снова вернулась, и он, подбросив в костерок немного хвороста, принялся с нетерпением ждать часа, когда настанет пора будить остальных и отправляться в путь.

Принц окинул поляну быстрым взглядом. Маленький костер тихо трещал, рыжее пламя лениво лизало сухие ветки. Его друзья мирно спали вокруг огня: Коррин лежал, свернувшись калачиком под своим плащом, ворочалась во сне Тиана, глубоко и ровно дышал Энарин, даже спящий, он напоминал какую-то могучую древнюю гору.

«Я не один, они всегда будут со мной» — подумал принц, и эта мысль принесла ему такое облегчение, что он поневоле улыбнулся, своим недавним страхам.

В этот момент Тиана снова заворочалась под своим плащом, а потом проснулась и села, недовольно осматривая поляну заспанными глазами. Заметив улыбающегося принца, она недоумевающе и вопросительно посмотрела на него, а затем спросила:

–Я что храпела?

–Вовсе нет, — усмехнулся Ритгард и указал на дерево, за которым обнаружил источник воды. –Там есть родник. Вода холодная и не слишком чистая, но умыться вполне можно. Тебе, последнее, кстати, не помешает, а то в городе скажут, что я выкрал крестьянку с чьих-то земель.

–А признают ли вас самих, ваше высочество, под этим слоем пыли? — отпарировала Тиана, лениво встала и направилась в указанную сторону. Она подумала, что Ритгард в чем-то был

прав, к тому же в ней проснулось тщеславие. Да, дорога была тяжелой, и она мечтала сейчас лишь о горячей ванне и мягкой постели, но предстать перед столичными жителями рядом с принцем грязной и растрепанной ей вовсе не хотелось.

Ритгард ожидал, когда девушка вернется, он еще с первого дня, когда она нашла их в лесу, хотел задать ей один вопрос, но не хватало то сил, то времени. Это путешествие выжало из него все соки, однако в замке ему может не предоставиться такая возможность. Нужно будет выслушать доклады советников, потом ему придется поехать на поиски матери самому, времени на тихие доверительные разговоры с кем-либо просто не останется.

Наконец девушка вернулась на свое место у костра, она кое-как прибрала волосы, переплела косу, умылась, стряхнула пыль с плаща и выглядела теперь куда бодрее и аккуратнее.

–Я, пожалуй, позавтракаю, а ты? — спросила она, открывая сумку с остатками провизии.

–Я не против.

Тиана подала ему небольшой кусок хлеба и сушеного мяса, взяла такую же порцию для себя, и они принялись за еду, запивая ее теплым травяным отваром из котелка.

–Тиана, я хотел задать тебе вопрос, но он довольно личный, — обратился Ритгард к девушке, когда оба они закончили завтракать. –Ты можешь не отвечать, если не захочешь.

–Хорошо, задавай, — девушка немного напряглась, не зная, чего ожидать.

–Когда твои родители умерли, как ты это перенесла? — он понимал, что вопрос причинит ей боль, но больше спросить ему было некого.

Тиана какое-то время молчала, собираясь с мыслями. Она выпила еще немного отвара, стряхнула с себя крошки и, стараясь не смотреть Ритгарду в глаза, сказала:

–Сначала я не хотела верить в это, просто не могла. Лекарь сразу говорил, что они обречены, но я тогда сама только начала оправляться от болезни и хотела думать, что родители тоже по-

правятся. Мне казалось, что мир вокруг рушится, а я стою одна посреди обломков и не знаю, что мне делать и куда идти.

–Пусть путь их к предкам будет легким, — тихо произнес Ритгард полагавшуюся к случаю фразу. -Тебе стало легче со временем?

–Немного, но все равно вспоминать об этом больно.

–Прости, но я должен был спросить, каково это.

–Я понимаю. Это из-за твоей матери.

–Да.

–Я надеюсь, что она поправится, Ритгард. И у тебя есть хорошие друзья. Коррин очень к тебе привязан, Энарин по-моему переживает за тебя как за своего сына.

–Спасибо тебе. За поддержку и за то, что рассказала мне, — Ритгарда тронули ее слова, он взял ее руку и крепко пожал. –Пора будить Энарина и Коррина.

Рассвет разливался по выгоревшим черепичным крышам столицы, делая их рыжий цвет гораздо ярче и красивее, чем он был на самом деле. Заспанные стражники спешно открыли городские ворота, увидев, что приехал принц, и поспешили поприветствовать его. С тех пор, как стало известно о болезни королевы Мелезии, многие столичные жители поминали добрую королеву в своих молитвах. Немало среди них было и таких, кто просил о выздоровлении госпожи королевы Единых бога и богиню; это новое веяние пришло в Йельмер не так давно. Людей тянуло к миролюбивому культу, пришедшему с дальних островов, который не требовал жертв, проповедовал любовь к природе, к природной магии и людям. Большинство же по-прежнему предпочитало обращаться к духам, оставляя подношения на духовых камнях, и мысленно прося духов даровать королеве здоровье.

По дороге к замку Ритгард заметил немало сочувствующих взглядов. Жители города, часто видевшие своего принца в компании мастера меча и его оруженосца, ничуть не удивились, что принц, узнав о болезни матери, примчался обратно налегке,

взяв с собой именно их. Однако никто не видел раньше девушку, которая ехала позади маленького отряда.

Тиана ощущала на себе множество любопытных взглядов и мысленно благодарила мастера Энарина за мудрый совет въехать в город ранним утром. Она представила, насколько больше людей смотрели бы на нее сейчас, если бы сейчас был день, и ей оставалось лишь радоваться своему везению. Из-за волнения она не успела даже толком рассмотреть дорогу, заметила лишь, что они проскакали мимо сгоревшего квартала, на месте которого уже убрали завалы и расчистили площадь под будущий храм Единых бога и богини.

Наконец, перед путниками вырос замок, и расторопные стражники открыли ворота, впуская своего господина. Тиане никогда не приходилось бывать внутри королевского замка, лишь пару раз она приезжала в саму столицу, и жилище принца видела только издалека. Он оказался примерно той же конструкции, что и большинство замков, которые ей довелось посетить, только гораздо массивнее и больше. Сложенный из серого камня, с привычной глазу оранжевой черепичной крышей, башнями, открытыми галереями и переходами, замок не оставлял подавляющего впечатления, несмотря на свои внушительные размеры.

Пока они спешивались, во двор высыпали слуги и знатные господа. Тиана обратила внимание на то, что Ритгард старался отвечать на их приветствия дружелюбно, не показывая, как он устал. «Как настоящий король» — мелькнула у нее мысль. И тут она увидела в толпе высокого светловолосого парня с поразительно красивым лицом. Ей еще не доводилось видеть настолько прекрасного лица. Он был немного худощав для своего роста, а гордая осанка и надменный вид лишь усиливали впечатление от его яркой внешности. Высокое общественное положение парня подчеркивалось дорогой тканью серого костюма. Камзол был украшен мелким жемчугом, на шее у него покоилась средней толщины крученая серебряная цепь с медальоном из червленого серебра, на пальцах Тиана заметила пару колец без камней.

«Когда приедем в королевский замок, и ты увидишь среди собравшихся белобрысого красавчика с гордой физиономией, на которого пялится по меньшей мере пяток девиц, знай, что это и есть твой кузен» — тут же вспомнила она слова Коррина. И действительно обнаружила, что девушки-служанки и другие, более знатные девицы, поприветствовав принца, принимались стрелять глазами то в сторону Ритгарда, то в сторону ее красивого кузена. Тиана смутилась, но благо сейчас на нее никто не обращал внимания. Она уже собралась прошмыгнуть в замок под шумок за спинами Энарина и Коррина, но тут блондин подошел к принцу. Они перебросились парой фраз, и Ритгард оглянулся и поманил девушку к себе. Тиана понимая, что деваться некуда и все вскоре узнают, кто она такая, направилась сквозь образовавшийся в толпе проход прямо к Ритгарду. Уж лучше пройти через это один раз, чем потом стать предметом сплетен, домыслов и придворных слухов о том, почему никому неизвестная девица приехала в столицу вместе с принцем.

–Лестер, вот и она. Думаю, твой отец успел отправить письмо с известием, что кузина Тиана приедет к тебе погостить, — сказал Ритгард, как бы подразумевая, что Лестер и Тиана уже давно знакомы.

–О, конечно. Однако я не ждал ее так скоро. Благодарю, ваше высочество за то, что побеспокоились о безопасности моей кузины, — ответил Лестер.

Подвизавшийся на ниве переговоров блондин, сразу же нашелся, что сказать, и совсем не выглядел удивленным. «Вот оно, это придворное воспитание — умеет скрывать эмоции и тут же догадался, к чему вел Ритгард. И ведь даже бровью не повел» — успела подумать девушка, прежде чем кузен Лестер обратился непосредственно к ней.

–Кузина, не узнал тебя сразу. Дорога тебя не пощадила, — его прохладный голос сочился ядом. –Ваше высочество, позвольте проводить кузину в покои, чтобы она могла отдохнуть и привести себя в порядок.

Принц бросил на Лестера строгий взгляд, давая понять, что с девушкой нужно обходиться помягче, велел им обоим прийти на ужин в главную трапезную и удалился, чтобы наконец встретиться с советниками, которые уже ожидали его в зале совещаний. Энарин тоже поспешил в свои комнаты, жена и дочь наверняка уже с нетерпением ждали его там. Коррин направился сразу за ним, нарочито почтительно, как показалось Тиане, поклонившись Лестеру, от чего на лице ее кузена наконец появилась некая тень эмоций — его будто бы слегка передернуло. Без лишних слов Лестер Локвуд развернулся и, не позаботившись посмотреть, поспевает ли за ним новоявленная родственница, вошел в замок и направился к своим покоям.

Тиана, понимая, что сейчас ей придется волей-неволей терпеть Лестера, даже если он вылитый отец, тяжело вздохнула и двинулась следом за ним. Услышав, что она кузина Лестера, девицы как-то сразу потеряли к ней интерес, хотя поначалу сверлили ее глазами, в которых сквозили зависть и презрение из-за ее запыленной простой одежды и грязных волос. «Богиня, а я думала, что хуже общества, чем Алалия и дядя, не сыскать, но здесь, похоже, настоящий гадюшник» — подумала девушка, поднимаясь по лестнице и неся свои нехитрые пожитки в заплечной дорожной сумке.

Как оказалось, кузен Лестер занимал довольно большие покои, соответственно своему статусу сына герцога. Они располагались в левом крыле замка, на третьем этаже, и по пути туда Лестер и Тиана прошли все лестничные пролеты и полутемную галерею, с уймой старинных портретов и гобеленов. Они все также молча вошли в комнату, служившую гостиной, и к Лестеру тут же подбежал слуга, подозрительно косясь на Тиану и ожидая приказаний от своего господина.

–Горячую ванну для моей кузины и завтрак для нас обоих, — коротко велел парень, сразу снимая все вопросы относительно личности Тианы, а потом добавил. — И вели кому-нибудь из служанок приготовить вторую спальню.

Только когда слуга поспешно удалился, Лестер наконец-то повернулся к Тиане. Его красивое лицо, казалось, ничего не выражало, но во взгляде, как почудилось девушке, мелькнул проблеск любопытства. Он и сейчас выглядел надменным и хладнокровным, чем настолько напомнил Тиане своего отца, что по ее телу побежали неприятные мурашки.

–Я так понимаю, что ты решила улизнуть от моего отца, пока он не выдал тебя за какого-нибудь недалекого, но родовитого и богатого лорда? — он слегка склонил голову набок, и солнечный свет мягко осветил его светлые, почти белые волосы.

–Так и есть, — просто ответила девушка, теряясь и не зная, что еще сказать, под его пронизывающим взглядом.

Тут, к удивлению Тианы, ее спесивый кузен закатил глаза и махнул рукой, приглашая ее к столу, а на губах его появилось подобие улыбки. Она ожидала отповедей, возможно даже угроз, упреков за то, что свалилась ему, как снег на голову, но он просто улыбался. Это казалось немного странным, особенно после поведения Лестера во дворе замка, где он своим колким замечанием явно дал понять, что не слишком рад ее видеть.

Они сели за стол, в ожидании слуги с завтраком, и Лестер разлил по кубкам вино. Тонкий аромат показался Тиане знакомым, это было вино из южных провинций, видимо Дорета иногда отправляет свое вино и сюда. Оба слегка пригубили напиток, не зная, о чем еще говорить. Ситуация была двойственной: по крови они не были друг другу совсем уж чужими, поэтому необязательно было старательно поддерживать беседу или рассыпаться в любезностях, но в то же время еще не были знакомы настолько хорошо, чтобы тишина была для них комфортной.

–Спасибо за то, что предложил мне комнату здесь. И за распоряжение о ванне и завтраке. Дорога была просто ужасна, — неловко выдавила из себя благодарность Тиана.

Она никогда не отличалась общительностью и тяжело сходилась с людьми. Одним из немногих исключений стал принц, с которым ей поневоле пришлось выбираться вместе из дядюшкиных интриг, и в итоге это довольно быстро сблизило их.

–Ты думаешь, я бы отказался принять мою кузину, которая якобы приехала навестить меня в столице перед всеми теми людьми? Да еще и после явных намеков принца? Отличная вышла бы сплетня — сын герцога повел себя как грубый крестьянин, — поморщился он, отхлебывая вино.

–Кстати, знаешь, как говорят крестьяне из деревушки возле вашего замка? Гордость Локвуда рождается раньше, чем он сам, — Тиана почувствовала себя немного уязвленной из-за того, что его гостеприимство оказалось всего лишь заботой о собственной репутации, а выпитое на голодный желудок вино, сделало ее более резкой, чем она хотела.

–Я слышал это, — глаза парня сузились, пристально рассматривая излишне дерзкую, на его взгляд, девицу. –Не вижу ничего дурного в том, чтобы гордиться своей семьей, происхождением и репутацией, хотя я признаю, что мой отец часто переходит черту.

–О, да. Он хотел, чтобы я ублажала принца, пока он гостил в замке, по возможности влюбила его в себя, склонила к женитьбе или хотя бы порадовала новостью о рождении королевского бастарда. Вот куда завела гордыня твоего отца, — горько произнесла девушка, решив, что будет проще выложить это сейчас.

Все равно рано или поздно Лестер об этом узнает. Может быть кузен все же окажется не настолько испорченным как его отец и встанет на ее сторону, когда герцог заявится в столицу с претензиями к сбежавшей девушке.

Лестер бросил на нее быстрый взгляд, словно до конца не веря ее словам, задумался и ничего не ответил на ее выпад. Тиана не отвела глаз, и продолжала серьезно глядеть на кузена. Его внешность очень отвлекала девушку, сложно было не испытывать симпатию к такому привлекательному парню. Он сидел как раз напротив окна, утреннее солнце золотило его волосы, придавая им теплый пшеничный оттенок, и смягчало прохладную голубизну его глаз и бледность кожи. «Через пару лет он будет еще красивее. Юношеская худоба уйдет, он станет

более мускулистым, и, если уже даже сейчас девицы поедают его глазами, то что будет потом? Интересно, каково это, жить с такой красотой? Наверное это тоже своего рода бремя. И дядя наверняка рассчитывает заполучить для него как минимум принцессу в жены» — вереницей пронеслись мысли в ее голове, подгоняемые выпитым вином.

Их молчание прервал слуга с подносом, деликатно постучавший, прежде чем войти. На столе появилась горячая каша с фруктами и сливочным маслом, укропный хлеб, кусок ветчины и блюдо с грушами, вымоченными в сладком вине. Ловко расставив все это по столу, слуга сообщил, что ванна будет готова через полчаса, спросил у Лестера, будут ли еще какие-то распоряжения, а затем, услышав, что он пока свободен, поспешил удалиться.

Тиану не нужно было уговаривать, еда была свежей и вкусной, горячая каша приятно согревала после пребывания на прохладном утреннем воздухе. Девушка решила просто наслаждаться пищей, не обращая внимания на своего кузена. Она только теперь ощутила, насколько ее вымотало это путешествие, но совсем скоро она вымоется и отоспится за все эти ночи разом. Девушка уплетала за обе щеки, не слишком заботясь сейчас о своих манерах. Лестер же ел мало, все еще размышляя о чем-то своем, возможно о поведении своего отца, а может быть уже мысленно подыскивал варианты, как бы поскорее избавиться от кузины. «Нужно будет спросить его о месте фрейлины или компаньонки для какой-нибудь знатной дамы, но не сейчас. И, если конечно он не выгонит меня взашей раньше, чем я заикнусь об этом» — размышляла девушка, но что-то подсказывало ей, что не выгонит. Слишком уж он дорожил своей репутацией, по крайней мере сейчас это играет ей на руку.

Когда они закончили завтракать, явилась молоденькая служанка, доложила, что ванна для госпожи готова, и она подготовила для нее одно из платьев госпожи Дореты. Сестра Лестера не любила таскать с собой огромные дорожные сундуки, но любила красивую одежду, поэтому даже теперь, будучи женой бу-

дущего герцога и имея в городе собственный просторный дом, использовала покои брата в королевском замке, чтобы держать тут кое-какие вещи.

–Ванна в моей спальне, твоя пока не готова. Если ты устала, можешь пока поспать в моей кровати. И не волнуйся, я не собираюсь подсовывать туда герцогских сыновей, которых нужно ублажить, — сообщил девушке Лестер.

Голос его звучал вроде бы спокойно, но Тиане показалось, что ее слова о планах отца задели Лестера даже больше, чем ей хотелось бы. Что ж, по крайней мере это показывает, что он порядочнее, чем герцог.

–Спасибо, — просто ответила она, уже немного жалея о том, что так сразу рассказала ему обо всем, и чувствуя себя слишком уставшей для пикировок.

Девушка удалилась, а Лестер, так и оставив завтрак недоеденным, направился в крыло, где жил мастер меча. Кое-что нужно было уточнить, Ритгарду сейчас будет не до его расспросов, остается обратится к Коррину, тот наверняка в курсе этого глупого замысла его отца. Лестер не думал, что вообще увидит Коррина в ближайшие годы, но сейчас из-за болезни королевы его поездка с советником Роймасом была отложена. В груди парня теснились радость и тревога от предстоящей встречи, и он позволил себе несмелую, немного нервную улыбку, не сходившую с его губ все время, пока он неторопливо шел по длинной темной галерее.

***

Новый придворный маг, вместе с советниками, лордом Роймасом и герцогом Кордином, ждали принца в тронном зале. Ритгард поглядел на их уставшие, осунувшиеся лица и подумал, что наверняка и сам он сейчас выглядит не лучше. После короткого приветствия Роймас сразу выступил вперед и предложил:

–Ваше высочество, думаю вы хотите первым делом посетить госпожу королеву.

Эвонн Роймас, будучи советником по переговорам, прекрасно понимал, насколько странным покажется подданным, если

принц, примчавшийся к больной матери, в первую очередь пойдет на совещание, а не в ее покои.

Кордин неодобрительно закряхтел, но вынужден был примириться с его словами. Людей нужно держать в неведении, иначе не миновать беды. Они с Роймасом достаточно давно работали вместе, чтобы понимать друг друга порой безо всяких слов.

–Все верно, лорд Роймас. Мастер Мейнан пойдет со мной, а после мы присоединимся к вам в зале советов, — ответил ему Ритгард.

Советники кивнули, соглашаясь со словами принца, и тотчас направились к выходу, а молодой маг и сам Ритгард пошли в противоположную сторону, к небольшой дверке, скрывавшейся в нише. Обычно этой дверью пользовались слуги, но принц решил, что так будет проще и быстрее дойти до покоев матери.

Пока Ритгард и его спутник шли к королевским покоям, в голову ему пришло, что он больше не увидит старика Лотиуса. Слишком много всего свалилось на Ритгарда в последнее время, а в дороге он думал только о том, чтобы немного поспать или о пропавшей матери. Известие о смерти старого мага тоже стало для него ударом, но все же куда меньшим. Лотиус был глубоким стариком и по крайней мере он умер тихо и мирно в собственной постели, в то время как одни боги да духи ведают, куда исчезла королева и жива ли она еще. «Нет, так думать нельзя» — решительно пресек Ритгард мрачные мысли.

–Как прошли похороны Лотиуса? — тихо спросил принц у Мейнана, поневоле понижая голос, пока они проходили галерею, увешанную портретами его предков. Ритгарду, как и в далеком детстве, казалось, что они следят за ним в полумраке.

–Было много городских жителей, они ведь очень любили старика. Мы сожгли его у реки, а прах ссыпали в воду, чтоб она унесла останки в Длинное море, как и положено, — спокойно ответил Мейнан. –Королева не могла тогда присутствовать и была очень расстроена, но она только начала поправляться после лихорадки и была так слаба. Я счел, что ей лучше будет остаться в замке.

–Вы поступили правильно, — печально произнес принц и замолчал.

Они приблизились наконец к темным дверям с металлическими накладками и остановились, ожидая, пока охранники поклонятся и отопрут замок. Ритгард узнал этих стражников, они были из людей герцога Кордина, и оба походили на своего господина непроницаемым суровым выражением на загорелых лицах. Повозившись немного, один из стражников открыл дверь и почтительно отошел в сторону, пропуская принца и Мейнана вперед. Когда принц и маг вошли внутрь, за их спинами тотчас раздался скрежет ключа в замке. Люди герцога Кордина строго выполняли приказы своего господина.

Ритгард, несмотря на усталость и опустошение, ощутил, как сжалось его сердце при виде привычной обстановки материнских покоев. Здесь почти ничего не изменилось со времен его детства — большой синий ковер на полу с серыми узорами, бюро, за которым она писала письма и просматривала документы, длинный стол с тяжелыми старыми стульями, с полустертой резьбой, изображавшей королевский герб. Его окружали все те же стены, обитые темным деревом, древний камин, чью массивность и грубые очертания не могли сгладить ни изящная кованая решетка, ни резная полка, положенная поверх каменного выступа. Мать не любила излишней роскоши, хотя и позволила в свое время украсить тронный зал и трапезную по более современной моде. Воспоминания потекли рекой, и Ритгард сумел отогнать их, лишь когда фрейлина королевы вышла к нему навстречу.

Хильта дошла до середины гостиной и стала терпеливо ждать, когда принц обратит на нее внимание и начнет разговор.

–Госпожа Хильта, — Ритгард поприветствовал молодую женщину легким кивком головы.

–Ваше высочество, — тихо откликнулась она.

Фрейлина присела в реверансе, и Ритгард отметил, как она похудела и побледнела за время его отсутствия. Он предложил ей присесть, какое-то время женщина колебалась, поглядывая

на Мейнана, будто решая, можно ли ей доверять ему. Принц не знал, что у нее есть для него послание от королевы, иначе, возможно, захотел бы поговорить с ней с глазу на глаз, без посторонних. Пока Хильта раздумывала, стоит ли ей говорить о письме при маге, Ритгард попросил последнего приоткрыть тяжелые ставни, и в гостиную сквозь неровные круги стекольного переплета прорвался солнечный свет. Он подсветил летающие в воздухе пылинки и заиграл на старых подсвечниках, ютившихся на краю стола. Когда в комнате стало светлее, и все наконец сели, Ритгард обратился к фрейлине:

–Госпожа Хильта, я знаю, что вы уже не раз рассказывали обо всем советникам, но я вынужден просить вас повторить эту историю еще один раз.

Голос принца звучал тихо и устало, и Хильта покорно начала, уже в который раз, пересказывать, как утром нашла пустую постель, о чем говорила с королевой накануне, как та себя вела и что делала. Принц слушал молча, не поднимая глаз, и лицо его было печальным. Хильта подумала, как должно быть тяжело ему сейчас. Если для нее, фрейлины и подруги, исчезновение Мелезии стало полнейшей неожиданностью и тяжким испытанием, то каково было принцу Ритгарду получить это известие? Он даже не знает, похитили ли его мать или она ушла сама, потеряв рассудок.

Закончив свой рассказ, Хильта коротко вздохнула и осторожно сказала:

–Ваше высочество, королева оставила для вас письмо.

–Где оно? Почему вы не отдали его советникам?

Принц побледнел, подался вперед, и солнечный свет упал на его лицо, высветив темные круги под глазами.

–Госпожа королева приказала мне, строго приказала, отдать его лично в ваши руки. Я столько думала, стоит ли нарушить приказ, но не смогла. Она моя королева, я не могла предать ее доверие.

Хильта почти плакала, напряжение последних недель, проведенных взаперти, сказалось на ней не лучшим образом. Внут-

ренние терзания, допросы советников и пребывание практически в полном одиночестве все это время порядком пошатнули ее нервы.

Ритгард схватил письмо, записку и кольцо с королевской печатью, которые Хильта достала из кармашка и положила перед ним на стол. Его отросшие ногти, стричь которые в дороге было недосуг, царапнули деревянную поверхность и, секунду спустя, принц уже читал записку. Затем настал черед письма. Принц грубо вскрыл конверт и начал вчитываться в строки, постепенно меняясь в лице.

Письмо гласило: «Мой дорогой сын, как ни сложно будет тебе принять это мое решение, знай, что мне оно далось еще тяжелее. Я вынуждена покинуть тебя навсегда, Ритгард, и это цена, которую я плачу за твое спокойствие и даже жизнь. К сожалению, я не могу раскрыть тебе всего, потому прошу просто принять мои слова не веру. У меня были веские причины уйти, и я сделала это, будучи в ясном уме. Не пытайся искать меня, милый мой мальчик, иначе ты подвергнешь свою жизнь большой опасности, от которой я и пытаюсь тебя спасти. Ты станешь хорошим королем, Ритгард, я всегда это знала. Береги себя, мой милый».

Лицо принца исказила болезненная гримаса, он устало прикрыл глаза рукой и провел пальцами по лбу, словно пытаясь помочь себе осмыслить содержимое письма. Принц сунул письмо за пазуху, встал и подошел к окну, повернувшись к присутствующим спиной. Он молчал так долго, что фрейлина и маг обменялись обеспокоенными взглядами. Будто заметив это, наследник трона наконец заговорил, так и не удосужившись повернуться:

–Хильта, вы можете выходить из покоев, но должны поклясться, что ни одна живая душа не узнает о том, что моя мать покинула замок. Вы будете говорить всем, что она по-прежнему больна. Если я узнаю, что вы проговорились хоть кому-то, то мне придется передать вас в руки королевского палача.

Голос его звучал устало, но твердо. Слова принца ранили Хильту, словно тяжелые камни, брошенные рукой недруга. Как мог принц Ритгард подумать, что она способна на подобное

предательство? Она, которая выдержала ежедневные назойливые допросы, но все же исполнила приказ королевы. И как странно и больно было слышать этот холодный тон и эту внезапную жесткость в голосе прежде дружелюбного к ней принца.

–Клянусь, что никто не узнает от меня об исчезновении госпожи королевы, — почти шепотом произнесла молодая женщина.

Ритгард наконец повернулся к ней, смерил долгим, внимательным взглядом, и Хильта подумала, что в нем что-то неуловимо изменилось. Теперь, под влиянием обстоятельств, молодой принц, до того сдерживаемый матерью и королевским советом, вынужден был принять на себя роль короля и правителя, и принимал собственные решения.

–Хорошо. Вы можете идти, госпожа Хильта. Я знаю, что вы были преданны моей матери, но мне нужно, чтобы вы осознавали всю серьезность своего положения. Пока королеву не нашли, вы будете оставаться в замке, а потом, — принц запнулся и на короткий миг превратился в растерянного юношу. — потом либо будете по-прежнему фрейлиной королевы, либо сможете уехать к своему жениху раньше оговоренного срока.

Фрейлина побелела, сразу сообразив, какой страшный смысл кроется за последними словами принца, поклонилась ему и, совершенно позабыв про сидевшего за столом мага, пошла к выходу из покоев. Ритгард опередил ее, дверь открыли бы только по его или Мейнана приказу, поэтому принц сначала вышел сам, коротко объяснил стражникам, что фрейлина вольна приходить и уходить, но никого иного в покои пускать по-прежнему нельзя. Те все также угрюмо кивнули, и пропустили фрейлину. Ритгард проследил взглядом за ее удалявшимся силуэтом и вошел обратно в покои. Он сам не знал, зачем вернулся, ведь его и Мейнана ждали сейчас советники, а здесь делать больше было нечего. Однако Ритгарду захотелось просто побыть еще немного в этих знакомых комнатах, среди привычных с детских лет вещей и запахов.

Принц велел придворному магу подождать его у двери, а сам подошел к окну, у которого стоял во время разговора с фрейлиной. Оконце это выходило во двор замка, где сейчас уже не осталось и следа от встречавшей его всего полчаса назад толпы, лишь слуги время от времени деловито сновали туда-сюда. Принц целиком погрузился в свои мысли, повторяя про себя слова из прощального письма матери. От чего она хотела его защитить? Была ли эта угроза связана с теми страшными снами, которые, по словам сельского мага, мог наслать ему сами духи? Должно быть за размышлениями он совсем потерял счет времени, потому что позади раздались негромкие шаги, и Ритгард услышал голос придворного мага.

–Ваше высочество, нас ждут советники, — спокойно напомнил Мейнан, невозмутимо глядя на принца своими рыбьими глазами.

–Да, ты прав, — тихо ответил Ритгард, отойдя от оконца и бросив на мага быстрый взгляд.

–Могу я спросить, ваше высочество, что было в том письме? Оставила ли королева какие-то объяснения или намеки на то, почему и куда она ушла? — осторожно начал парень, опасаясь реакции принца.

Мейнан не ожидал, что Ритгард расскажет о содержании письма, но ему было необходимо разрешить эту загадку, столько дней мучившую его. Жадный ум ученого требовал ясности, хотя сейчас это, скорее всего, было не совсем уместно. Мейнан вспомнил старика Лотиуса, который на протяжении стольких лет старался научить его тонкому мастерству общения с людьми, дававшемуся молодому магу с огромным трудом и казавшемуся совершенно ненужным. Однако со временем Мейнан и сам понял, что от людей ему никуда не деться и кое-какие моменты просто держал в голове, стараясь следовать положенным неписаным правилам поведения. Сейчас он ощущал, что переступает некую грань, задавая подобный вопрос, но несмотря на это, все же не смог удержаться.

–Она написала, что ушла, чтобы защитить меня, — ответил принц, стиснув зубы так, что на скулах его заиграли желваки.

–Мейнан, продолжай свои поиски в книгах старика, пока все должны также думать, что моя мать больна, — и коротко добавил. –Мое предупреждение Хильте касается тебя и советников тоже. Пойдем.

Принц направился к двери, все еще сжимая в руке перстень с печатью. Ему почему-то казалось, что надеть его на палец означало не только стать королем, но еще и сдаться, и признать, что ему уже не найти и не спасти свою мать. «Прилажу его на цепочку и буду пока носить под рубашкой» — подумал парень, решив, что так он сбережет и кольцо, и надежду на возвращение матери.

Кордин и Роймас заметно нервничали, ожидая принца, а когда он, даже не выслушав их доклад, коротко рассказал о письме, не упомянув его точного содержания, и лишь сообщив, что никаких намеков на то, куда ушла королева, там нет, обеспокоились еще больше. Ритгард сказал им, что разрешил Хильте покидать покои королевы, но по-прежнему велел жить там и делать вид, что ее госпожа очень больна, что тоже не обрадовало советников. В итоге после часа бесполезных вежливых пререканий с лордом Роймасом и недовольного бурчания герцога Кордина, принц был уже не в силах думать ни о чем, кроме кровати. Ритгард заявил, что нуждается в отдыхе, а все вопросы они обсудят вечером, после ужина, когда он выспится и приведет себя в порядок. С этими словами принц коротко кивнул советникам, которым так и не удалось добиться от него позволения заглянуть в злополучное письмо, и отправился в свои покои. Там он, не дожидаясь помощи слуги, стащил сапоги, куртку и повалился на кровать, даже не умывшись с дороги. Тяжелый глубокий сон охватил его почти сразу, дав спасительное забвение и отдых, в котором Ритгард так нуждался после недели в пути, полной всяческих неудобств, недосыпания и душевных волнений.

12

Мейнан просматривал полку с книгами, принадлежавшими почившему учителю. Он взял в руки очередной древний фолиант. Эта книга была такой ветхой, что стояла, обернутая специальной тканью позади всех остальных. Практически все эти книги он знал и читал, кроме таких вот древних. Мейнан не любил читать на старом языке, а книга была написана как раз на нем. Но делать было нечего, он обязан был просмотреть все, что найдет, поскольку записи старика не дали ответа на вопрос, какое тот использовал заклинание. Мейнан же был уверен, что между смертью Лотиуса и исчезновением королевы есть какая-то связь. Он нутром чуял, что все это неслучайно, только вот доказать пока никак не мог.

Листая пожелтевшие от времени страницы, исписанные выгоревшими чернилами, молодой маг сокрушался о состоянии книги. Пожалуй, стоит заняться переписыванием, пока она не развалилась совсем. Долистав примерно до середины и открыв очередную страницу, он остановился. Страница была заложена обрывком бумаги. Мейнан тотчас впился в текст своими бесцветными глазами, пытаясь разобрать слова старого языка.

Первая страница была исписана рецептами зелий против желудочных болезней, синяков и истощения, но ничего из этого не могло бы объяснить ситуацию с королевой. Мейнан перевел взгляд на вторую страницу и, без особой надежды, принялся читать его.

«Защитить дитя безвинное, кое зачато было во тьме и взятой духами матерью рождено. Дабы духов зов не слышало, снов злых не видело и на дорогу кривую не свернуло. Духовье уберет, человечье взрастит. Огонь разожги, накрест уложи две пряди волос, у матери и дитя взятые на чистое блюдо серебряное. Длань над ними вознеси, перстом укажи и слова скажи семь раз

три ночи кряду: темный дух, духова ночь, поди мимо, поди прочь. Прочь поди — злые сны уводи. Прочь поди — судьбу уведи. Дух людской, дитя возьми, мрак и злое обмани» — прочел он наконец, отодвинул от себя книгу и озадаченно уставился в пустоту.

В уме молодого мага тут же всколыхнулись и начали выстраиваться в цепочку образы, события и воспоминания: смутные слухи о происхождении принца, про которые упоминала недавно старая кухарка, слова из письма королевы о том, что она должна защитить Ритгарда, какое-то заклинание, которое в последнюю ночь своей жизни прочел Лотиус, и эта маленькая закладка в древней книге. Теперь все встало на свои места и обрело смысл.

–О, Единые боги…

Мейнан сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и перечитал слова еще раз. Строки не изменились, и он не увидел в них иного смысла, кроме того, который был итак очевиден.

«Ее и впрямь тогда украли духи, и принц… Слухи о его настоящем отце, должно быть, правда. Королева настолько доверяла только старику Лотиусу, значит это он нашел и прочел заклинание, чтобы защитить ее и принца Ритгарда от духов. Но теперь… Когда умирает маг, то его заклинания постепенно теряют силу. Значит, королева Мелезия ушла к духам сама, чтобы они не забрали к себе принца. Быть может его отец-дух хотел заманить к себе сына? Духи умеют затуманить голову человеку, и еще они любят заключать сделки, если конечно все эти древние легенды правда. Получается, что в письме она писала именно об этом, только не могла рассказать все прямо, и не стала просить помощи у меня, а зря» — размышлял Мейнан. Наконец придя к логичному выводу, который вполне объяснял все произошедшее, молодой маг почувствовал некоторое облегчение. Все встало на свои места, осталось лишь сообщить обо том, что он узнал, принцу Ритгарду. Мейнан снова крепко задумался, на этот раз о том, как тот воспримет его слова. Он боялся, что принц не поверит

ему, сочтет выводы Мейнана выдумкой или глупым совпадением.

–Помогите мне предки, как же мне объяснить ему все это? — спросил парень сам себя.

Но выбора у него нет, надо рассказать Ритгарду. Никаких советников, никто больше не должен об этом знать. Мейнан решил, что теперь время не имеет такого критического значения, и стал терпеливо дожидаться ужина, чтобы после позвать принца сюда, показать книгу и рассказать ему о том, до чего ему удалось додуматься. Если его догадка верна, то королева сейчас где-то в мире лесных духов, куда простому человеку не попасть. Молодой маг читал когда-то, что только сами духи могут впустить к себе человека, чтобы поиграть или свести с ума. Если же духи не захотят, то человеку никогда не найти ворота, ведущие в их мир.

Интересно, что будет делать принц, если поверит словам Мейнана об отце-духе и защитном заклинании? Неужели соберется прочесывать весь Вельский лес в поисках ворот? Молодой маг много знал о коварстве духов из книг, рассказов и многочисленных слухов, передававшихся шепотом под громкие песни (чтобы духи не услышали, что их поминают недобрым словом) и очень сомневался, что когда-нибудь снова увидит королеву Мелезию живой. Что же касается принца, то Мейнан надеялся, что тому все-таки хватит здравого смысла не соваться в Вельский лес.

***

Ужин в малой трапезной прошел уныло и тихо. Присутствовали оба советника, придворный маг, Лестер с кузиной, две фрейлины и несколько гостивших в замке вельмож. Ритгард выглядел уставшим и печальным. Все, непосвященные в настоящую ситуацию, списывали это на последствия долгой дороги и тяжелое состояние королевы. Ритгард согласился с предложением советников поужинать среди гостей, чтобы показать, что он, несмотря на горе, находит время для своих подданных, ведь он в первую очередь правитель, а уже потом сын своей матери.

Однако настроение у принца было мрачным, и сегодня его вполне устроил бы ужин в одиночестве или в компании Коррина, которого, наверняка сейчас закармливала всевозможной стряпней Кайла.

Ритгард скользнул взглядом по привычной обстановке. Обитые темными деревянными панелями стены, огромный камин, над которым приколочен большой щит с королевским гербом, занимал почти треть стены, длинные гобелены с драконами, оленями и какими-то неведомыми животными свисали по обе стороны чуть поодаль от камина, они же украшали остальные стены. В дальнем конце зала виднелся старинный буфет, с полками, заполненными литыми кубками, тарелками и кувшинами для вина. Сегодня здесь поставили всего два стола. Один предназначался для принца и его советников и находился на небольшом возвышении, а другой, для гостей, стоял внизу, достаточно далеко, чтобы никто не мог услышать разговоры, ведущиеся за королевским столом.

Время за ужином тянулось мучительно долго, и Мейнан, все еще привыкавший к новой роли придворного мага, старался сосредоточиться на еде. Иза расстаралась ради того, чтобы порадовать принца, но тот, похоже, даже не замечал, что он ест. Зато Мейнан уж не собирался упускать возможность полакомиться.

Советники и принц почти все время молчали, и кажется обе стороны это вполне устраивало. После завершения бесконечного ужина и очередного долгого обсуждения плана дальнейших действий в зале советов, маг наконец-то смог улучить мгновение, чтобы незаметно подойти к принцу. Тот как раз решил просмотреть еще раз последнее письмо из Кесса и отошел, чтобы поискать его в стопке бумаг на столе.

–Я нашел кое-что важное. Приходите в мои покои, как только сможете. Один, — тихо сказал Ритгарду Мейнан, как бы невзначай задержавшись у стола.

Затем молодой маг прибавил шаг и вышел вслед за советниками, которые как раз покидали комнату. «Кажется, я становлюсь настоящим придворным» — с отвращением подумал Мей-

нан, идя по галерее и вспоминая те прекрасные спокойные дни, когда почти не соприкасался с обитателями замка и уж тем более не был обязан присутствовать на совещаниях. Насколько беззаботной была его жизнь, посвященная одним лишь книгам, заклинаниям и лечебным зельям. Мейнан в очередной раз подумал, как хотелось бы ему, чтобы старый маг был жив. Сам парень не стремился к власти и не был готов ко всему, что обрушилось на него со смертью старика, пусть и справлялся с этим вполне сносно.

***

–Мейнан, что ты нашел? — чуть не с порога спросил принц Ритгард.

Войдя в покои придворного мага, он запер дверь и без приглашения опустился на стул. Его зеленые глаза с надеждой смотрели на молодого мага, а пальцы нервно крутили символ Единых, висевший на длинной цепочке поверх рубашки. Мейнан невольно обратил внимание на эти движения и заметил, что из-под расстегнутого ворота рубашки Ритгарда выглядывает какой-то шнурок и кусочек ткани, очень сильно напоминавший мешочек для оберегов. Мейнан попытался вспомнить, делал ли покойный Лотиус для принца что-то подобное, но безрезультатно.

–Да, ваше высочество. Но прежде скажите, это оберег? — спросил маг, указывая на мешочек.

Ритгарду стало не по себе под взглядом бесцветных глаз Мейнана, бесстрастно следившим, как он достает мешочек и, не снимая, показывает ему. Он не видел необходимости скрывать от Мейнана, для чего ему понадобился оберег. Теперь, когда старик Лотиус мертв, и его прах унесла в Длинное море быстрая река, новый маг сможет помочь Ритгарду. Он найдет защитное заклинание, чтобы усилить действие оберега, а быть может и вовсе сумеет прогнать дурные сны насовсем.

–Да. Его сделал маг герцога Локвуда. По дороге мне начали снится странные сны, кошмары, — ответил Ритгард и засунул мешочек обратно.

–Скажите, а что именно вам снилось?

–Мейнан, разве это важно сейчас? Ты позвал меня, потому что нашел какие-то подсказки о том, куда могла отправиться моя мать, я верно понял? Просто расскажи мне все, что знаешь. Этот день итак был слишком длинным.

В голосе Ритгарда появилось раздражение. Почему все маги так трясутся из-за каких-то снов? И тут он вспомнил, о чем его предупреждал Венсли, когда изготавливал оберег. Зов духов.

–Я бы не стал спрашивать, будь это неважно, ваше высочество, — пожал плечами молодой маг, — Я думаю, что эти сны имеют прямое отношение к исчезновению госпожи королевы.

При этих словах принц переменился в лице. Возникшее было раздражение из-за дотошности Мейнана улетучилось, и он рассказал ему все то, что до него рассказывал магу Венсли. Когда Ритгард закончил свой рассказ, Мейнан приступил к объяснению своей версии произошедшего.

–Этот Венсли прав. Такие сновидения вполне могут быть посланниками самих духов. Сегодня днем я нашел заклинание в старинной книге, страница была заложена. Просто прочтите его для начала, а я попробую объяснить все по порядку.

Мейнан аккуратно подвинул к принцу лежавшую на столе книгу и открыл на нужной странице, указав, откуда нужно читать. Ритгард придвинул поближе свечу и склонился над выцветшими буквами. Когда он наконец дочитал заклинание, то поднял на мага полные недоумения глаза. Принц конечно не раз читал тексты на старом языке, и тот никогда не казался ему сложным, однако сейчас он усомнился, верно ли понял смысл заклинания, которое подсунул ему маг.

–Это заклинание, призванное защитить ребенка, зачатого от духа. Вы наверняка слышали о том, что однажды королева уже пропадала. Это было как раз за девять месяцев до вашего рождения. Я знаю, что ходили слухи… — начал объяснять Мейнан, но принц тут же прервал его.

–И слухи были ложными, разве нет? Или ты хочешь сказать, что мою мать украл дух и поэтому Лотиусу понадобилось это заклинание? Но духов уже давно никто не видел. По правде ска-

зать, я вообще сомневаюсь, что они существуют. И ты знаешь, что мое родимое пятно в точности как то, что было у Оина, моего отца.

Недоумение в душе принца вновь начало сменяться раздражением. Его пальцы невольно потянулись к вороту рубашки и скользнули по месту на шее, где всю свою жизнь он видел прямое опровержение всех глупых слухов — небольшое родимое пятно.

Молодой маг поднялся со своего места, подошел к шкафу, порылся в стоявшей на полке шкатулке, а затем вернулся к столу и подал принцу маленькое ручное зеркальце

–Посмотрите, — бесстрастно сказал он.

–Что за глупости, Мейнан, зачем мне это делать?

Ритгард посмотрел на него уже как на умалишенного, однако взял зеркальце и повернул шею, чтобы разглядеть привычную отметину.

–Оно всегда было там и… Какого духа?

Пятно исчезло. Ритгард моргнул, не веря своим глазам, затем оттянул кожу, чтобы лучше разглядеть место, где всегда находилось родимое пятно, но тщетно. Принц отложил зеркало, затем снова взял его и вгляделся в свое отражение, но пятна по-прежнему не было. Ритгард медленно и аккуратно положил зеркало на стол, отражающей поверхностью вниз и уставился на Мейнана.

–Это какая-то магия? Что ты сделал с зеркалом? — спросил он недоверчиво.

–Это *была* магия. Но зеркало тут ни при чем. Я думаю, что это еще одно заклинание, которое сотворил Лотиус. Это то, что я пытаюсь объяснить. Вы так привыкли к пятну, что перестали обращать на него внимание, а теперь, когда со смертью старика оно постепенно исчезло, вы этого просто не заметили, потому что в дороге и спешке вам недосуг было смотреться в зеркала. Королеву действительно похитил какой-то дух семнадцать лет назад, а потом она родила вас, ребенка, который был зачат с духом. Для этого понадобилось заклинание из книги, для этого Ло-

тиус придумал трюк с родимым пятном. Отсюда все ваши кошмары. Вы подвержены им, потому что в вас течет кровь духов пополам с человеческой. Поэтому я спросил про этот ваш новый оберег. Старик умер, и его магия, которую он применял к вещам или людям начала исчезать. Ваша мать хотела защитить вас, поэтому она отправилась в мир духов сама. Думаю, она хотела заключить с ними сделку, чтобы они оставили вас в покое. Это она и пыталась сказать в своем письме, когда писала, что хочет защитить вас, — выпалил Мейнан на одном дыхании и замолчал, ожидая реакции принца.

–Это невозможно, Мейнан. Ты должно быть ошибся, — Ритгард недоверчиво покачал головой, отказываясь верить в то, что только что услышал. -Нет, нет, этого не может быть. Мой отец Оин, я не верю в эту историю. Может Лотиус отметил страницу, потому что кому-то другому была нужна помощь, и заклинание предназначалось для того человека?

Глаза принца лихорадочно забегали, Ритгард потер виски и лоб, пытаясь собраться с мыслями. Мейнан видел, как он постепенно осознает смысл услышанного, и тихий ужас проступает в глазах принца. Молодому магу стало не по себе, а что если Ритгард объявит его безумным и прикажет казнить, испугавшись, что Мейнан предаст его и расскажет кому-нибудь правду о его происхождении? Ведь никто в здравом уме не захочет видеть на троне духово отродье, пусть даже его мать была королевой по крови. Рука мага сама собой потянулась к кувшину с вином. Он наполнил два кубка. Один Мейнан взял себе, а другой протянул принцу, который все еще ошарашенно смотрел на него.

–Все указывает на то, что заклинание предназначалось для вас. Выпейте, ваше высочество.

–Мейнан, мне понадобится не одна бочка вина, чтобы забыть о том, что ты мне сейчас рассказал. Нет, я не верю, что моя мать обманывала меня всю жизнь, а потом просто ушла, толком ничего не объяснив, — тихо проговорил он, но тем не менее принял кубок из рук мага.

–Это единственная версия, на которой все сходится, — ответил Мейнан. –Ваша мать ушла, чтобы защитить вас.

–Почему она не обратилась к тебе после смерти Лотиуса? — глухим голосом спросил Ритгард и устремил на мага полный боли взгляд.

Мейнан так описал ему события, что сомневаться в правильности его выводов не приходилось, но понять и принять такое за один вечер принц был явно не готов. Всю жизнь он жил, будучи уверенным в своем месте и положении, в своих родителях, а теперь весь его мир попросту перевернулся.

–Королева никогда не доверяла мне так, как учителю, — флегматично ответил маг.

Оба они замолчали. Мейнан прихлебывал вино и вполглаза наблюдал за принцем, а тот сидел, подперев голову рукой и задумчиво водил пальцем по резной ножке кубка. Ритгард все еще пытался привести в порядок разрозненные мысли и найти какое-то другое объяснение бегству матери, защитному заклинанию, исчезнувшему родимому пятну и истории со снами, но ничего не получалось. Наконец он вздохнул, и устало воззрился на придворного мага.

–Хорошо, допустим, ты прав, и все это действительно было, как ты говоришь. Где же тогда мне искать ее? Как попасть в этот мир духов?

–Ваше высочество, вам так надоела ваша жизнь? — все также спокойно ответил вопросом на вопрос Мейнан; слова принца встревожили его, хотя вида он не подал. –Никто из простых смертных не знает туда дороги. Мы можем только предполагать, что ворота в тот мир находятся где-то в Вельском лесу, ведь госпожа королева исчезла впервые именно там, — маг сделал короткую паузу и продолжил. –Даже если вы туда каким-то чудом попадете, как вы собираетесь выбраться обратно? Думаете они выпустят вас обратно просто так? Духи очень хитры, жестоки и любят играть с людьми. Как вы собираетесь побороть их? И что если королева Мелезия, упаси Единые, уже мертва? Вы пойдете в мир духов и пропадете там, разве она этого хотела?

Он наконец замолчал, сам дивясь внезапному приступу красноречия и давая Ритгарду время обдумать сказанное. Однако принц, вопреки ожиданиям молодого мага, долго размышлять не стал. Он допил вино, крепко стиснул в руке опустевший кубок, и на секунду Мейнану почудилось, что принц сейчас запустит им в стену. Однако Ритгард поставил кубок на стол и, упрямо сжав губы, произнес:

–И ты полагаешь, что я оставлю свою мать на милость тех, кого только что сам назвал жестокими и коварными существами? Ты бы бросил свою?

Маг слегка оторопел, услышав подобный аргумент, ему стало очень неловко. Конечно легко рассуждать со стороны, но действительно, разве бы он сам смог оставить свою матушку, случись с ней что-то подобное?

–Нет, конечно нет, — тихо ответил парень и стыдливо отвел глаза.

–Я даю тебе два дня, Мейнан, чтобы узнать из этих книг, — принц Ритгард махнул в сторону книжных полок. –все, что найдешь о духах и их мире. И, если ты изучал боевые заклинания, то самое время освежить их в памяти. Через два дня мы уезжаем в Вельский лес.

–Мы? — удивился Мейнан, и его и без того круглые рыбьи глаза сделались еще больше.

–Мы. Ты поедешь со мной. Твоя магия может пригодиться. И никому ни слова обо всем, что ты сегодня рассказал мне. Это приказ. Все ясно?

В голосе принца слышались те же стальные нотки, что и сегодня утром во время разговора с фрейлиной, и Мейнан не решился перечить ему.

–Как скажете, ваше высочество, — ответил придворный маг. –Но что вы скажете советникам? Они ни за что не согласятся, чтобы вы выехали за пределы замка, пока все не разрешится.

–Придумаю что-нибудь, — коротко бросил Ритгард, поднимаясь и направляясь к двери.

–С нами поедет кто-нибудь еще? — спросил вдогонку Мейнан.

–Мой друг Коррин, — не оборачиваясь ответил принц и вышел, с шумом захлопнув тяжелую дверь.

Мейнан посидел какое-то время в задумчивости, а потом налил себе еще вина, покачал головой и пробурчал себе под нос:

–Единые, насколько проще было раньше.

13

–Как долго они будут спать? — поинтересовался принц, осторожно приподнимая и опуская на стол вялую безжизненную кисть лорда Роймаса.

–Часа три или около того. Они не так много успели выпить, — пожал плечами Мейнан, пощупав пульс военного советника, почтенного герцога Кордина.

–Тогда не будем терять время. Выезжай на городской рынок, как договаривались, купи телегу, лошадей и жди в «Пьяном шмеле», — повторил Ритгард, на случай, если Мейнан забудет какую-то часть плана. –И не забудь по возможности прятать лицо. Ты слишком уж выделяешься.

–Я помню, — поморщился Мейнан.

Ему вообще не слишком нравилась вся эта затея, но, если тебе приказывает принц, то приходится делать то, что он говорит. К тому же, после некоторых раздумий, молодой маг пришел к выводу, что увидеть настоящих духов, о которых он слышал лишь из сказок и легенд, будет очень любопытно. Конечно их план очень опасен и по существу безумен, но раз уж его, Мейнана, в это втянули, то он должен получить хоть какую-то выгоду.

–Я пойду. Коррин уже наверное ждет, — коротко сказал Ритгард.

Принц торопливо покинул зал совещаний, и Мейнан услышал, как он раздает приказания стражникам, а те заверяют принца в том, что все будет выполнено.

Молодой маг скорчил недовольную мину и проверил содержимое карманов. Кошель с деньгами, кое-какие лекарства и мази, амулет и наспех переписанные заклинания, которые могут пригодится в мире духов, покоились на дне дорожной сумки. Если им понадобится что-то еще, то, по заверениям Ритгарда, все можно будет купить по дороге. Мейнан поворчал еще немного

и принялся выжидать — согласно плану принца он должен будет выйти отсюда спустя десять минут. Стражникам Ритгард должен был приказать не беспокоить советников ближайшие четыре часа. Мейнан не знал, объяснил ли он каким-то образом, почему именно четыре и чем таким важным будут заняты советники, но в положении принца в этом смысле были свои плюсы, ты командуешь — люди подчиняются, не задавая лишних вопросов.

Сейчас принц и оруженосец наверное уже выходят из замка тем самым путем, который использовали, чтобы сбегать и проводить ночи в веселом доме или таверне. Что это за путь Мейнану рассказывать не стали, он только знал, что там каким-то образом задействована прачечная и некий лаз, кажется ведущий на крышу. Если подумать, Мейнан даже и не хотел забивать свою голову такой информацией. Его дело — помочь найти вход в мир духов и, если что-то пойдет не так, применить свою магию для защиты принца, оруженосца и себя самого.

«Это очень глупый план. Что он вообще думает делать? Прийти и вежливо постучать? Нам повезет, если мы просто уедем обратно живыми, не увидев ни одного духа» — думал молодой маг в который раз. Он не стал больше разубеждать принца, сочтя это делом бесполезным, но происходящее нравилось ему не больше, чем угроза морового поветрия. В глубине души Мейнан надеялся, что им не удастся найти ни вход в мир духов, ни самих духов, и принц, вдоволь поплутав по лесу, прикажет возвращаться в замок. Мейнану было по-своему жаль и Ритгарда, и его мать, но риск, на который им троим теперь придется пойти, из-за того, что королева не отважилась обратиться к нему за помощью, был слишком велик. «Мы ведь вполне можем там сгинуть, не от духов, так от зубов какого-нибудь хищника. И кто тогда расскажет моей матери, как я погиб? Что еще хуже, кто будет кормить ее и брата?» — забеспокоился парень. В замке только покойный Лотиус был знаком с его семьей, добродушной седой матерью и увечным младшим братом, который из-за своей короткой кривой ноги, не мог толком работать ни на поле, ни в доме. Все на что они жили, отправлял им из своего жалования

Мейнан. Парень надеялся, что став придворным магом, сможет перевезти мать и брата в столицу, а теперь, кто знает, как сложится это безрассудное путешествие? Молодой маг тяжело вздохнул.

–Пожалуй, уже пора, — сказал он вслух.

Мейнан направился к выходу из зала, мысленно прося Единых, чтобы те помогли ему в этом безумном деле. Обращаться к духам, после столкновения с последствиями их деяний и всего того, что он успел о них прочесть, Мейнану совсем не хотелось. Кто вообще придумал им поклоняться? Наверняка люди начали делать это из страха перед коварными существами, а потом это просто превратилось в традицию. С этими размышлениями маг покинул зал совещаний, и пошел прочь по длинной галерее, время от времени нервно оглядываясь на стоящих в карауле стражников.

Двое всадников выдвинулись из города, сопровождая торговца на телеге, заполненной мешками с мукой. Стражники у городских ворот вполне удовольствовались объяснением, которое дал им возница, молодой ярко-рыжий парень с неприятными большими прыщами на лице. Отец заболел, а он с братьями едет в соседнюю деревню, чтобы отвезти туда обещанную муку. Все внимание стражников было приковано к ярким воспаленным островкам, обсыпавшим щеки и нос бедолаги, и они охотно выпустили его из города, даже не желая присматриваться к двум другим парням. Они молчаливо сидели на плохоньких лошадках с потертой сбруей, и подозрительно часто почесывали скрытые под капюшонами лица. Решив не рисковать подхватить от парней какую-нибудь заразу, стражники поспешили пропустить их, а потом еще долго брезгливо морщились, жалея, что в карауле нельзя выпить чего-то покрепче, чем легкое пиво. Ворча, ругаясь и хватаясь за обереги, они вернулись к своим делам, даже не поглядев, в какую сторону направились «братья».

Городские ворота остались позади, и трое путников вздохнули с облегчением, но все еще продолжали бдительно посмат-

ривать по сторонам и время от времени оборачиваться назад. Им еще предстояло проехать деревушку, отделенную от крепостной стены большим лугом, и только потом свернуть на пыльную дорогу, ведущую на юг, к Вельскому лесу. Мешки тяжело подскакивали в телеге, которой Мейнан управлял довольно умело, хотя не делал этого уже много лет, наверное с тех пор, как ему минуло десять. Он все еще слабо представлял, как принц надеется добраться незамеченным и неузнанным до южной границы страны, а потом еще и найти ворота в мир лесных духов. Согласно легендам, где-то в лесу, скорее всего в самой чаще, может находиться проход в их мир, но кто может теперь поведать, где ложь, а где правда в этих сказаниях? Мейнан уже говорил принцу о том, что план крайне непродуман, но тот не хотел ничего слышать, упрямо утверждая, что он должен хотя бы попытаться разыскать свою мать. Оруженосец Коррин, с которым Мейнан был немного знаком, свое мнение вообще не озвучивал, хотя поначалу маг питал большие надежды на то, что будучи другом принца, он сумеет убедить Ритгарда в бессмысленности этой затеи.

Деревню беглецам удалось миновать без происшествий, разве что несколько брехливых собак увязались за ними и долго бежали позади телеги, раздражая всех своим лаем. Свернув на южный тракт, трое путников остановились, сняли с повозки один из мешков и вытащили из него припрятанные там дорожные сумки, оружие и седло для лошади мага. Нагруженную телегу решено было оставить у обочины, все прекрасно понимали, что долго она там не простоит, и ее быстро умыкнет какой-нибудь сметливый крестьянин.

Коррин и Ритгард надели перевязи с небольшими одноручными мечами, а Мейнану вручили кинжал. Магия магией, но добрая сталь никогда не будет лишней. Дорога предстояла тяжелая и неприятная, и Ритгарду с Коррином, не успевшим толком отдохнуть после недавнего путешествия, оставалось только тоскливо вспоминать о мягких уютных постелях, оставшихся в замке. Однако вслух никто из них не жаловался, даже бедняга

Мейнан, уже успевший отбить себе зад на твердом сиденье повозки. Коррин и Мейнан быстро распрягли и оседлали лошадь для мага, прыгнули в седла и выехали с обочины на дорогу. Каждый бросил прощальный взгляд на Кайтерн, и вскоре трое путников уже неслись по широкому тракту, оставляя за собой шлейф коричневой дорожной пыли.

***

Верхушки Вельского леса показались на горизонте. Небо было ясным, и теплое утро обещало перейти в очередной жаркий день. Неровная местность позволяла всадникам, стоявшим на вершине холма, видеть раскинувшуюся неподалеку от леса деревушку. Отсюда дома казались маленькими точками, не крупнее цветов под ногами их лошадей. К домикам вела дорога, на которой в такой ранний час не было ни души. Южный тракт — оживленное место, поэтому маленький отряд решил, объехать его стороной.

–Думаю, мы успеем обогнуть деревню с восточной стороны до того, как на дороге станет многолюдно. Но надо торопиться, — решительно произнес Ритгард.

–Ты уверен, что все-таки хочешь рискнуть и сунуться в этот проклятый лес? Даже после того, что Мейнан рассказал нам о духах? — спросил Коррин, не особо надеясь на то, что Ритгард изменит свое решение.

–Я уверен, что хочу все узнать и услышать от своей матери, и уверен, что не хочу оставлять ее в этом проклятом месте. Рассказы Мейнана определенно уверили меня в правильности этого решения еще больше, — раздраженно ответил принц, которому успели порядком надоесть попытки отговорить его от поездки в Вельский лес.

Мейнан бросил на Коррина усталый взгляд, как бы говоривший «Я сделал все, что мог», пожал плечами и начал спускаться с холма вслед за принцем. Копыта лошадей грубо сминали под собой мягкую траву и нежные тонкие цветки красных маков, трепетавшие на ветру, будто крылья ярких бабочек. Они перемежались с мелкими цветами, которые называли дневными

звездами из-за формы чашечки и белого цвета лепестков, и васильками такого глубокого сине-фиолетового оттенка, что они казались ненастоящими. Никто из троих путешественников не обращал внимания на эту красоту, их глаза тревожно перемещались с темной стены леса на далекую деревушку, следя, не заметит ли их какой-нибудь местный житель или торговец, остановившийся на ночлег в трактире и решивший выехать пораньше.

Они гнали и без того уставших лошадей, которым, как и им самим удалось поспать за ночь всего несколько часов. Никто не знал, насколько хорошо сработал их неказистый план усыпить советников, тайком выбраться из замка, а затем отправиться на юг. Их могли нагнать в любую минуту. Принц оставил короткую записку для герцога Кордина и лорда Роймаса, где велел им пока руководить делами и сообщал, что хочет предпринять попытку спасти свою мать, но ни словом не обмолвился о том, куда они направляются. Конечно для советников не составит особого труда выследить их, они наверняка сразу же послали за принцем своих доверенных людей. Однако явным преимуществом маленького отряда Ритгарда было то, что советники не могли открыто объявить о том, что принц сбежал и отправить за ним большое количество стражников.

Ритгард, Коррин и Мейнан старались, как умели, заметать следы. Порой они въезжали в очередную деревню по отдельности, порой по двое, а третий нагонял их уже после того, как крыши деревенских домиков скрывались вдали. Лошадей они предпочитали менять также не всех сразу, и в тавернах делали вид, что незнакомы друг с другом. Все это не могло бы обмануть опытного в слежке человека, если бы он сопоставил все факты, но здорово помогло им потянуть время и выиграть его достаточно для того, чтобы добраться до Вельского леса без явных признаков погони за спиной.

В лес они въехали как раз тогда, когда в деревне начали кричать первые петухи, пробуждая местных жителей и постояльцев двух маленьких гостиниц. Здесь, у кромки леса, деревья бы-

ли в основном молодыми и не имели того устрашающего вида, как те, что росли в глубине. Долгое время путникам удавалось даже спокойно ехать, не слезая с лошадей, поскольку тут еще попадались нахоженные тропки, проложенные крестьянами в поисках ягод, грибов и лечебных трав.

К полудню Ритгард заметил, что деревья вокруг начали становиться все более кряжистыми, и ветви их изгибаются все чуднее, приобретая те самые жуткие очертания, которые так пугают людей ночной порой. Согласно словам Мейнана, им нужно было найти что-то необычное: странную поляну, дерево, может быть какие-то знаки на коре. Принц старался присматриваться к тяжелым узловатым стволам дубов и бело-черным березам, но пока не видел ничего особенного. «Они все похожи и все выглядят так, словно их скрутило древней магией. И как найти среди них какое-то еще более странное?» — думал он, стараясь припомнить, какими были деревья на той круглой полянке, которая снилась ему в одном из последних кошмаров. Он помнил огромный дуб с дуплом, бывшим центром спирально закрученной коры, но ничего подобного им пока не попадалось.

Вскоре маленькому отряду пришлось остановиться на привал и дать отдых себе и животным. К тому же нужно было решить, как передвигаться дальше, потому что деревья теперь стояли плотнее, а торчавшие из земли толстые корни мешали лошадям, которые итак уже беспокойно прядали ушами и с большой неохотой продвигались вглубь леса, чуя нечто враждебное в его атмосфере. Сами путники тоже ощущали какое-то странное легкое оцепенение, правда, признаваться в этом друг другу не спешили. Они съели немного сыра с хлебом для поддержания сил, хотя никто не чувствовал особого аппетита. Разговоры их перешли на шепот, а смутная тревога внутри продолжала расти по мере продвижения через лесные дебри.

После привала было решено вести лошадей в поводу, Ритгард всерьез начал опасаться, как бы вообще не пришлось оставить их привязанными на какой-нибудь полянке. По дороге все

чаще начали попадаться колючие кусты и извилистые корни деревьев, они, словно бы нарочно, поднялись выше и скрутились еще затейливее, преграждая дорогу людям и животным. Наконец, спустя еще пару часов, парни приблизились к маленькой полянке, каким-то чудом не заросшей обступавшими ее со всех сторон деревьями. Она не походила на ту идеально круглую поляну, которую Ритгард видел во сне, и на ней не было ни единого цветка, только немного травы, боги знают как умудрившейся прорасти тут, практически не видя солнечного света. Деревья в этой части леса были настолько высокими, что верхушки было невозможно увидеть, даже задрав голову вверх до предела. Их ветви смыкались над маленькой поляной, почти полностью закрывая небо, и Ритгард мог бы поклясться, что ночью отсюда невозможно разглядеть ни одной звезды, даже свету ярчайшего созвездия Элендейла не под силу было бы пробиться сквозь плотное сплетение древних ветвей.

–Послушай, Мейнан, а в твоих книгах не говорилось, можно ли как-то призвать лесных духов, чтобы они откликнулись или сами вышли к нам? — тихо спросил принц, обращаясь к магу, внимательно рассматривавшему поляну.

–Ммм, в них нет, но в сказках кажется что-то такое было. Помните про Верена-охотника? Он вроде разговаривал с деревом, из которого вышла дриада, а после взял ее в плен с помощью заговоренной веревки и железного ножа. Она-то и привела его к лесному господину, — ответил парень, аккуратно простукивая ствол ближайшего дерева.

–А в той сказке, которую рассказывали мне, он притворился спящим и, когда дриада подошла ближе, то схватил ее и надел на нее железную кольчугу, чтобы она не смогла убежать, — удивился Ритгард.

–Ну, есть довольно много вариантов этой сказки, никто не знает, как оно было на самом деле, и было ли вообще.

Мейнан нахмурился, чем дальше, тем больше ему не нравилось это место. Коррин же вообще молчал, с недовольным видом глядя на них обоих. Сказки, ну что за глупость? Из-за

богатого воображения Ритгарда и его помешанной матери они сейчас оказались в дебрях Вельского леса, и только Единые боги знают, скоро ли смогут выбраться обратно. Ему чужды были все эти сверхъестественные создания, легенды и прочая ерунда, о которой так любят слагать истории в народе. Воспитанный простым приземленным человеком, Коррин перенял взгляды своего наставника и считал, что лучшие сказания написаны о воителях, и надо полагаться на здравый смысл и свой меч, а не на какие-то выдумки древних летописцев. Однако он не мог просто так бросить друга посреди этого дикого леса, да и вообще не мог отпустить его вдвоем с этим растяпой Мейнаном скакать через полстраны, чтобы потом глупо умереть от голода, заблудившись в этом чертовом лесу. Коррин все еще не верил в эту историю о похищении и соблазнении королевы духом, и надеялся, что скоро, когда их попытки отыскать вход в пресловутый мир духов, провалятся, Ритгард опомнится, вернется домой, устроит показные похороны и начнет планировать свою коронацию.

Ритгард устало присел возле старого дуба, облокотившись спиной о его широкий ствол, и задумался. Нужно немного отдохнуть и решить, что делать дальше. Он прикрыл глаза, пытаясь отогнать навязчивое желание вздремнуть. На миг принцу показалось, что какая-то зеленая вспышка промелькнула перед его закрытыми веками. Испугавшись, принц тотчас открыл глаза, и его вдруг осенило. Ритгард поднялся, повернулся к древнему дубу и осторожно положил свои ладони на поверхность ствола. Кора оказалась сухой и теплой на ощупь, и подушечки его пальцев мягко проваливались в рассекавшие ее крупные борозды. Ритгард мысленно обратился к дереву: «Помоги мне. Мне нужно попасть в другой мир. Помоги мне. Я ищу свою мать». Он даже закрыл глаза, представляя перед мысленным взором лицо матери, каким всегда помнил его, бледное и красивое, с затаенной скорбью в зеленых глазах.

Легкая волна прошла под ладонями, и принц услышал, как удивленно ругнулся Коррин где-то за его спиной. Ритгард от-

крыл глаза и увидел, что узоры на коре начали шевелиться, скручиваясь в знакомую ему спираль. Он поспешно убрал руки, а ожившие борозды продолжали медленно двигаться. Когда они наконец остановились, на поверхности дерева проступило острое личико лесного духа, и золотистые глаза уставились прямо на принца. Неприятная улыбка искривила лицо существа, и тихий скрипучий голос произнес:

–Господин знал, что ты придешь, человеческий принц.

–Я хочу видеть свою мать. Она жива? — тут же спросил Ритгард, пытаясь скрыть свое волнение.

–Господин велел привести тебя и твоих спутников к нему, когда ты придешь. Отвечать на твои вопросы он мне не велел, человек.

–Хорошо, я готов, отведи меня к нему, — ответил принц, после недолгих колебаний. Он был одновременно напуган встречей с этим странным существом и рад, что поиски ворот в мир лесных духов так быстро подошли к концу. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль о том, что скоро он увидит того, кто соблазнил и подло обманул его мать. Ритгард сжал зубы, он понимал, что вся эта затея безумна, но отказаться от попытки спасти мать никак не мог.

Существо скривило тоненькие губы и выбралось из дерева. Оно было похоже на вытянувшегося за лето подростка, тонкокостного, нескладного и худого. Серовато-коричневая кожа была почти неотличима по цвету от ствола дерева, из которого оно появилось. Пальцы на руках были гораздо длиннее человеческих и не имели ногтей. Сложно было сказать и какого пола был этот дух. Чудное создание поманило путников своей ветвеобразной рукой, подошло к соседнему дереву и приложило к нему узенькую ладошку. Под ней тут же скрутилась вторая спираль, и между двумя деревьями заклубилась и зависла прямо в воздухе легкая туманная дымка. Существо шагнуло в нее, и дымка мягко заколебалась будто водная гладь, потревоженная порывом ветра. Ритгард решительно последовал за ним, затем, обменявшись опасливыми взглядами, двинулись Коррин и Мейнан.

Оба парня понимали, что все это не к добру — слишком легко они нашли вход, и лесные духи уже ждали их. Уходя, они слышали за спинами беспокойное ржание оставленных на поляне лошадей.

14

–Я знал, что ты придешь ко мне сам, мальчик. И ты не обманул моих ожиданий.

Голос исходил от сидящего на ивовом троне мужчины-духа, белокожего и, как и другие попадавшиеся им на пути духи, довольно худого. Ветви-рога венчали его темноволосую голову, длинные пальцы, превращавшиеся на кончиках на гибкие лозы, неподвижно лежали на подлокотниках. Глаза лесного господина, изменчивые и пронзительно зеленые, остановились на Ритгарде. Остальные люди ему были явно неинтересны. Принцу стало не по себе, но он сумел выдержать этот неприятный, пронизывающий взгляд. «Помни, зачем ты здесь» — сказал себе юноша.

–Где моя мать? Я хочу забрать ее отсюда, — обратился Ритгард к лесному господину.

–Никакого почтения к отцу. Где же приветствие и поклон? Ты дурно воспитан, *принц*, — сказал лесной господин, произнеся последнее слово с особенным нажимом и насмешкой.

–Ты не отец мне, — ощетинился Ритгард, совершенно забыв обо всякой дипломатии.

Лесной господин рассмеялся, и листья на деревьях громко зашелестели, словно бы присоединяясь к его ледяному смеху. Любопытные дриады, сгрудившиеся по краям поляны, хищно улыбались, поддерживая своего господина, и не сводили зорких глаз с новоприбывших.

–А вот твоя мать была уверена в обратном, да настолько, что пришла сюда умолять, чтобы я позволил тебе спокойно прожить свою жалкую жизнь в мире людей, — насмешливо произнес лесной господин.

–Где она? — повторил Ритгард свой вопрос.

Его захлестнула волна отвращения при мысли о том, что в нем течет кровь этого существа. Принц постарался отогнать

непрошеные мысли и сосредоточиться на цели, ради которой он пустился в путь. Мейнан и Коррин молча стояли позади него, и Ритгард спиной чувствовал исходящие от них напряжение и тревогу.

–Ты так хочешь увидеть ее? Ту, которая всю жизнь лгала тебе и скрывала свой позор, свою слабость? — сказал лесной господин, зеленые глаза его потемнели, и жестокая улыбка сделала узкое нечеловеческое лицо попросту жутким, — Что ж…

Лесной дух, как видно, решил, что впереди у него еще много времени на игры с людьми и как-то легко (по мнению спутников принца даже слишком легко) уступил требованию Ритгарда. Последний же был так взволнован предстоящей встречей с матерью, что не обратил на это должного внимания.

Лесной господин поднялся со своего трона и поманил Ритгарда за собой. Следом за ними пошли и Коррин с Мейнаном, за все это время не вымолвившие ни слова. Завершала эту странную процессию вереница худеньких востроглазых дриад. Ритгард чувствовал, как напряглась еге спина, точно он все время ожидал удара. Все вокруг, весь этот мир, эти существа — все казалось ненастоящим, нереальным, как будто он вновь оказался в одном из тех страшных снов, что преследовали его во время недавнего путешествия. Только теперь сон этот стал явью.

Они прошли по тропинке, по обе стороны которой высились цветущие кусты дикой вишни и черемухи. Волна до приторности сладких ароматов ударила путникам в нос и вызвала легкий приступ тошноты.

Дорога была недостаточно широкой для троих, поэтому Мейнан и Коррин шли позади принца. Оба были настороже: первый мысленно повторял в голове путь, которым их привели, а второй не спускал руку с рукояти меча. Смешанная процессия из людей и духов вскоре миновала цветущую аллею, и глазам их предстала еще одна поляна. На ней раскинул свои ветви древний кряжистый дуб, напоминавший огромное спящее животное. Едва Ритгард заметил его, как с криком бросился вперед. На одной из нижних ветвей дуба висело тело женщины в петле.

Крик принца заставил Коррина мгновенно вытащить меч, и находившиеся неподалеку дриады инстинктивно отскочили от него. Меч не представлял для них особой опасности, но мог доставить хлопот.

Ритгард промчался мимо лесного господина, за ним, отставая всего на пару секунд, бежал Коррин. Мейнан тоже ускорил шаг, но когда разглядел, куда побежали его спутники, замер и встал как вкопанный. В его больших бесцветных глазах читался ужас, происходящее вокруг все больше напоминало странный страшный сон. Мейнану хотелось проснуться и очутиться в своей постели в старом замке, но к сожалению это было невозможно.

Ритгард тем временем добежал до дерева, обхватил тело матери руками и попытался снять с ветки. Однако петля держала крепко.

–Нет, нет, нет.., — повторял он, уткнувшись лицом в складки ее платья, — Мама, нет.

Коррин перерубил тяжелый плетеный пояс, который послужил Мелезии вместо веревки, и тело королевы, обмякнув, навалилось на принца всем своим весом. Ритгард осел на землю, все еще не выпуская мертвую женщину из своих объятий. Ее посиневшее лицо и выпученные от удушья глаза закрыла волна черных с белыми нитями прядей, выбившихся из растрепанной косы. Словно отказываясь верить в произошедшее, принц пытался снять с шеи матери остатки веревки. Парень не плакал, но пальцы его дрожали, а лицо побелело так, что Мейнану почудилось на миг, будто принц сейчас потеряет сознание.

Коррин стоял позади друга, все еще держа в руках меч, которым разрезал веревку, выглядел он потрясенным и явно не понимал, что делать дальше. Неподалеку столпились за спиной своего господина дриады, а сам он с любопытством наблюдал происходящим.

–Ты сделал это с ней, ты. — тихо произнес Ритгард, подняв голову и встретившись глазами с лесным господином.

Взгляд принца был полон боли, черты бледного, бескровного лица исказились до неузнаваемости. Однако то, что он увидел

в глазах своего настоящего отца, заставило принца отшатнуться — радость и жадное удовольствие от чужих страданий проступили на узком лице лесного господина. Ритгард продолжал смотреть на него, не в силах отвести взгляд и не понимая, как можно быть насколько жестоким, чтобы глядеть на смерть и муки с подобными чувствами.

–Ты наслаждаешься. Чудовище, — с отвращением сказал принц, словно выплюнув эти слова под ноги лесного господина.

–А почему нет? Вы так развлекли меня, что я даже подумываю отпустить вас обратно просто так, безо всяких сделок. Хотя это было бы слишком просто. Вечная жизнь скоро становится слишком скучной и однообразной. В прошлый раз твоя мать согласилась обменять свою свободу на мужа и дочь, но тем не менее унесла отсюда больше, чем сам хотела — тебя в своем чреве. Но теперь она не уйдет, мальчик, она останется здесь со мной, останется навсегда. Я обращу ее смертное тело в плакучую иву или в тонкую березу, как думаешь, какое дерево подойдет ей больше? О, ты думаешь, скольких мертвых людей я обратил в деревья и есть ли среди них и твоя сестра? Достаточно много, чтобы получился целый лес. Я и сам не помню их всех. Кажется, я сделал ее рябиной.

Ритгард ничего не ответил, он взял остывшую руку матери в свою и тут вспомнил сон, который настиг его в первую ночь путешествия. В том сне, оказавшемся теперь пророческим, он также брал ее за руку, а она рассыпалась в прах. Решение пришло неожиданно, оно появилось будто бы само по себе и показалось Ритгарду таким простым и логичным, что он удивился, как не подумал о подобной возможности раньше. Принц повернулся к Мейнану, который присел возле него на корточки и хмуро глядел на мертвую королеву, и прошептал: «Я не могу оставить ее здесь, Мейнан. Сожги здесь все. Сожги всех, всех, до кого доберется твоя магия». Полупрозрачные глаза молодого мага на мгновение прищурились, затем в них мелькнуло понимание и некая мрачная решимость; он еле заметно кивнул и встал. Коррин, стоявший по другую сторону, тоже услышал

этот приказ и тревожно огляделся. Когда Ритгард поднял тело матери с земли, Коррин тут же перехватил меч обеими руками, а Мейнан мгновенно создал вокруг них огненный круг и пустил по направлению к лесному духу волну огня высотой в человеческий рост.

Все произошло очень быстро, и магическое пламя радостно накинулось на древесных созданий и принялось пожирать их. Раздались крики, дриады в панике побежали, спасаясь от огня, даже лесной господин отступил, опешив на мгновение, когда на него понеслась волна пламени. «Слишком привык побеждать и недооценивать людей, вот в чем твоя ошибка» — мелькнула в голове у принца быстрая мысль. Однако рассуждать было некогда, нужно было срочно бежать отсюда, пользуясь паникой и суетой.

Не дожидаясь, когда за ними погонятся, маленький отряд начал пробиваться к выходу. Они старались идти тем же путем, которым их сюда привели. Ритгарду было тяжело и неудобно нести тело матери, и Коррин, видя, что пока магический огонь защищает их достаточно хорошо, убрал меч в ножны и подхватил мертвую королеву за ноги. Они побежали так быстро, как могли, сразу за ними следовал Мейнан. Маг вслепую вскидывал руки и поджигал все, что попадалось ему на глаза. Когда беглецы миновали ивовый трон, одиноко стоявший посреди поляны, молодой маг окинул его недобрым взглядом, рука парня машинально взлетела вверх, и языки пламени тотчас принялись лизать гибкие ветви.

Древние деревья, мимо которых маленький отряд пробирался к воротам в мир людей, громко и злобно шелестели листьями, будто посылали проклятия им вслед; иногда вдалеке слышались тонкие испуганные голоса дриад. Мейнану пришлось усилить кольцо магического огня, чтобы избежать внезапного нападения в густом лесу. По лицам парней катились крупные капли пота, глаза сильно щипало от дыма, магический огонь обжигал жаром незащищенную кожу, и дышать становилось все тяжелее.

Мейнан, прекрасно понимая, что надолго его сил не хватит, как заклинание твердил про себя: «Скорее, скорее, скорее!». Перед мысленным взором его стояла туманная арка, а наяву впереди маячили спины Ритгарда и Коррина в испачканных, местами порванных куртках, которые уже начинали дымиться. Наконец, спустя, казалось, целую вечность, между деревьями появилась густая белесая дымка. Коррин с Ритгардом нырнули в нее, не сбавляя скорости. Добравшись до арки, Мейнан вдруг развернулся, разомкнул кольцо огня, послал его навстречу возможным преследователям высокой волной, а затем бросился в туман вслед за своими спутниками.

Оставленные на полянке лошади беспокойно ржали, им было неуютно в этом жутком лесу одним, без людей. Теперь же, когда их хозяева неожиданно высыпали на мягкую траву, принеся с собой пугающие запахи дыма и обгоревшей плоти, и вовсе одурели от страха. Насилу успокоив животных, беглецы решили, что поедут обратно верхом, несмотря на торчащие отовсюду корни, об которые лошади рисковали переломать себе ноги.

–Едем верхом. Плевать на эти корни, главное выбраться отсюда поскорее. Если за нами будет погоня, то пешком и с телом на руках мы не оторвемся, — категорично заявил Коррин, хотя никто и не думал с ним спорить.

Мейнан едва держался на ногах, он использовал практически весь запас своих сил на призыв магического пламени, а Ритгард не выпускал из рук тело матери и выглядел совсем измученным. Энергия, вызванная злостью на лесного господина, уже испарилась, и принц заметно обессилел и сник. Коррин, видя, в каком состоянии его спутники, взял на себя роль командира. Он помог ослабевшему магу взобраться на лошадь, поднял тело королевы и передал его Ритгарду. Мертвую женщину пришлось перекинуть через седло, иначе на лошади ее было не удержать. Принц не выразил возмущения, увидев такое непочтительное отношение к покойной, лишь губы его едва заметно сжались. Наконец Коррин сам запрыгнул в седло, и трое всадников поехали прочь из проклятого леса. Когда они скрылись за деревья-

ми, опоясывающими круглую поляну, из туманной арки показались языки рыжего пламени.

Ритгард сидел все еще потрясенный случившимся, руки его мелко дрожали, а в горле стоял ком, мешающий дышать. Он обхватил свои колени и глядел на высокую траву, волнами ходившую от порывов ветра. Время от времени принц кашлял из-за дыма, которым успел надышаться в лесу. Пальцы обеих рук, одна щека и шея его были обожжены, кожа на них уже покрылась волдырями и начала чесаться. Ритгард смутно помнил, как они выбрались из леса. Перед его мысленным взором все еще стояло безвольно висящее в петле тело матери, ее посиневшее лицо и выпученные глаза, проклятый дух, который уничтожил всю его, Ритгарда, семью, стоял рядом и смеялся над его ужасом, смеялся над его матерью, смеялся так, будто все происходящее было для него комедией, разыгранной бродячей труппой.

В голове принца крутились, никак не желая уходить, слова лесного духа, которые тот сказал ему напоследок: « Вы так развлекли меня, что я даже подумываю отпустить вас обратно просто так, безо всяких сделок. Хотя это было бы слишком просто. Вечная жизнь скоро становится слишком скучной и однообразной. В прошлый раз твоя мать согласилась обменять свою свободу на мужа и дочь, но тем не менее унесла отсюда больше, чем сам хотела — тебя в своем чреве. Но теперь она не уйдет, мальчик, она останется здесь со мной, останется навсегда. Я обращу ее смертное тело в плакучую иву или в тонкую березу, как думаешь, какое дерево подойдет ей больше? О, ты думаешь, скольких мертвых людей я обратил в деревья и есть ли среди них и твоя сестра? Достаточно много, чтобы получился целый лес. Я и сам не помню их всех. Кажется, я сделал ее рябиной».

Ритгард все еще слышал гневные и испуганные крики дриад, когда магический огонь понесся им навстречу. Оказалось, что стихия огня не была подвластна духам леса, видимо, этого они боялись больше всего. Ритгард и сам не понимал, как ему в го-

лову пришла эта простая идея. Способности Мейнана к огненной магии оказались как никогда кстати.

Принц помнил, как они пробились к выходу, Коррин помогал ему нести тело матери, а побелевший от напряжения Мейнан держал, как мог, огненное кольцо. На выходе из мира духов, Мейнан, используя остатки своей магии, послал последнюю волну огня в сторону противников, но как видно какая-то часть пламени пробралась и в мир людей. Мягкая подстилка из хвои, по которой так приятно было ходить, вспыхнула почти мгновенно, и огонь быстро пополз по Вельскому лесу. Путники заметили пожар не сразу. Поминутно оглядывавшийся назад Коррин, громко выругался, когда увидел позади, среди темных стволов, отблески огня и стремительно расползающийся дым. Едва спасшись от духов с помощью магического пламени, они чуть было сами не погибли в нем. В панике беглецы сошли с пути, которым пришли к поляне, но им хватило ума положиться на лошадей, и те унесли всадников подальше от опасного места, подгоняемые инстинктами и страхом. Из леса они выбрались неподалеку от тропинки, по которой вошли в него этим утром, но отдохнуть остановились только когда пересекли луг и добрались до второго холма.

Ночь подкралась незаметно, но никто не решался разжечь костер. Вдалеке, над верхушками Вельского леса, освещенного светом пожара, густо клубился дым. Ветер дул в направлении холмов и приносил с собой горький воздух, пропитанный гарью. Запах этот тревожил людей и будил инстинктивное желание бежать подальше отсюда. Заморенные лошади устало щипали траву.

Трое парней буквально сползли на землю после долгой трудной дороги. Коррин только теперь обратил внимание на то, какой ущерб нанес магический огонь его спутникам. Ритгарду опалило обе руки, часть шеи и щеку, у Мейнана же дела обстояли куда хуже. Вынужденный удерживать магический огонь, он сильно обжег обе руки, особенно пострадали ладони, начисто лишился бровей, лицо его было красным, но выглядело все же

лучше, чем руки, уже покрывшиеся пузырями. В нескольких местах на штанах молодого мага зияли большие дыры, явно прожженные пламенем, сквозь них тоже проглядывали водянистые бугорки волдырей. У самого Коррина немного обгорели волосы, одежда пропахла дымом, но в остальном он отделался малой кровью, лишь правая рука самую малость пострадала.

Тело королевы спустили с седла, и Ритгард, недолго думая, снял свой плащ, расстелил его на траве, бережно уложил на него мать и обернул ее в ткань, словно в саван. Он хотел было перевязать плащ веревкой, но обожженные руки слишком сильно болели и чесались. Коррин тут же пришел другу на помощь, и вместе они быстро справились с узлами. Где-то рядом застонал Мейнан, безуспешно пытавшийся развязать свою дорожную сумку.

–Помоги, Коррин, — обратился он к парню. -Там на дне есть склянка с мазью, темная такая. Это от солнечных ожогов. Конечно она не слишком подходит для подобного, — маг кивком указал на пузыри, покрывшие его кожу. –Но лучше, чем совсем ничего.

Коррин тут же полез в сумку, но в сумерках все баночки казались ему темными, наконец он разглядел нужную, достал, открыл и подал ее Мейнану.

–Держи. Ох и воняет же она, — поморщился парень.

–Спасибо. Пусть себе воняет, лишь бы помогала, — откликнулся молодой маг и принялся аккуратно наносить мазь на ладони.

Он ругался и ворчал, прикасаясь к зудящей горячей коже и стараясь ненароком не проткнуть вздувшиеся на ней пузыри. Конечно, если бы ему не нужно было поддерживать огонь во время бегства, то никаких ожогов бы не было в помине, однако тогда духи успели бы одурманить их и захватить в плен. И по мнению Мейнана уж лучше было ходить до конца жизни со шрамами от огня, чем остаться в том мире хотя бы на час дольше. Встреча с лесными духами и их господином лишь подтвердила все то дурное, что маг успел о них узнать. Перед глаза-

ми у него все еще стояла картина — мертвое тело в петле, и молодой маг не мог перестать думать о страшной судьбе, которой им троим удалось избежать.

Закончив обрабатывать ожоги, Мейнан снова вручил баночку Коррину и попросил передать ее принцу. Паренек брезгливо взял склянку и направился к Ритгарду. После того, как Коррин помог ему перевязать завернутое в плащ тело, принц отошел подальше, сел спиной к Вельскому лесу, чтобы не видеть его, и молча смотрел на цветущий луг, уже покрытый синей сумеречной пеленой грядущей ночи. Он сидел неподвижно, и Коррин, подойдя ближе, заметил, какой у друга пустой отсутствующий взгляд. Он не знал, что сказать Ритгарду, как утешить, да и будет ли толк от его слов после всего, что тот пережил сегодня? Склянка с мазью чуть было не выскользнула из рук парня, когда он протянул ее другу.

–Держи. Мейнан говорит, что мазь слабовата, но должна немного помочь, — сказал Коррин и добавил, подумав, что шутка быть может отвлечет друга от тягостных мыслей. -Воняет, правда, хуже, чем портки свинопаса.

Ответа он так и не дождался. Ритгард по-прежнему молчал он не протянул к склянке руку, просто сидел и смотрел вдаль, будто бы вовсе не замечал друга. Коррин замялся, чувствуя себя на редкость глупо и неловко. И правда, с чего его вдруг дернуло шутить, когда всего полчаса назад он помогал Ритгарду делать саван для мертвой матери? Можно подумать тому сейчас есть дело до шуток. Кажется, настолько ужасно Коррин не чувствовал себя еще никогда. Наконец он решил, что хуже уже не будет, и присел рядом с принцем. Коррин поглядел на ожоги, покрывавшие руки и шею друга, и тяжело вздохнул, понимая, что ему по-видимому придется взять это на себя.

–Ритгард… — начал было парень, но на мгновение осекся. –Ритгард, я помогу тебе с ожогами, хорошо?

Осторожно, стараясь не причинить другу боли, Коррин взял его неподвижную руку и принялся накладывать мазь. Густой, резкий травяной запах тут же окутал их обоих, вызывая в памя-

ти сырые болота. «Хвала Единым, я давно не ел, иначе бы точно вывернуло» — подумал Коррин, у которого уже начали слезиться глаза от запаха мази. Он закончил обмазывать руки принца и понял, что пора переходить к обожженной шее и щеке. Сердце Коррина ухнуло и провалилось куда-то вниз. Он так и застыл, держа на ладони открытую баночку. «Нет, я не стану взваливать на него еще и этот груз, и уж точно не теперь» — наконец сказал себе парень. Он глубоко вздохнул, начал покрывать обожженную кожу Ритгарда тонким слоем целебной мази. Когда он закончил, Ритгард не пошевелился и не сказал ни слова. Коррин снял с себя дорожный плащ и набросил его на плечи друга, стараясь не задеть поврежденную кожу, а потом устроился подле него, не зная, чем еще занять себя. Костра они решили не разжигать, а уснуть после пережитого им троим вряд ли удастся. Оставалось лишь сидеть, ожидая, когда лошади отдохнут, и, если повезет и ночь будет лунной, можно будет продолжить путь.

–Я просто побуду рядом, Рит. Скажи, если тебе что-то нужно, только скажи, — решился еще раз обратиться к другу Коррин.

Его расстроенный встревоженный голос в этот раз будто бы дошел до сознания Ритгарда, и тот вдруг повернулся в его сторону. Принц ничего не сказал, но выражение его лица поразило Коррина сильнее всяких слов. Он никогда еще не видел друга таким разбитым и сломленным. Ритгард, его Ритгард, всегда такой открытый и веселый, сейчас походил на потерянного ребенка. Коррин плюнул на все условности и страхи, обнял Ритгарда за плечи и прижал к себе. Это все, что он мог сейчас сделать, просто обнять и побыть рядом, потому что вернуть к жизни мертвую женщину, закутанную в плащ не мог уже никто.

–Все будет хорошо, Рит, я буду рядом, — тихо повторил он, осторожно погладив друга по спине, словно ребенка, которого хотел успокоить. Он не раз видел, как Кайла таким образом утешала дочку, и Коррин, не помнивший материнской ласки, повторил ее жесты и слова, надеясь, что Ритгарду станет хотя бы немного легче.

Все еще ощущая огромную неловкость, Коррин вдруг подумал, что сейчас сидит рядом с новым королем Йельмера. Мысль показалась ему такой странной и неуместной, что парню захотелось рассмеяться и смеяться, смеяться, пока на глазах не выступят слезы, однако он сдержал этот странный позыв. Коррин вспомнил, как покойный маг Лотиус когда-то рассказывал ему о том, что люди по-разному ведут себя, если в жизни их случилась беда. Одни замирают и словно бы закрываются от мира, другие гневаются, третьи смеются. «Это что-то вроде такой защиты, чтобы выплеснуть напряжение и боль, а не копить их внутри. Как ты, например, идешь и рубишь тренировочный манекен, чтоб выпустить пар, если кто-то тебя разозлил. Но хуже всего, когда человек просто уходит в себя и не может отпустить то, что произошло, тогда оно гложет и разрушает его изнутри или рождает в душе страшную пустоту, которая будет расти внутри, пока не погубит человека окончательно» — так говорил старый маг. Желание смеяться тут же прошло, как только парень осознал, что его лучший друг не проронил ни одной слезинки и впал в странное состояние оцепенения. Именно это состояние Лотиус называл самым плохим.

Вскоре позади раздались шаги, Коррин вздрогнул и обернулся, он совсем забыл про мага. Мейнан подошел к ним и присел рядом, в руках он держал пучок какой-то травы. Как видно маг не терял времени даром и успел найти на лугу что-то полезное, хотя как он сумел сделать это в темноте, Коррин понятия не имел. Тем временем Мейнан подошел к принцу, и подал ему несколько листочков, судя по резкому свежему аромату, это была дикая мята. Маг, безо всякой учтивости спросил, обращаясь к принцу просто и без титулов:

–Ритгард, тебе нужно съесть немного. Я не могу разводить костер здесь, на вершине холма и на таком ветру, мы итак спалили за собой добрую половину Вельского леса, не хватало еще и здесь наследить. Это мята, она поможет тебе заснуть. Нам всем нужно отдохнуть, иначе до столицы мы просто не доберемся.

Ритгард посмотрел на него пустыми глазами, но взял листья, положил в рот и начал жевать, по-прежнему не говоря ни слова. Также молча он принял кусок хлеба и фляжку с остатками пива. Коррин и Мейнан переглянулись, во взгляде первого читался немой вопрос, и маг лишь отрицательно покачал головой, показывая, что по его мнению дело плохо. Он и сам пожевал немного листьев, чувствуя, что даже для его крепких нервов сегодняшние события — это чересчур. Коррин же отказался, решив покараулить, насколько хватит сил. Мейнан пожал плечами и принялся обустраивать место для сна себе и принцу. Ворча и отпуская ругательства, когда случайное касание вызывало боль в пораженных руках, он вытащил из дорожных сумок одеяла и уложил на них Ритгарда, который уже начинал клевать носом. Затем маг улегся рядом с принцем, поплотнее закутавшись в свой грязный, пропахший дымом плащ.

Когда его спутники наконец уснули, Коррин порылся в собственной сумке, натянул поверх одежды запасную рубашку, а штаны и сумку положил на траву, чтобы было мягче и теплее сидеть. С большим трудом он сумел продержаться до полуночи, а потом и сам не заметил, как заснул, сморенный усталостью.

Утро встретило их неприветливо: ветер не спеша гнал по пасмурному небу тучи всевозможных оттенков серого цвета, и они щедро покрывали землю моросящим дождем. Коррин поежился, он порядком промок и замерз, несмотря на две рубашки и дорожную куртку, а Мейнан все не появлялся. Еще до света маг разбудил его, сказал, что отправляется в деревню у леса, чтобы купить небольшую телегу. Коррин согласился с ним, сочтя это разумным, нужно было как-то везти тело, не тащить же покойницу до самой столицы перекинутой через седло.

Парень встал поразмять ноги, и заодно посмотреть, не едет ли Мейнан. С этого холма не была видна деревня, лишь зеленый луг, утративший вдруг всю свою яркость, когда закрылись перед дождем цветочные бутоны. Коррин оглянулся на Ритгарда. Несмотря на промозглую погоду, тот все еще спал. Он собрался было будить друга, но тут внимание его привлекло какое-то движение — с хол-

ма напротив спускался Мейнан, ведя в поводу запряженную в повозку лошадь. Довольная улыбка, появившись было на лице Коррина, тут же исчезла — за магом следовал какой-то всадник. Наскоро растолкав Ритгарда, Коррин объяснил ему, что люди советников по всей вероятности узнали Мейнана, и теперь один из них направляется сюда вместе с магом. Принц встал, спокойно поблагодарил друга, и они вместе стали наблюдать за далекими фигурами. Незнакомец, видимо тоже заметив Ритгарда и Коррина, он пустил лошадь в галоп, пока Мейнан бился с повозкой, и вскоре глазам принца и оруженосца предстал растрепанный и забрызганный грязью с головы до ног лорд Роймас.

–Хвала духам и Единым, ваше высочество, я нашел вас! — воскликнул он, спрыгнул с лошади и бросился обнимать Ритгарда будто родного сына.

Принц вздрогнул, а когда советник заглянул ему в лицо, проследил за взглядом Ритгарда увидел завернутое в плащ тело, то понял все без слов. Как-то разом постаревший и побледневший лорд Роймас отпустил Ритгарда, опустился на одно колено, низко склонив голову, и тихим скорбным голосом произнес:

–Долгий век, мирный век вашему величеству.

Эта сцена потрясла Коррина даже больше вчерашнего пожара и тела несчастной женщины в петле. Повинуясь порыву, под действием горьких торжественных слов приветствия новому правителю, Коррин тоже преклонил колено и эхом повторил слова советника.

–Встаньте, лорд Роймас, Коррин, — раздался неожиданно спокойный голос Ритгарда. — Нужно отвезти мою мать домой. Вы знаете, что делать.

Советник и оруженосец поднялись одновременно, Коррин принялся собирать вещи и седлать лошадей, а лорд Роймас приблизился к Ритгарду и осторожно спросил:

–Где вы нашли ее? Как она умерла?

–Это уже не имеет значения. Ваше дело теперь устроить похороны, когда мы вернемся в столицу, — отрезал Ритгард, и советнику почудилось, что глаза у него совершенно пустые.

Тем временем на холм взобрался вместе с повозкой придворный маг, Коррин и Роймас уложили в нее тело королевы, советник снял с себя плащ и решительно набросил сверху, чтобы не дать чужим глазам разглядеть в повозке очертания человеческого тела. Молодой король молча наблюдал за их действиями. Когда приготовления к дороге закончились, он сел на лошадь и, мягко тронув ее бока коленями, отправил животное спускаться в низину. Остальные в молчании последовали за ним.

***

День похорон выдался пасмурным. Тяжелые низкие тучи клубились на небе, предвещая скорый дождь, но это не остановило людей, заполнивших весь луг за городскими воротами и все еще продолжавших прибывать. Жители Кайтерна пришли попрощаться со своей королевой. Долгая болезнь истощила ее и, несмотря на старания мага и молитвы людей, все-таки сумела победить. Говорили, что это было что-то заразное, но на белом лице покойной не было видно никаких отметин. Люди шептались, что это дело рук нового придворного мага — Мейнана. Говорили, что молодой король Ритгард поручил ему подготовить тело к похоронам так, чтобы его мать и после смерти выглядела по-королевски.

После нескольких прощальных речей советников, король вышел вперед и коротко поблагодарил всех, кто пришел проститься с его почившей матерью, выразил надежду на то, что станет для Йельмера хорошим королем и справедливым правителем, каким раньше была Мелезия. Несмотря на то, что на дворе стояло лето, на руках принца были перчатки. Через щеку его шел широкий свежий шрам, как от ожога. Люди гадали, как молодой король его получил, но задавать вопросы конечно никто не решался.

Король Ритгард выглядел уставшим и бледным, едва ли сильно отличаясь цветом лица от покойницы матери. Его зеленые глаза, обычно полные озорства и веселья, теперь потухли и отекли. Люди искренне жалели юношу, они любили королеву

Мелезию и точно также любили и ее сына, который слыл среди жителей столицы добрым и приветливым парнем. Однако сейчас в нем не было ни следа от прежнего Ритгарда. Сегодня здесь, на берегу быстрой реки, стоял юноша, сломленный горем, внезапно повзрослевший, по-особому величественный в своей скорби. Простой обруч из черненого серебра заменял ему корону, показывая новый статус и знаменуя траур по матери. Закончив небольшую речь, которая далась ему с явным трудом, молодой король поднялся на погребальный костер, осторожно снял с королевы тяжелую золотую корону и накрыл ее лицо белым платком, а затем спустился и подошел к магу и стоявшему рядом с ним главе культа единых богов, по имени Малистер. Ритгард что-то тихо приказал им обоим, и священник с магом, вышли вперед.

–Пусть душа нашей доброй королевы Мелезии найдет путь к предкам и упокоится с ними в вечном мире! Единые да помогут ей в этом! — громко выкрикнул глава культа, воздевая в благословляющем жесте свои длинные руки. — Долгий век, мирный век, его величеству королю Ритгарду!

Затем в дело вступил придворный маг, он поднял руку, и сухое дерево погребального костра занялось жарким пламенем. В толпе пронеслись еле слышные из-за громкого треска дров, шепотки. На протяжении веков в последний путь провожали, желая, чтобы духи помогли душе умершего найти путь к предкам, а сейчас маг упомянул вместо них Единых бога и богиню. Люди удивились, кто-то счел это оговоркой, кто-то негодовал, что их верованием в духов пренебрегли, лишь последователи новой веры в Единых остались довольны. Старый Малистер был серьезен, но в глазах его, освещаемых рыжими бликами пламени, светилось торжество. Никто толпе не заметил, как поморщился молодой маг, пряча в складках просторной мантии правую руку.

Костер горел еще долго, а король все стоял, терпеливо ожидая конца. Он безучастно глядел на огонь, и люди бросали на него сочувствующие взгляды. Когда последние языки пламе-

ни наконец погасли, и осталась только гора раскаленных углей, под которыми где-то внизу лежали непрогоревшие остатки скелета. Король велел погрузить их на маленькую легкую лодочку. Он сам положил поверх груды пепла и углей венок из простых полевых цветов, взял, не снимая перчатки, горстку пепла, оттолкнул лодку, и она, подгоняемая попутным ветром и течением, понеслась в сторону Длинного моря. Король встал у берега и, не сводя глаз с лодки, медленно ссыпал пепел в быструю воду. Лишь когда лодка скрылась из вида за изгибом реки, он дал знак возвращаться обратно в замок. Слуги подвели Ритгарду коня, он вскочил в седло и вместе со свитой поскакал в сторону городских ворот, где трепыхался под порывами ветра приспущенный в знак траура королевский флаг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 3
2 15
3 31
4 38
5 52
6 69
7 79
Пять лет спустя 96
1 97
2 106
3 123
4 140
5 161
6 177
7 186
8 209
9 220
10 231
11 242
12 261
13 272
14 283

Анастасия Елагина

Духово племя

Часть I. Наследник

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жители королевства Йельмер верят в духов стихий и каждый год празднуют срединную ночь лета. Это веселое, но опасное время, ведь духи свободно бродят по земле и могут заманить в свой мир любого. Все сказки и легенды предупреждают людей о коварстве духов, но иногда искушение побеждает здравый смысл. Королева Мелезия, устав от государственных дел, оставляет мужа и ребенка спокойно спать под охраной и отправляется на праздник. Чем закончится для нее и королевства желание потанцевать у костров в срединную ночь лета?

ISBN 978-5-0050-4761-8

Rideró

Rideró.ru — издай книгу бесплатно!